ISSN-0132-862X

7
1993

ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

СВЯТАЯ ВЕЛИКОМУЧЕНИЦА МАРИНА

современная икона афонского письма

1993 • 7

ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

Журнал выходит ежемесячно
Адрес редакции: 119435 Москва, Погодинская ул., 20

Главный редактор–председатель Издательского отдела Московского Патриархата МИТРОПОЛИТ ВОЛОКОЛАМСКИЙ И ЮРЬЕВСКИЙ ПИТИРИМ

СОДЕРЖАНИЕ

СВЯТАЯ РУСЬ

Виктор Афанасьев. Дивный старец. Жизнеописание преподобного и богоносного отца нашего Серафима, Саровского и всея Руси чудотворца 2

ЦЕРКОВЬ И ВРЕМЯ

Е. С. Полищук. «Рождественские образовательные чтения» (заметки участника) 35
Н. Больсунов. Друг, как ты вошел сюда? 37
И. Самсонов. Православие и русская культура в древней Литве 43

ИЗ ИСТОРИИ МОНАСТЫРЕЙ

Протоиерей Владислав Цыпин. Преподобный Сергий и русское монашество 52
А. Ефремов. Борисоглебский монастырь в селе Аносино 56

ПРОПОВЕДЬ

Протоиерей Стефан Жила. Сосуд христовой любви 60
Протоиерей Димитрий Смирнов. В Неделю 6-ю по Пятидесятнице 62
Протоиерей Алексий Глушаков. Поминайте наставников ваших 62

ПРАВОСЛАВНОЕ БОГОСЛОВИЕ

А. И. Сидоров. Логико-богословский трактат в «Путеводителе» преподобного Анастасия Синаита 65
Преподобный Анастасий Синаит. Путеводитель (избранные главы) 72

ВРЕМЯ СОБИРАТЬ

Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. Генерал Врангель 84

ИЗ ДУХОВНОГО ОПЫТА

Профессор протоиерей Павел Светлов. Афоризмы. *(Продолжение следует)* 113

БИБЛИОГРАФИЯ

Михаил Вострышев. Окунев Н. П. Дневник москвича 119

Дивный старец

Жизнеописание преподобного и богоносного отца нашего Серафима, Саровского и всея Руси чудотворца

Серафим Саровский, икона XIX века

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Мать Николая Александровича Мотовилова рано овдовела. В 1816 году, когда ему было всего семь лет, они приехали из своего Лукояновского имения в Саров к отцу Серафиму, который тогда еще был в затворе, но начал уже принимать посетителей. Пока вдова слушала наставления старца, ребенок заскучал и стал играть, бегать по келлии. Мать остановила его, а отец Серафим возразил:

— С малюткой Ангел Божий играет, матушка! Как можно ребенка останавливать в его беспечных играх!.. Играй, играй, деточка, Христос с тобой!

Эти слова мальчик запомнил на всю жизнь.

Потом он учился в Казанском университете, где увлекла его светская жизнь, он закружился в суете. Враг рода человеческого подталкивал его к безбожию, а однажды чуть и вовсе не погубил, когда, ожидая наказания за один проступок в университете, он хотел утопиться в Черном озере. Была темная ночь. Только он собрался кинуться в воду, вдруг какой-то внезапный свет ослепил его — он увидел, что над водой стоит Казанская икона Божией Матери... Ему шел семнадцатый год. Вскоре юноша полюбил девушку, почти еще подростка, младшую сестру поэта Николая Михайловича Языкова, которая с матерью жила в Симбирске. Они с матерью были очень набожны. Однако не суждено было ему соединиться с ней в браке. Окончив университет, Мотовилов поступил на службу, но за отказ вступить в масонскую ложу (это предложение ему сделал симбирский губернский предводитель дворянства князь Михаил Петрович Баратаев, великий мастер Петербургской ложи иллюминатов) подвергся разным гонениям и даже был обвинен в государственной измене, и только заступничество министра юстиции спасло его. Потом, когда ему было девятнадцать лет, тяжкая болезнь пришла к нему — опухли и скорчились ноги, он вынужден был лежать, страдая от боли. Врачи Симбирска и Казани не смогли ему помочь.

5 сентября 1831 года он приехал в Саров к отцу Серафиму. Батюшка 7—8 сентября беседовал с ним в своей монастырской келлии. На следующий день Мотовилов был принесен на носилках в ближнюю пустыньку. Возле пустыньки был народ, и все слушали отца Серафима, стоявшего у огромной сосны. На просьбу Мотовилова исцелить его он отвечал:

— Да ведь я не доктор. К докторам надобно относиться, когда хотят лечиться от болезней каких-нибудь.

Мотовилов рассказал ему, что лечился у разных знаменитостей, был на водах, но уже ни на что не имеет надежды, кроме как на милосердие Божие, и с сокрушением признался, что не смеет по своей крайней греховности сам молить Господа об исцелении, потому и просит его святых молитв.

— А веруете ли вы в Господа Иисуса Христа, что Он есть Богочеловек, и в Пречистую Его Матерь, что она есть Приснодева?

— Верую!

— А веруете ли, что Господь как прежде исцелял мгновенно, одним словом Своим или прикосновением Своим, все недуги, бывшие на людях, так и ныне легко и мгновенно может по-прежнему исцелять требующих помощи одним же словом Своим, и что ходатайство к Нему Божией Матери за нас всемогуще, и что по сему ходатайству Господь Иисус Христос и ныне так же мгновенно и одним словом может исцелить вас?

Мотовилов отвечал, что верует, а иначе не велел бы и везти себя сюда.

— А если вы веруете, то вы здоровы уже!

— Как здоров? Люди мои и вы дéржите меня на руках.

— Нет,— сказал отец Серафим,— вы совершенно всем телом вашим теперь уже здоровы вконец.

Батюшка приказал всем отойти от больного, а сам взял его за плечи и поставил на ноги.

— Крепче стойте, тверже утверждайтесь ногами на земле... вот так! Не робейте! Вы совершенно здоровы теперь!

Окончание. Начало см.: ЖМП, 1993, № 5, 6.

Увидев, что Мотовилов стоит на ногах, батюшка и сам обрадовался:

— Видите ли, как хорошо вы теперь стоите?.. Идите же смело, батюшка мой, Господь исцелил вас! Идите же, трогайтесь с места!

Когда Мотовилов прошел несколько шагов, отец Серафим воскликнул:

— Довольно уже!.. Что,— продолжал он,— теперь удостоверились ли вы, что Господь вас действительно исцелил во всем — и во всем совершенно?.. Отъял Господь беззаконие ваше и грехи ваши очистил Господь. Видите ли, какое чудо Господь сотворил с вами ныне?! Веруйте же всегда несомненно в Него, Христа Спасителя нашего, и крепко надейтесь на благоутробие Его к вам; всем сердцем возлюбите Его и прилепитесь к Нему всею душою вашею и всегда крепко надейтесь на Него, и благодарите Царицу Небесную за Ее к вам великие милости. Но, так как трехлетнее страдание ваше тяжко изнурило вас, то вы теперь не вдруг помногу ходите, а постепенно: мало-помалу приучайтесь к хождению и берегите здоровье ваше, как драгоценный дар Божий!..

Мотовилов отправился в монастырь. «Лишь только приехал я,— писал он в своих воспоминаниях,— игумен Нифонт и казначей иеромонах Исаия с двадцатью четырьмя старцами, иеромонахами саровскими, встретили меня на крыльце гостиницы, поздравляя меня с милостию Божиею, чрез великого старца Серафима мне во дни их дарованную».

Он не торопился уезжать из Сарова — не в силах был оторваться от отца Серафима, и тот несколько раз удостаивал его своих бесед. Однажды старец угадал, что Мотовилов хочет, но не смеет попросить его помолиться о его будущей, как он надеялся, невесте — Екатерине Михайловне Языковой:

— Что же, Ваше Боголюбие, вы все хотите о чем-то вопросить меня да будто и не смеете? Говорите просто со мной, убогим Серафимом: я все, при помощи Божией, готов ответить вам, что мне Господь открыть соблагоизволит!

Мотовилов и признался, что любит одну девицу, дворянку, соседку свою в Симбирске, и что хотел бы, чтобы отец Серафим помолился о ней. На вопрос, что же ему понравилось в ней, Мотовилов ответил, что она «как монастырка воспитана».

— Как? — переспросил отец Серафим.— Как монастырка? Я не вник хорошенько в ответ ваш.

— Вот что я разумею под этим,— сказал Мотовилов.— Отец ее, Михаил Петрович Языков, рано оставил ее сиротой, пяти или шести лет, и она росла в уединении при больной своей матери, Екатерине Александровне, как в монастыре, всегда читывала ей утренние и вечерние молитвы, и так как мать ее была очень религиозна и богомольна, то у одра ее часто бывали и молебны, и всенощные. Воспитываясь более десяти лет при такой боголюбивой матери, и сама она стала как монастырка.

— А много ли лет теперь вашей предназначенной вам от Бога невесте?

— Думаю, что ей теперь не более 16 или 17 лет!

— Что вы, батюшка, Ваше Боголюбие! Нет, нет! Вашей, от Бога вам предназначенной, невесте теперь восемь лет и несколько месяцев, эдак три или четыре, а уж едва ли более пяти месяцев, а, ведь, по новому постановлению Синода, нельзя мужчине моложе восемнадцати лет, а девушке шестнадцати вступать в брак. Так не подождать ли вам вашей Богом предназначенной невесты эдак восемь или десять лет? А то как же вам теперь жениться на ней? Никак нельзя — молода еще очень.

— Да помилуйте, батюшка Серафим! Как же молода?

— Да о ком вы говорите мне, убогому Серафиму?

— О Языковой.

— А! О Языковой!.. Ну, я не о ней говорю вам, а я, убогий, о предназначенной вам от Бога невесте говорю теперь, и ей, уверяю вас по Бозе, Ваше Боголюбие, более восьми лет с несколькими месяцами теперь никак не будет.

Отец Серафим говорил действительно о той девушке, на которой и женился впоследствии «служка Серафимов и Божией Матери» Николай Александрович Мотовилов,— о Елене Ивановне Милюковой, дочери крестьянина, брата дивеевских монахинь-сестер Прасковьи Семеновны и Марии Семеновны (покойной схимонахини Марфы), которая жила с тетками своими в Дивеевской общине с шести лет.

— Но, может быть,— сказал отец Серафим Мотовилову,— вы смутитесь, когда я вам скажу ее звание? Она простая крестьянка... Но не смущайтесь сим, Ваше Боголюбие,— она и по праотцу нашему Адаму и по Господе нашем Иисусе Христе сущая вам сестра.

Отец Серафим будущее видел как бы уже совершившимся. Он знал, что Мотовилов всю остальную жизнь посвятит борьбе за Православие, за Дивеево — Дом Пресвятой Богородицы, много перенесет тягот, поношений, но будет тверд до конца в стоянии за Истину, в исполнении заветов старца Серафима... Знал он также, что все, сказанное Мотовилову, будет тщательно записано и, спустя много лет, по воле Божией, явится для пользы душевной людям в нужное время, когда будут тяжкие времена — канун великих несчастий и разорения на Святой Руси... Поэтому старец был особенно внимателен к Мотовилову и отдавал ему много времени, несмотря на то что всегда толпы жаждущих его слова ожидали за дверями.

Одна из их встреч имеет совсем особенное значение. Николай Александрович Мотовилов записал все, что тогда было, что сказал старец и, по молитвам отца Серафима, запомнил и изложил все в точности[1]. Разговор происходил в конце ноября 1831 года. «Это было в четверток,— писал Мотовилов.— День был пасмурный. Снегу было на четверть на земле, а сверху порошила довольно густая снежная крупа, когда батюшка отец Серафим начал беседу со мной на ближней пажнинке своей, возле той же его ближней пустыньки против речки Саровки, у горы, подходящей близко к берегам ее.

Поместил он меня на пне только что им срубленного дерева, а сам стал против меня на корточках.

— Господь открыл мне,— сказал великий старец,— что в ребячестве вашем вы усердно желали знать, в чем состоит цель жизни нашей христианской, и у многих великих духовных особ вы о том неоднократно спрашивали...

Я должен сказать тут, что с 12-летнего возраста меня эта мысль неотступно тревожила, и я, действительно, ко многим из духовных лиц обращался с этим вопросом, но ответы их меня не удовлетворяли. Старцу это было неизвестно.

— Но никто,— продолжал отец Серафим,— не сказал вам о том определительно. Говорили вам: ходи в церковь, молись Богу, твори заповеди Божии, твори добро — вот тебе и цель жизни христианской. А некоторые даже негодовали на вас за то, что вы заняты небогоугодным любопытством, и говорили вам: высших себя не ищи. Но они не так говорили, как бы следовало. Вот я, убогий Серафим, растолкую вам теперь, в чем, действительно, эта цель состоит.

Молитва, пост, бдение и всякие другие дела христианские, сколько ни хороши они сами по себе, однако не в делании только их состоит цель нашей христианской жизни, хотя они и служат необходимыми средствами для достижения ее. Истинная же цель жизни нашей христианской состоит в стяжании Духа Святаго Божьего. Пост же и бдение, и молитва, и милостыня, и всякое Христа ради делаемое доброе дело суть средства для стяжания Святаго Духа Божьего. Заметьте, батюшка, что только ради Христа делаемое доброе дело приносит нам плоды Святаго Духа. Все же не ради Христа делаемое, хотя и доброе, мзды в жизни будущего века нам не представляет да и в здешней жизни благодати Божией тоже не дает. Вот почему Господь Иисус Христос сказал: *всяк, иже не собирает со Мною*, той *расточает*. Доброе дело иначе нельзя назвать, как собиранием, ибо, хотя оно и не ради Христа делается, однако же добро. Писание говорит: *Во всяком языце бояйся Бога и делаяй правду, приятен Ему есть.* И, как видим из последовательности священного повествования, этот *делаяй правду* до того приятен Богу, что Корнилию сотнику, боявшемуся Бога и делавшему правду, явился ангел Господень во время молитвы его и сказал: *пошли во Иоппию к Симону Усмарю, тамо обрящеши Петра и той ти речет глаголы живота вечнаго, в них спасешися ты и весь дом твои.* Итак, Господь все свои Божественные средства употребляет, чтобы доставить такому человеку возможность за свои добрые дела не лишиться награды в жизни пакибытия. Но для этого надо начать здесь правой верой в Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия, Пришедшего в мир грешныя спасти, и приобретением себе благодати Духа Святаго, Вводящего в сердца наши Царствие Божие и Прокладывающего нам дорогу к приобретению блаженства жизни будущего века. Но тем и ограничивается

эта приятность Богу дел добрых, не ради Христа делаемых: Создатель наш дает средства на их осуществление. За человеком остается или осуществить их, или нет. Вот почему Господь сказал евреям: *аще не бысте видели, греха не бысте имели. Ныне же глаголете — видим, и грех ваш пребывает на вас.* Воспользуется человек, подобно Корнилию, приятностью Богу дела своего, не ради Христа сделанного, и уверует в Сына Его, то такого рода дело вменится ему, как бы ради Христа сделанное и только за веру в Него. В противном же случае человек не вправе жаловаться, что добро его не пошло в дело. Этого не бывает никогда только при делании какого-либо добра Христа ради, ибо добро, ради Него сделанное, не только в жизни будущего века венец правды ходатайствует, но и в здешней жизни преисполняет человека благодатию Духа Святаго и притом, как сказано: *не в меру бо дает Бог Духа Святаго. Отец бо любит Сына и вся дает в руце Его.*

Так-то, Ваше Боголюбие! Так в стяжании этого-то Духа Божия и состоит истинная цель нашей жизни христианской, а молитва, бдение, пост, милостыня и другие ради Христа делаемые добродетели суть только средства к стяжанию Духа Божиего.

— Как же стяжание? — спросил я батюшку Серафима.— Я что-то этого не понимаю.

— Стяжание все равно что приобретение,— отвечал мне он,— ведь вы разумеете, что значит стяжание денег. Так все равно и стяжание Духа Божия. Ведь вы, Ваше Боголюбие, понимаете, что такое в мирском смысле стяжание? Цель жизни мирской обыкновенных людей есть стяжание, или наживание денег, а у дворян сверх того — получение почестей, отличий и других наград за государственные заслуги. Стяжание Духа Божия есть тоже капитал, но только благодатный и вечный, и он, как и денежный, чиновный и временный, приобретается одними и теми же путями, очень сходственными друг с другом. Бог Слово, Господь наш Богочеловек Иисус Христос уподобляет жизнь нашу торжищу и дело жизни нашей на земле именует куплею, и говорит всем нам: *купуйте, дондеже приду, искупующе время, яко дние лукави суть,* то есть выгадывайте время для получения небесных благ через земные товары. Земные товары — это добродетели, делаемые Христа ради, доставляющие нам благодать Всесвятого Духа. В притче о мудрых и юродивых девах, когда у юродивых недоставало елея, сказано: шедши купите на торжищи. Но когда они купили, двери в чертог брачный уже были затворены, и они не могли войти в него. Некоторые говорят, что недостаток елея у юродивых дев знаменует недостаток у них прижизненных добрых дел. Такое разумение не вполне правильно. Какой же это у них был недостаток в добрых делах, когда они хоть юродивыми, да все же девами называются? Ведь девство есть наивысочайшая добродетель, как состояние равноангельское, и могло бы служить заменой само по себе всех прочих добродетелей. Я, убогий, думаю, что у них именно благодати Всесвятаго Духа Божия недоставало. Творя добродетели, девы эти, по духовному своему неразумию, полагали, что в том-то лишь и дело христианское, чтобы одни добродетели делать. Сделали мы, де, добродетель и тем, де, и дело Божие сотворили, а до того, получена ли была ими благодать Духа Божия, достигли ли они ее, им и дела не было. Про такие-то образы жизни, опирающиеся лишь на одно творение добродетелей без тщательного испытания, приносят ли они и сколько именно приносят благодати Духа Божия, и говорится в отеческих книгах: *ин есть путь, мняйся быти благим в начале, но концы его — во дно адово.* Антоний Великий в письмах своих к монахам говорит про таких дев: «Многие монахи и девы не имеют никакого понятия о различиях в волях, действующих в человеке, и не ведают, что в нас действуют три воли: первая — Божия, всесовершенная и всеспасительная; вторая — собственная, своя, человеческая, то есть если не пагубная, то и не спасительная, и третья — бесовская, вполне пагубная. И вот эта-то третья вражеская воля и научает человека или не делать никаких добродетелей, или делать их из тщеславия, или для одного добра, а не ради Христа. Вторая — собственная воля наша — научает нас делать все в услаждение нашим похотям, а то и, как враг научает, творить добро ради добра, не обращая внимания на благодать, им приобретаемую. Первая же — воля Божия и всеспасительная — в том только и состоит, чтобы делать добро единственно лишь

для стяжания Духа Святаго как сокровища вечного, неоскудеваемого и ничем вполне и достойно оцениться не могущего. Оно-то, это стяжание Духа Святаго, собственно и называется тем елеем, которого недоставало у юродивых дев. За то-то они и названы юродивыми, что забыли о необходимом плоде добродетели, о благодати Духа Святаго, без которого и спасения никому нет и быть не может, ибо: *Святым Духом всяка душа живится и чистотою возвышается, светлеет же Тройческим единством священнотайне.* Сам Дух Святый вселяется в души наши, и это-то самое вселение в души наши Его, Вседержителя, и сопребывание с духом нашим Его Тройческого Единства и даруется нам лишь через всемерное с нашей стороны стяжание Духа Святаго, которое и предуготовляет в душе и плоти нашей престол Божиему всетворческому с духом нашим сопребыванию, по непреложному слову Божиему: *вселюся в них и похожду, и буду им в Бога, и тии будут в людие Мои.* Вот это-то и есть тот елей в светильниках у мудрых дев, который мог светло и продолжительно гореть, и девы те с этими горящими светильниками могли дождаться и Жениха, пришедшего во полунощи, и войти с Ним в чертог радости. Юродивые же, видевши, что угасают их светильники, хотя и пошли на торжище, да купят елея, но не успели возвратиться вовремя, ибо двери уже были затворены. Торжище — жизнь наша; двери чертога брачного, затворенные и не допустившие к Жениху,— смерть человеческая; девы мудрые и юродивые — души христианские; елей — не дела, но получаемая через них внутрь естества нашего благодать Всесвятаго Духа Божия, претворяющая оное от сего в сие, то есть от тления в нетление, от смерти душевной в жизнь духовную, от тьмы в свет, от вертепа существа нашего, где страсти привязаны, как скоты и звери,— в храм Божества, в пресветлый чертог вечного радования о Христе Иисусе Господе нашем, Творце и Избавителе и Вечном Женихе душ наших. Сколь велико сострадание Божие к нашему бедствию, то есть невниманию к Его о нас попечению, когда Бог говорит: *се стою при дверях и толку...*— разумея под дверями течение нашей жизни, еще не затворенной смертью. О, как желал бы я, ваше боголюбие, чтобы в здешней жизни вы всегда были в Духе Божием! *В чем застану, в том и сужу,*— говорит Господь. Горе, великое горе, если застанет Он нас отягощенными попечением и печалями житейскими, ибо кто стерпит гнев Его и против лица гнева Его кто станет! Вот почему сказано: *бдите и молитеся да не внидете в напасть,* то есть да не лишитесь Духа Божия, ибо бдение и молитва приносит нам благодать Его. Конечно, всякая добродетель, творимая ради Христа, дает благодать Духа Святаго, но более всего дает молитва, потому что она как бы всегда в руках наших, как орудие для стяжания благодати Духа. Захотели бы вы, например, в церковь сходить, да либо церкви нет, либо служба отошла; захотели бы нищему подать, да нищего нет либо нечего дать; захотели бы девство соблюсти, да сил нет этого исполнить по сложению вашему или по усилиям вражеских козней, которым вы по немощи человеческой противостоять не можете; захотели бы и другую какую-либо добродетель ради Христа сделать, да тоже сил нет или случая сыскать не можно. А до молитвы уже это никак не относится: на нее всякому и всегда есть возможность — и богатому, и бедному, и знатному, и простому, и сильному, и слабому, и здоровому, и больному, и праведнику, и грешнику. Как велика сила молитвы даже и грешного человека, когда она от всей души возносится, судите по следующему примеру из Священного Предания: когда по просьбе отчаянной матери, лишившейся единородного сына, похищенного смертью, жена-блудница, попавшаяся ей на пути и даже еще от только что бывшего греха не очистившаяся, тронутая отчаянной скорбью матери, возопила ко Господу: *не мене ради грешницы окаянной, но слез ради матери, скорбящей о сыне своем и твердо уверенной в милосердии и всемогуществе Твоем, Христе Боже, воскреси, Господи, сына ея!..*— и воскресил его Господь. Так-то, Ваше Боголюбие, велика сила молитвы, и она более всего приносит Духа Божиего, и ее удобнее всего всякому исправлять. Блаженны мы будем, когда обрящет нас Господь Бог бдящими, в полноте даров Духа Его Святаго! Тогда мы можем благодерзновенно надеяться быть восхищенными на облацех во сретение Господа на воздусе, Грядущего со славою и силою многою судити живым и мертвым и воздати коемуждо по делом его.

Вот, Ваше Боголюбие, за великое счастье считать изволите с убогим Серафи-

мом беседовать, уверены будучи, что и он не лишен благодати Господней. То, что речем о Самом Господе, Источнике приснонеоскудевающем всякия благостыни и небесныя, и земныя? А ведь молитвою мы с Ним Самим, Всеблагим и Животворящим Богом и Спасом нашим, беседовать удостоиваемся. Но и тут надобно молиться лишь до тех пор, пока Бог Дух Святый не сойдет на нас в известных Ему мерах небесной Своей благодати. И когда благоволит Он посетить нас, то надлежит уже перестать молиться. Чего же и молиться тогда Ему: *прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны и спаси, Блаже, души наша,* когда уже пришел Он к нам, воеже спасти нас, уповающих на Него и призывающих Имя Его святое во истине, то есть с тем, чтобы смиренно и с любовью сретить Его, Утéшителя, внутрь храмин душ наших, алчущих и жаждущих Его пришествия. Я Вашему Боголюбию поясню это примером: вот хоть бы вы меня в гости к себе позвали, и я бы по зову вашему пришел к вам и хотел бы побеседовать с вами. А вы бы все-таки стали меня приглашать: милости, де, просим, пожалуйте, дескать, ко мне! То я поневоле должен был бы сказать: что это он? из ума, что ли, выступил? Я пришел к нему, а он все-таки меня зовет! — Так-то и до Господа Бога Духа Святаго относится. Потому-то и сказано: *упразднитеся и разумейте, яко Аз есмь Бог, вознесуся во языцех вознесусь на земли,* то есть являюся и буду являться всякому верующему в Меня и призывающему Меня и буду беседовать с ним, как некогда беседовал с Адамом в раю, с Авраамом и Иаковом и с другими рабами Моими, с Моисеем, Иовом и им подобными. Многие толкуют, что это упразднение относится только до дел мирских, то есть что при молитвенной беседе с Богом надобно упразднриться от мирских дел. Но я вам по Бозе скажу, что хотя и от них при молитве необходимо упразднриться, но, когда, при всемогущей силе веры и молитвы, соизволит Господь Бог Дух Святый посетить нас и приидет к нам в полноте неизреченной Своей благости, то надобно и от молитвы упразднриться. Молвит душа и в молве находится, когда молитву творит, а при нашествии Духа Святаго надлежит быть в полном безмолвии, слышать явственно и вразумительно все глаголы живота вечного, которые Он тогда возвестить соизволит. Надлежит притом быть в полном трезвении и души, и духа и в целомудренной чистоте плоти. Так было при горе Хориве, когда израильтянам было сказано, чтобы они до явления Божиего на Синае за три дня не прикасались бы и к женам, ибо *Бог наш есть огнь поядаяй все нечистое,* и в общение с Ним не может войти никтоже от скверны плоти и духа.

— Ну, а как же, батюшка, быть с другими добродетелями, творимыми ради Христа, для стяжания благодати Духа Святаго? Ведь вы мне о молитве только говорить изволите?

— Стяжевайте благодать Духа Святаго и всеми другими Христа ради добродетелями, торгуйте ими духовно, торгуйте теми из них, которые вам больший прибыток дают. Собирайте капитал благодатных избытков благости Божией, кладите их в ломбард вечный Божий из процентов невещественных, и не по четыре или по шести на сто, но по сту на один рубль духовный, но даже еще того в бесчисленное число раз больше. Примерно: дает вам более благодати Божией молитва и бдение — бдите и молитесь; много дает Духа Божиего пост — поститесь; более дает милостыня — милостыню творите и таким образом о всякой добродетели, делаемой Христа ради, рассуждайте.

Вот я вам расскажу про себя, убогого Серафима. Родом я из курских купцов. Так, когда не был я еще в монастыре, мы, бывало, торговали товаром, который нам больше барыша дает. Так и вы, батюшка, поступайте, и, как в торговом деле, не в том сила, чтобы лишь только торговать, а в том, чтобы больше барыша получить, так и в деле жизни христианской не в том сила, чтобы только молиться или другое какое-либо доброе дело делать. Хотя Апостол и говорит: *непрестанно молитеся,* но да ведь, как помните, и прибавляет: *хощу лучше пять словес рещи умом, нежели тысящи языком.* И Господь говорит: *не всяк глаголяй Ми Господи, Господи! спасется, но творяй волю Отца Моего,* то есть делающий дело Божие, и притом с благоговением, ибо проклят всяк, иже творит дело Божие с нерадением. А дело Божие есть: *да веруете в Бога и Его же послал есть Иисуса Христа.* Если рассудить правильно о заповедях Христовых и апостольских, так дело наше христианское состоит не в увеличении счета добрых дел, служа-

щих к цели нашей христианской жизни только средствами, но в извлечении из них большей выгоды, то есть вящем приобретении обильнейших даров Духа Святаго.

Так желал бы я, Ваше Боголюбие, чтобы и вы сами стяжали этот приснонеоскудевающий источник благодати Божией и всегда рассуждали себя, в Духе ли Божием вы обретаетесь, или нет; и если — в Духе Божием, то — благословен Бог! — не о чем горевать: хоть сейчас — на Страшный Суд Христов! Ибо *в чем застану, в том и сужду*. Если же — нет, то надобно разобрать, отчего и по какой причине Господь Бог Дух Святый изволил оставить нас, и снова искать и доискиваться Его и не отставать до тех пор, пока искомый Господь Бог Дух Святый не сыщется и снова будет с нами Своею благодатию. На отгоняющих же нас от Него врагов наших надобно так нападать, покуда и прах их возметется, как сказал пророк Давид: *пожену враги моя и постигну я, и не возвращусь, дондеже скончаются, оскорблю их, и не возмогут стати, падут под ногама моима.*

Так-то, батюшка! Так и извольте торговать духовно добродетелью. Раздавайте дары благодати Духа Святаго требующим по примеру свещи возженной, которая и сама светит, горя земным огнем, и другие свещи, не умаляя своего собственного огня, зажигает во светение всем в других местах. И если это так в отношении огня земного, то что скажем об огне благодати Всесвятаго Духа Божия?! Ибо, например, богатство земное, при раздавании его, оскудевает, богатство же небесное Божией благодати чем более раздается, тем более приумножается у того, кто его раздает. Так и Сам Господь изволил сказать самаряныне: *пияй от воды сей возжаждет вновь, а пияй от воды, юже Аз ему дам, не возжаждет во веки, но вода, юже Аз дам ему, будет в нем источник приснотекущий в живот вечный.*

— Батюшка,— сказал я,— вот вы все изволите говорить о стяжании благодати Духа Святаго как о цели христианской жизни; но как же и где я могу ее видеть? Добрые дела видны, а разве Дух Святый может быть виден? Как же я буду знать, со мной Он или нет?

— Мы в настоящее время,— так отвечал старец,— по нашей почти всеобщей холодности к святой вере в Господа нашего Иисуса Христа и по невнимательности нашей к действиям Его Божественного о нас Промысла и общения человека с Богом до того дошли, что, можно сказать, почти вовсе удалились от истинно-христианской жизни. Нам теперь кажутся странными слова Священного Писания, когда Дух Божий устами Моисея говорит: *и виде Адам Господа, ходящаго в раи* — или когда читаем у Апостола Павла: *идохом во Ахаию, и Дух Божий не иде с нами, обратихомся в Македонию, и Дух Божий иде с нами.* Неоднократно и в других местах Священного Писания говорится о явлении Бога человекам.

Вот некоторые и говорят: «Эти места непонятны: неужели люди так очевидно могли видеть Бога?» А непонятного тут ничего нет. Произошло это непонимание оттого, что мы удалились от простора первоначального христианского ведения и под предлогом просвещения зашли в такую тьму неведения, что нам уже кажется неудобопостижимым то, о чем древние до того ясно разумели, что им и в обыкновенных разговорах понятие о явлении Бога между людьми не казалось странным. Так, Иов, когда друзья его укоряли в том, что он хулит Бога, отвечал им: *как это может быть, когда я чувствую дыхание Вседержителево в ноздрех моих* — то есть как, де, я могу хулить Бога, когда Дух Святый со мной пребывает. Если бы я хулил Бога, то Дух Святый отступил бы от меня, а вот я и дыхание Его ощущаю в ноздрех моих. Таким точно образом говорится и про Авраама и про Иакова, что они видели Господа и беседовали с Ним, и Иаков даже боролся с Ним. Моисей видел Бога и весь народ с ним, когда он сподобился приять от Бога скрижали закона на горе Синае. Столп облачный и огненный, или что то же — явная благодать Духа Святаго, служили путеводителями народу Божию в пустыне. Бога и благодать Духа Его Святаго люди не во сне видели и не в мечтании, и не в исступлении воображения расстроенного, а истинно въяве. Очень уж мы стали невнимательны к делу нашего спасения, отчего и выходит, что мы и многие другие слова Священного Писания приемлем не в том смысле, как бы следовало. А все потому,

что не ищем благодати Божией, не допускаем ей, по гордости ума нашего, вселиться в души наши и потому не имеем истинного просвещения от Господа, посылаемого в сердца людей, всем сердцем алчущих и жаждущих правды Божией. Вот, например: многие толкуют, что, когда в Библии говорится: *вдуну Бог дыхание жизни в лице Адама первозданного и созданного Им от персти земной*,— что будто бы это значило, что в Адаме до этого не было души и духа человеческого, а была будто лишь плоть одна, созданная из персти земной. Неверно это толкование, ибо Господь Бог создал Адама от персти земной в том составе, как батюшка святый апостол Павел утверждает: *да будет всесовершен ваш дух, душа и плоть в пришествие Господа нашего Иисуса Христа.* И все три сии части нашего естества созданы были от персти земной, и Адам не мертвым был создан, но действующим животным существом, подобно другим живущим на земле одушевленным Божиим созданиям. Но вот в чем сила, что если бы Господь Бог не вдунул потом в лице его сего дыхания жизни, то есть благодати Господа Бога Духа Святаго, от Отца исходящего и в Сыне почивающего и ради Сына в мир посылаемого, то Адам, как ни был он совершенно превосходно создан над прочими Божиими созданиями как венец творения на земле, все-таки пребыл бы не имущим внутрь себя Духа Святаго, возводящего его в Богоподобное достоинство, и был бы подобен всем прочим созданиям, хотя и имеющим плоть и душу и дух, принадлежащие каждому по роду их, но Духа Святаго внутрь себя не имущим. Когда же вдунул Господь Бог в лице Адамово дыхание жизни, тогда-то, по выражению Моисееву, и *Адам бысть в душу живу,* то есть совершенно во всем Богу подобную и такую, как и Он,— на веки веков бессмертную. Адам сотворен был до того не подлежащим действию ни одной из сотворенных Богом стихий, что его ни вода не топила, ни огонь не жег, ни земля не могла пожрать в пропастях своих, ни воздух не мог повредить каким бы то ни было своим действием. Все покорно было ему, как любимцу Божию, как царю и обладателю твари. И все любовались на него как на всесовершенный венец творений Божих. От этого-то дыхания жизни, вдохнутого в лице Адамово из Всетворческих Уст Всетворца и Вседержителя Бога, Адам до того преумудрился, что не было никогда от века, нет да и едва ли будет когда-нибудь на земле человек премудрее и многознательнее его. Когда Господь повелел ему нарещи имена всякой твари, то каждой твари он дал на языке такие названия, которые знаменуют вполне все качества, всю силу и все свойства твари, которые она имеет по дару Божиему, дарованному ей при ее сотворении. Вот по этому-то дару вышеестественной Божией благодати, ниспосланному ему от дыхания жизни, Адам мог видеть и разуметь и Господа, ходящаго в Рай, и постигать глаголы Его, и беседу святых Ангелов, и язык всех зверей, и птиц, и гадов, живущих на земле, и все то, что ныне от нас, как от падших и грешных, сокрыто и что для Адама до его падения было так ясно. Такую же премудрость и силу, и всемогущество, и все прочие благие и святые качества Господь Бог даровал и Еве, сотворив ее не от персти земной, а от ребра Адамова в Едеме сладости, в Раю, насажденном Им посреди земли. Для того, чтобы они могли удобно и всегда поддерживать в себе бессмертные, Богоблагодатные и всесовершенные свойства сего дыхания жизни, Бог посадил среди Рая Древо Жизни, в плодах которого заключил всю сущность и полноту даров этого Божественного Своего дыхания. Если бы не согрешили, то Адам и Ева сами и все их потомство могли бы всегда, пользуясь вкушением от плода Древа Жизни, поддерживать в себе вечно животворящую силу благодати Божией и бессмертную, вечно юную полноту сил плоти, души и духа и непрестанную нестареемость бесконечно бессмертного всеблаженного своего состояния, даже и воображению нашему в настоящее время неудобопонятного.

Когда же вкушением от древа познания добра и зла — преждевременно и противно заповеди Божией — узнали различие между добром и злом и подверглись все бедствиям, последовавшим за преступление заповеди Божией, то лишились этого бесценного дара благодати Духа Божия, так что до самого Пришествия в мир Богочеловека Иисуса Христа Дух Божий *не убо бе в мире, яко Иисус не убо бе прославлен.* Однако это не значит, чтобы Духа Божиего вовсе не было в мире, но Его пребывание не было таким полномерным, как в Адаме

или в нас, православных христианах, а проявлялось только отвне, и признаки Его пребывания в мире были известны роду человеческому. Так, Адаму после падения, а равно и Еве вместе с ним были открыты многие тайны, относившиеся до будущего спасения рода человеческого. И Каину, несмотря на нечестие его и его преступление, удобопонятен был глас благодатного Божественного, хотя и обличительного, собеседования с ним. Ной беседовал с Богом. Авраам виде Бога в день Его и возрадовался. Благодать Святаго Духа, действовавшая отвне, отражалась и во всех ветхозаветных пророках и святых Израиля. У евреев потом заведены были особые пророческие училища, где учили распознавать признаки явления Божиего или Ангелов и отличать действия Духа Святаго от обыкновенных явлений, случающихся в природе неблагодатной земной жизни. Симеону Богоприимцу, Богоотцам Иоакиму и Анне и многим бесчисленным рабам Божиим бывали постоянные, разнообразные въяве Божественные явления, гласы откровения, оправдывавшиеся очевидными чудесными событиями. Не с такой силой, как в народе Божием, но проявление Духа Божиего действовало и в язычниках, не ведавших Бога Истинного, потому что и из их среды Бог находил избранных Себе людей. Таковы, например, были девственницы-пророчицы, сивиллы, которые обрекали свое девство, хотя для Бога Неведомого, но все же для Бога, Творца вселенной и Вседержителя, и Мироправителя, каковым Его и язычники сознавали. Также и философы языческие, которые хотя и во тьме неведения Божественного блуждали, но, ища истины, возлюбленной Богу, могли быть по самому этому Боголюбезному ее исканию не непричастными Духу Божиему, ибо сказано: *языки не ведущие Бога естеством законная творят и угодная Богу соделывают*. А истину так ублажает Господь, что Сам про нее Духом Святым возвещает: *истина от земли воссия, и правда с небесе приниче*.

Так вот, Ваше Боголюбие, и в еврейском священном, Богу любезном, народе, и в язычниках, не ведущих Бога, а все-таки сохранялось ведение Божие, то есть, батюшка, ясное и разумное понимание того, как Господь Бог Дух Святый действует в человеке и как именно и по каким наружным и внутренним ощущениям можно удостовериться, что это действует Господь Бог Дух Святый, а не прелесть вражеская. Таким-то образом все это было от падения Адама до Пришествия Господа нашего Иисуса Христа во плоти в мир.

Без этого, Ваше Боголюбие, всегда сохранявшегося в роде человеческом ощутительного о действиях Духа Святаго понимания не было бы людям ни о чем возможности узнать в точности — пришел ли в мир обетованный Адаму и Еве плод семени Жены, имеющий стереть главу змиеву.

Но вот Симеон Богоприимец, сохраненный Духом Святым после предвозвещения ему на 65 году его жизни тайны приснодевственного от Пречистыя Приснодевы Марии Его зачатия и рождения, проживши по благодати Всесвятаго Духа Божиего 300 лет, потом, на 365 году жизни своей, сказал ясно в храме Господнем, что ощутительно узнал по дару Духа Святаго, что это и есть Он самый, Тот Христос, Спаситель мира, о вышеестественном зачатии и Рождении Коего от Духа Святаго ему было предвозвещено триста лет тому назад от Ангела.

Вот и святая Анна-пророчица, дочь Фануилова, служившая восемьдесят лет от вдовства своего Господу Богу в храме Божием и известная по особенным дарам благодати Божией за вдовицу праведную, чистую рабу Божию, возвестила, что это действительно Он и есть — обетованный миру Мессия, истинный Христос, Бог и человек, Царь Израилев, пришедший спасти Адама и род человеческий.

Когда же Он, Господь наш Иисус Христос, изволил совершить все дело спасения, то, по Воскресении Своем, дунул на Апостолов, возобновив дыхание жизни, утраченное Адамом, и даровал им эту же самую адамовскую благодать Всесвятаго Духа Божиего. Но мало сего — ведь говорил же Он им: *уне есть им, да Он идет ко Отцу; аще же бо не идет Он, то Дух Божий не приидет в мир; аще же идет Он, Христос, ко Отцу, то послет Его в мир, и Он, Утешитель, наставит их и всех последующих их учению на всякую истину и воспомянет им вся, яже Он глаголал им еще сущи в мире с ними*. Это уже обещана была Им благодать-возблагодать. И вот в день Пятидесятницы торжественно ниспослал Он им Духа Святаго в дыхании бурне, в виде огненных языков, на коемждо из

них седших и вошедших в них и наполнивших их силою огнеобразной Божественной благодати, росоносно дышащей и радостотворно действующей в душах, причащающихся Ее силе и действиям. И вот эту-то самую огнедухновенную благодать Духа Святаго, когда она подается нам всем, верным Христовым, в Таинстве святого крещения, священно запечатлевают миропомазанием в главнейших указанных Святою Церковью местах нашей плоти, как вековечной хранительницы этой благодати. Говорится: *печать дара Духа Святаго*[35]. А на что, батюшка, Ваше Боголюбие, кладем мы, убогие, печати свои, как не на сосуды, хранящие какую-нибудь высокоценимую нами драгоценность? Что же может быть выше всего на свете и что драгоценнее даров Духа Святаго, ниспосылаемых нам свыше в Таинстве крещения, ибо крещенская эта благодать столь велика и столь необходима, столь живоносна для человека, что даже и от еретика не отъемлется до самой его смерти, то есть до срока, обозначенного свыше по Промыслу Божию для пожизненной пробы человека на земле — на что, де, он будет годен и что, де, он в этот, Богом дарованный ему, срок при посредстве свыше дарованной ему силы благодати сможет совершить. И если бы мы не грешили никогда после крещения нашего, то вовеки пребыли бы святыми, непорочными и изъятыми от всякия скверны плоти и духа угодниками Божиими. Но вот в том-то и беда, что мы, преуспевая в возрасте, не преуспеваем в благодати и в разуме Божием, как преуспевал в том Господь наш Христос Иисус, а, напротив того, развращаясь мало-помалу, лишаемся благодати Всесвятаго Духа Божиего и делаемся в многоразличных мерах грешными и многогрешными людьми. Но когда кто, будучи возбужден ищущею нашего спасения Премудростью Божиею, обходящею всяческая, решится ради нее на утренневание к Богу и бдение ради обретения вечного своего спасения, тогда тот, послушный гласу ее, должен прибегнуть к истинному во всех грехах своих покаянию и к сотворению противоположных содеянным грехам добродетелей, а через добродетели Христа ради — к приобретению Духа Святаго, внутрь нас действующего и внутрь нас Царствие Божие устраивающего. Слово Божие недаром говорит: *внутрь вас есть царствие Божие и нуждно есть оно, и нуждницы е восхищают*. То есть — те люди, которые, несмотря и на узы греховные, связавшие их и не допускающие своим насилием и возбуждением на новые грехи придти к Нему, Спасителю нашему, с совершенным покаянием на истязание с Ним, презирая всю крепость этих греховных связок, нудятся расторгнуть узы их, такие люди являются потом действительно перед лице Божие паче снега убеленными Его благодатию. *Приидите,*— говорит Господь,— *и аще грехи ваши будут яко багряное, то яко снег убелю их*. Так некогда святый тайновидец Иоанн Богослов видел таких людей во одеждах белых, то есть одеждах оправдания, и *финицы в руках их* как знамение победы, и пели они Богу дивную песнь *Аллилуиа*. Красоте пения их никтоже подражати можаше. Про них Ангел Божий сказал: *сии суть, иже приидоша от скорби великия, и испраша ризы своя и убелиша ризы своя в Крови Агнчи,*— испраша страданиями и убелиша их в причащении Пречистых и Животворящих Таин Плоти и Крови Агнца Непорочна и Пречиста Христа, прежде всех век закланного Его собственною волею за спасение мира, присно и доныне закалаемого и раздробляемого, но николиже иждиваемого, подающего же нам в вечное и неоскудеваемое спасение наше напутие живота вечнаго во ответ благоприятен на Страшном Судище Его и замену дражайшую и всяк ум превосходящую того плода Древа Жизни, которого хотел было лишить наш род человеческий враг человеков, спадший с небесе Денница. Хотя враг-диавол и обольстил Еву и с нею пал и Адам, но Господь не только даровал им Искупителя в плоде Семени Жены, смертию смерть поправшего, но и дал всем нам в Жене, Приснодеве Богородице Марии, стершей в Самой Себе и стирающей во всем роде человеческом главу змиеву, неотступную Ходатаицу к Сыну Своему и Богу нашему, непостыдную и непреоборимую Предстательницу даже за самых отчаянных грешников. По этому самому Божия Матерь и называется *Язвою бесов*, ибо нет возможности бесу погубить человека, лишь бы только сам человек не отступил от прибегания к помощи Божией Матери.

Еще, Ваше Боголюбие, должен я, убогий Серафим, объяснить, в чем состоит различие между действиями Духа Святаго, священнотайне вселяющегося в

сердца верующих в Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, и действиями тьмы греховной, по наущению и разжению бесовскому воровски в нас действующей. Дух Божий воспоминает нам словеса Господа нашего Иисуса Христа и действует едино с Ним, всегда тожественно, радостотворя сердца наши и управляя стопы наши на путь мирен, а дух лестчий, бесовский, противно Христу мудрствует, и действия его в нас мятежны, стропотны и исполнены похоти плотской, похоти очес и гордости житейской. *Аминь аминь, глаголю вам, всяк живый и веруяй в Мя, не умрет во веки:* имеющий благодать Святаго Духа за правую веру во Христа если бы по немощи человеческой и умер душевно от какого-либо греха, то не умрет вовеки, но будет воскрешен благодатию Господа нашего Иисуса Христа, вземлющего грехи мира и туне дарующего благодать-возблагодать. Про эту-то благодать, явленную всему миру и роду нашему человеческому в Богочеловеке, и сказано в Евангелии: *в Том живот бе, и живот бе свет человеком,* и прибавлено: *и свет во тьме светится, и тьма Его не объят.* Это значит, что благодать Духа Святаго, даруемая при крещении во имя Отца и Сына и Святаго Духа, несмотря на грехопадения человеческие, несмотря на тьму вокруг души нашей, все-таки светится в сердце искони бывшим Божественным светом бесценных заслуг Христовых. Этот свет Христов при нераскаянии грешника глаголет ко Отцу: Авва Отче! не до конца прогневайся на нераскаянность эту! — а потом, при обращении грешника на путь покаяния, совершенно изглаживает и следы содеянных преступлений, одевая бывшего преступника снова одеждой нетления, сотканной из благодати Духа Святаго, о стяжании которой, как и о цели жизни христианской, я и говорю столько времени Вашему Боголюбию.

Еще скажу вам, чтобы вы еще яснее поняли, что разуметь под благодатию Божиею и как распознать ее и в чем особливо проявляется ее действие в людях, ею просвещенных. Благодать Духа Святаго есть свет, просвещающий человека. Об этом говорит все Священное Писание. Так, Богоотец Давид сказал: *светильник ногама моима закон Твой и свет стезям моим, и аще не закон Твой научение мне был, тогда убо погибл бых во смирении моем.* То есть — благодать Духа Святаго, выражающаяся в законе словами заповедей Господних, есть светильник и свет мой, и если бы не эта благодать Духа Святаго, которуя я так тщательно и усердно стяжеваю, что седмижды на день поучаюсь о судьбах правды Твоей, просвещала меня во тьме забот, сопряженных с великим званием моего царского сана, то откуда бы я взял себе хоть искру света, чтобы озарить путь свой по дороге жизни, темной от недоброжелательства недругов моих? И на самом деле Господь неоднократно проявлял для многих свидетелей действие благодати Духа Святаго на тех людях, которых Он освящал и просвещал великими наитиями Его. Вспомните про Моисея после беседы его с Богом на горе Синайской. Люди не могли смотреть на него — так сиял он необыкновенным светом, окружавшим лицо его. Он даже принужден был являться народу не иначе, как под покрывалом. Вспомните Преображение Господне на горе Фаворе. Великий свет объял Его, и *быша ризы Его блещащия яко снег,* и, *ученицы* Его от страха *падоша ниц.* Когда же Моисей и Илия явились к Нему в том же свете, то, чтобы скрыть сияние света Божественной благодати, ослеплявшей глаза учеников, *облак,*— сказано,— *осени их.* И таким-то образом благодать Всесвятаго Духа Божия является в неизреченном свете для всех, которым Бог являет действие ее.

— Каким же образом,— спросил я батюшку отца Серафима,— узнать мне, что я нахожусь в благодати Духа Святаго?

— Это, Ваше Боголюбие, очень просто! — отвечал он мне.— Поэтому-то и Господь говорит: *вся проста суть обретающим разум...* Да беда-то вся наша в том, что сами-то мы не ищем этого разума Божественного, который не кичит, ибо не от мира сего есть. Разум этот, исполненный любовью к Богу и ближнему, созидает всякого человека во спасение Ему. Про этот разум Господь сказал: Бог *хощет всем спастися и в разум истины прити.* Апостолам же Своим про недостаток этого разума Он сказал: «Ни ли неразумливи есте и не чли ли Писания, и притчи сия не разумеете ли?».. Опять же про этот разум в Евангелии говорится про Апостолов, что отверз им тогда Господь разум разумети Писания. Находясь в этом разуме, и апостолы всегда видели, пребывает

ли Дух Божий в них или нет, и проникнутые им и видя сопребывание с ними Духа Божия, утвердительно говорили, что дело их свято и вполне угодно Господу Богу. Этим и объясняется, почему они в посланиях своих писали: *изволися Духу Святому и нам* — и только на этих основаниях и предлагали свои послания как истину непреложную, на пользу всем верным — так святые апостолы ощутительно сознавали в себе присутствие Духа Божиего... Так вот, Ваше Боголюбие, видите ли, как это просто?

Я отвечал:

— Все-таки я не понимаю, почему я могу быть твердо уверенным, что я в Духе Божием. Как мне самому в себе распознавать истинное Его явление?

Батюшка отец Серафим отвечал:

— Я уже, Ваше Боголюбие, сказал вам, что это очень просто, и подробно рассказал вам, как люди бывают в Духе Божием и как должно разуметь Его явление в нас... Что же вам, батюшка, надобно?

— Надобно,— сказал я,— чтобы я понял это хорошенько!..

Тогда отец Серафим взял меня весьма крепко за плечи и сказал мне:

— Мы оба теперь, батюшка, в Духе Божием с тобою!.. Что же ты не смотришь на меня?

Я отвечал:

— Не могу, батюшка, смотреть, потому что из глаз ваших молнии сыпятся. Лицо ваше сделалось светлее солнца, и у меня глаза ломит от боли!..

Отец Серафим сказал:

— Не устрашайтесь, Ваше Боголюбие! И вы теперь сами так же светлы стали, как и я сам. Вы сами теперь в полноте Духа Божиего, иначе вам нельзя было бы и меня таким видеть.

И, приклонив ко мне свою голову, он тихонько на ухо сказал мне: Благодарите же Господа Бога за неизреченную к вам милость Его. Вы видели, что я и не перекрестился даже, а только в сердце моем мысленно помолился Господу Богу и внутри себя сказал: «Господи! Удостой его ясно и телесными глазами видеть то сошествие Духа Твоего, которым Ты удостоиваешь рабов Своих, когда благоволишь являться во свете великолепной славы Твоей!» И вот, батюшка, Господь и исполнил мгновенно смиренную просьбу убогого Серафима... Как же нам не благодарить Его за этот Его неизреченный дар нам обоим! Этак, батюшка, не всегда и великим пустынникам являет Господь Бог милость Свою. Эта благодать Божия благоволила утешить сокрушенное сердце ваше, как мать чадолюбивая, по предстательству Самой Матери Божией... Что ж, батюшка, не смотрите мне в глаза? Смотрите просто и не убойтесь — Господь с нами!

Я взглянул после этих слов в лицо его, и напал на меня еще больший благоговейный ужас. Представьте себе в середине солнца, в самой блистательной яркости его полуденных лучей, лицо человека, с вами разговаривающего. Вы видите движение уст его, меняющееся выражение его глаз, слышите его голос, чувствуете, что кто-то вас руками держит за плечи, но не только рук этих не видите, не видите ни самих себя, ни фигуры его, а только один свет ослепительный, простирающийся далеко, на несколько сажен кругом, и озаряющий ярким блеском своим и снежную пелену, покрывающую поляну, и снежную крупу, осыпающую сверху и меня, и великого старца. Возможно ли представить себе то положение, в котором я находился тогда?

— Что же чувствуете вы теперь? — спросил меня отец Серафим.

— Необыкновенно хорошо! — сказал я.

— Да как же хорошо? Что именно?

Я отвечал:

— Чувствую я такую тишину и мир в душе моей, что никакими словами выразить не могу!

— Это, Ваше Боголюбие,— сказал батюшка отец Серафим,— тот мир, про который Господь сказал ученикам Своим: *мир Мой даю вам, не якоже мир дает, Аз даю вам. Аще бо от мира бысте были, мир убо любил свое, но якоже избрах вы от мира, сего ради ненавидит вас мир.* Обаче *дерзайте, яко Аз победих мир.* Вот этим-то людям, ненавидимым от мира сего, избранным же от Господа, и дает Господь тот мир, который вы теперь в себе чувствуете: *мир* — по слову апостольскому — *всяк ум преимущий.* Таким его называет Апостол, потому что нельзя выразить

никаким словом того благосостояния душевного, которое он производит в тех людях, в сердца которых его внедряет Господь Бог. Христос Спаситель называет его миром от щедрот Его Собственных, а не от мира сего, ибо никакое временное земное благополучие не может дать его сердцу человеческому: он свыше даруется от Самого Господа Бога, почему и называется миром Божиим... Что же еще чувствуете вы? — спросил меня отец Серафим.

— Необыкновенную сладость! — отвечал я.

И он продолжал:

— Это та сладость, про которую говорится в Священном Писании: *от тука дому Твоего упиются и потоком сладости Твоея напоиши я.* Вот эта-то теперь сладость преисполняет сердца наши и разливается по всем жилам нашим неизреченным услаждением. От этой-то сладости наши сердца как будто тают, и мы оба исполнены такого блаженства, какое никаким языком выражено быть не может... Что же еще вы чувствуете?

— Необыкновенную радость во всем моем сердце!

И батюшка отец Серафим продолжал:

— Когда Дух Божий снисходит к человеку и осеняет его полнотою Своего наития, тогда душа человеческая преисполняется неизреченною радостию, ибо Дух Божий радостотворит все, к чему бы Он ни прикоснулся. Это та самая радость, про которую Господь говорит в Евангелии Своем: *жена егда раждает, скорбь имать, яко прииде год ея: егда же родит отроча, ктому не помнит скорби за радость, яко человек родися в мир.* В мире скорбни будете, но егда *узрю вы, возрадуется сердце ваше, и радости вашея никтоже возмет от вас.* Но как бы ни была утешительна радость эта, которую вы теперь чувствуете в сердце своем, все-таки она ничтожна в сравнении с тою, про которую Сам Господь устами Своего Апостола сказал, что радости той *ни око не виде, ни ухо не слыша, ни на сердце человеку не взыдоша* благая *яже уготова Бог любящим Его.* Предзадатки этой радости даются нам теперь, и если от них так сладко, хорошо и весело в душах наших, то что сказать о той радости, которая уготована там, на небесах, плачущим здесь, на земле?! Вот и вы, батюшка, довольно-таки поплакали в жизни вашей на земле и смотрите-ка, какою радостью утешает вас Господь еще в здешней жизни. Теперь за нами, батюшка, дело, чтобы, труды к трудам прилагая, восходить нам от силы в силу и достигнуть меры возраста исполнения Христова, да сбудутся на нас слова Господни: *терпящие же Господа, тии изменят крепость, окрылатеют аки орли, потекут и не утрудятся, пойдут и не взалчут,* пойдут от силы в силу, и явится им Бог богов в Сионе разумения и небесных видений... Вот тогда-то наша теперешняя радость, являющаяся нам вмале и вкратце, явится во всей полноте своей, и никтоже возмет ее от нас, преисполняемых неизъяснимых пренебесных наслаждений... Что же еще вы чувствуете, Ваше Боголюбие?

Я отвечал:

— Теплоту необыкновенную!

— Как, батюшка, теплоту? Да ведь мы в лесу сидим. Теперь зима на дворе, и под ногами снег, и на нас более вершка снегу, и сверху крупа падает... Какая же может быть тут теплота?!

Я отвечал:

— А такая, какая бывает в бане, когда поддадут на каменку и когда из нее столбом пар валит...

— И запах,— спросил он меня,— такой же, как из бани?

— Нет,— отвечал я,— на земле нет ничего подобного этому благоуханию. Когда еще при жизни матушки моей я любил танцевать и ездил на балы и танцевальные вечера, то матушка моя опрыснет меня, бывало, духами, которые покупала в лучших модных магазинах Казани, но те духи не издают такого благоухания...

И батюшка отец Серафим, приятно улыбнувшись, сказал:

— И сам я, батюшка, знаю это точно так же, как и вы, да нарочно спрашиваю у вас — так ли вы это чувствуете? Сущая правда, Ваше Боголюбие! Никакая приятность земного благоухания не может быть сравнена с тем благоуханием, которое мы теперь ощущаем, потому что нас теперь окружает благоухание Святаго Духа Божия. Что же земное может быть подобно ему!.. Заметьте же, Ваше

Боголюбие, ведь вы сказали мне, что кругом нас тепло, как в бане, а посмотрите-ка, ведь ни на вас, ни на мне снег не тает и под нами также. Стало быть, теплота эта не в воздухе, а в нас самих. Она-то и есть именно та самая теплота, про которую Дух Святый словами молитвы заставляет нас вопиять к Господу: теплотою Духа Святаго согрей мя! Ею-то согреваемые пустынники и пустынницы не боялись зимнего мраза, будучи одеваемы, как в теплые шубы, в благодатную одежду, от Святаго Духа истканную. Так ведь и должно быть на самом деле, потому что благодать Божия должна обитать внутри нас, в сердце нашем, ибо Господь сказал: *царствие Божие внутрь вас есть*. Под Царствием же Божиим Господь разумел благодать Духа Святаго. Вот это Царствие Божие теперь внутрь нас и находится, а благодать Духа Святаго и отвне осиявает и согревает нас и, преисполняя многоразличным благоуханием окружающий нас воздух, услаждает наши чувства пренебесным услаждением, напояя сердца наши радостью неизглаголанною. Наше теперешнее положение есть то самое, про которое Апостол говорит: *Царствие Божие несть пища и питие, но правда и мир о Дусе Святе*. Вера наша состоит *не в препретельных земныя премудрости словах*, но в явлении силы и духа. Вот в этом-то состоянии мы с вами теперь и находимся. Про это состояние именно и сказал Господь: *суть нецыи от зде стоящих, иже не имут вкусити смерти, дондеже видят царствие Божие пришедшее в силе* Вот, батюшка, Ваше Боголюбие, какой неизреченной радости сподобил нас теперь Господь Бог!.. Вот что значит быть в полноте Духа Святаго, про которую святой Макарий Египетский пишет: «я сам был в полноте Духа Святаго»... Этою-то полнотою Духа Своего Святаго и нас, убогих, преисполнил теперь Господь... Ну, уж теперь нечего более, кажется, спрашивать, Ваше Боголюбие, каким образом бывают люди в благодати Духа Святаго!.. Будете ли вы помнить теперешнее явление неизреченной милости Божией, посетившей нас?

— Не знаю, батюшка,— сказал я,— удостоит ли меня Господь навсегда помнить так живо и явственно, как теперь я чувствую, эту милость Божию.

— А я мню,— отвечал мне отец Серафим,— что Господь поможет вам навсегда удержать это в памяти вашей, ибо иначе благость Его не преклонилась бы так мгновенно к смиренному молению моему и не предварила бы так скоро послушать убогого Серафима, тем более что и не для вас одних дано вам разуметь это, а через вас для целого мира, чтобы вы сами, утвердившись в деле Божием, и другим могли быть полезными. Что же касается до того, батюшка, что я монах, а вы мирской человек, то об этом думать нечего: у Бога взыскуется правая вера в Него и Сына Его Единородного. За это и подается обильно свыше благодать Духа Святаго. Господь ищет сердца, преисполненного любовью к Богу и ближнему,— вот престол, на котором Он любит восседать и на котором Он является в полноте Своей пренебесной славы. *Сыне даждь Ми сердце твое!* — говорит Он,— а все прочее Я Сам приложу тебе, ибо в сердце человеческом может вмещаться Царствие Божие. Господь заповедует ученикам Своим: *ищите прежде царствия Божия, и правды Его, и сия вся приложатся вам*. Весть бо Отец ваш небесный, яко всех сих требуете. Не укоряет Господь Бог за пользование благами земными, ибо и Сам говорит, что, по положению нашему в жизни земной, мы всех сих требуем, то есть всего, что успокаивает на земле нашу человеческую жизнь и делает удобным и более легким путь наш к Отечеству небесному. На это опираясь, святой апостол Петр сказал, что, по его мнению, нет ничего лучше на свете, как благочестие, соединенное с довольством. И Церковь Святая молится о том, чтобы это было нам даровано Господом Богом; и хотя прискорбия, несчастия и разнообразные нужды и неразлучны с нашей жизнью на земле, однако же Господь Бог не хотел и не хощет, чтобы мы были только в однех скорбях и напастях, почему и заповедует нам через Апостолов носить тяготы друг друга и тем исполнить закон Христов. Господь Иисус лично дает нам заповедь, чтобы мы любили друг друга и, соутешаясь этой взаимной любовью, облегчали себе прискорбный и тесный путь нашего шествования к Отечеству небесному. Для чего же Он и с небес сошел к нам, как не для того, чтобы, восприяв на Себя нашу нищету, обогатить нас богатством благости Своей и Своих неизреченных щедрот. Ведь Он пришел не для того, чтобы послужили Ему, но да послужит Сам другим и да даст душу Свою за избавление многих. Так и вы, Ваше Боголюбие, творите и, видевши явно оказанную вам милость Божию, сообщайте

о том всякому желающему себе спасения. *Жатвы бо много*,— говорит Господь,— *делателей же мало*. Вот и нас Господь Бог извел на делание и дал дары благодати Своей, чтобы, пожиная класы (колосья.— *Ред.*) спасения наших ближних через множайшее число приведенных нами в Царствие Божие, принесли Ему плоды — ово тридесят, ово шестьдесят, ово же сто. Будем же блюсти себя, батюшка, чтобы не быть нам осужденным с тем лукавым и ленивым рабом, который закопал своей талант в землю, а будем стараться подражать тем благим и верным рабам Господа, которые принесли Господину своему один — вместо двух — четыре, другой вместо пяти — десять. О милосердии же Господа Бога сомневаться нечего: сами, Ваше Боголюбие, видите, как слова Господни, сказанные через пророка, сбылись на нас. Несмь Аз Бог издалече, но Бог изблизи и при устех твоих есть спасение твое. Не успел я, убогий, перекреститься, а только лишь в сердце своем пожелал, чтобы Господь удостоил вас видеть Его благостыню во всей ее полноте, как уже Он немедленно и на деле исполнением моего пожелания поспешить изволил. Не велехвалялся говорю я это и не с тем, чтобы показать вам свое значение и привести вас в зависть, и не для того, чтобы вы подумали, что я монах, а вы мирянин, нет, Ваше Боголюбие, нет! *Близ Господь* всем призывающим Его во истине, и несть у Него зрения на лица, *Отец бо любит Сына, и вся дает в руце Его*,— лишь бы только мы сами любили Его, Отца нашего небесного, истинно по-сыновнему. Господь равно слушает и монаха, и мирянина, простого христианина, лишь бы оба были православные и оба любили Бога из глубины душ своих и оба имели в Него веру, хотя бы *яко зерно* горушно, и оба двинут горы. Един движет тысящи, два же тьмы. Сам Господь говорит: *вся возможна верующему*, а батюшка святой апостол Павел велегласно восклицает: *вся могу о укрепляющем мя Христе*. Не дивнее ли еще этого Господь наш Иисус Христос говорит о верующих в Него: *веруяй в Мя, дела, не точию яже Аз творю*, но и *больше сих сотворит: яко Аз иду ко Отцу Моему* и умолю Его о вас, *да радость ваша исполнена будет*. Доселе не просите ничесоже во имя Мое: ныне же *просите и приимете*... Так-то, Ваше Боголюбие, все, о чем бы вы ни попросили у Господа Бога, все восприимете, лишь бы только то было во славу Божию или на пользу ближнего, потому что и пользу ближнего Он же к славе Своей относит, почему и говорит: вся, яже *единому от меньших сих сотвористе, Мне сотвористе*. Так не имейте никакого сомнения, чтобы Господь Бог не исполнил ваших прошений, лишь бы только они или к славе Божией, или к пользам и назиданию ближних относились. Но если бы даже и для собственной вашей нужды или пользы или выгоды вам что-либо было нужно, и это даже все столь же скоро и благопослушливо Господь Бог изволит послать вам, только бы в том крайняя нужда и необходимость настояла, ибо любит Господь любящих Его; благ Господь всяческим, щедрит же и дает и не призывающим имени Его, и щедроты Его во всех делах Его, *волю же боящихся Его сотворит, и молитву их услышит*, и весь совет их исполнит, исполнит Господь вся прошения твоя. Одного опасайтесь, Ваше Боголюбие, чтобы не просить у Господа того, в чем не будете иметь крайней нужды. Не откажет Господь вам и в том за вашу православную веру во Христа Спасителя, ибо не предаст Господь жезла праведных на жребий грешных и волю раба Своего Давида сотворит неукоснительно, однако взыщет с него, зачем он тревожил Его без особой нужды, просил у Него того, без чего мог бы весьма удобно обойтись. Так-то, Ваше Боголюбие, все я вам сказал теперь и на деле показал, что Господь и Божия Матерь через меня, убогого Серафима, вам сказать и показать соблаговолили. Грядите же с миром. Господь и Божия Матерь с вами да будут всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь. Грядите же с миром!.. И во все время беседы этой с того самого времени, как лицо отца Серафима просветилось, видение это не переставало, и все с начала рассказа и доселе сказанное говорил он мне, находясь в одном и том же положении. Исходившее же от него неизреченное блистание света видел я сам, своими собственными глазами, что готов подтвердить и присягою».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

За год до смерти отец Серафим стал ослабевать телесно и реже выбираться в свои лесные пустыньки. В монастыре он реже стал принимать посетителей, и многие подолгу жили в гостинице, чтобы увидеть его или хотя бы получить благосло-

вение. С этого времени он говорил разным людям о своей недалекой кончине. Так, пришли к нему несколько дивеевских сестер, он и сказал им: «Я силами слабею. Живите теперь одни, оставляю вас». Сестры заплакали, но все же подумали не о смерти старца, а о том, что он устал и хочет, отложив попечение о Дивеевской общине, удалиться на покой, может быть и в затвор.

В другой раз сестра Параскева Ивановна пришла к старцу в ближнюю пустыньку. Он благословил ее и сел на бревнышко, а она стала рядом с ним на колени. Он начал говорить о смерти и о небесных обителях, уготованных Господом праведникам, о том, какая награда ждет человека, до конца претерпевшего временные земные скорби.

— Какая радость,— воскликнул он, поднявшись и воздев руки,— какой восторг объемлют душу праведника, когда по разлучении с телом ее сретают ангелы и представляют пред Лице Божие! Понимаешь ли ты?

Потом, сев, старец уже с грустью сказал:

— Я силами ослабеваю... Живите теперь одни, оставляю вас.

Параскева Ивановна, слыша это уже во второй раз, подумала, что отец Серафим решил уйти в затвор. Он же в ответ на ее мысли продолжал:

— После меня никто вам не заменит меня. Оставляю вас Господу и Пречистой Его Матери.

Помолчав и испытующе поглядев на черницу, повторил:

— Человека-то, матушка, днем с огнем не найдешь. Оставляю вас Господу и Пречистой Его Матери.

Тут она поняла, что он о кончине своей говорит, припала к его ногам и горько зарыдала.

Отец Серафим стал читать наизусть Евангелие от Матфея от слов *Вы есте свет мира...* (Мф. 5, 14) и далее, потом из Евангелия от Иоанна — *Да не смущается сердце ваше...* (Ин. 14, 1). И окончил стихами 23—24-м и 16-й главы Евангелия от Иоанна: *Аминь, аминь глаголю вам, яко елика аще чесо просите от Отца во имя Мое, даст вам. Доселе не просисте ничесоже во имя Мое: просите, и приимете, да радость ваша исполнена будет* (Ин. 16, 23—24). Заметив, что Параскева Ивановна все еще плачет, он сказал:

— Что же ты, матушка, все плачешь? По времени и у вас будет мать-праведница.

Однажды сюда, в ближнюю пустыньку, пришла монахиня Платонида, приехавшая из Симбирского монастыря Спаса Нерукотворенного. Дней пять она не могла попасть к отцу Серафиму, а нужно ей было от него благословение на лечение болей в голове. Она собиралась отсюда ехать к врачам в Арзамас.

— Вот Кто тебя исцелит,— сказал ей старец, указав на небо, и велел ей умыться в целебном источнике. Она умылась, и голова у нее заболела еще больше. Старец дал ей выпить этой же воды, и у нее сильно заломило зубы и щеку. Он приложил свою руку к ее щеке и сказал:

— До Успения Бог успокоит тебя. Гряди с миром!

— Могу ли я надеяться, что еще увижу вас? — спросила она.

— Там увидимся,— отвечал старец, показывая на небо.— Там лучше, лучше, лучше...

Ранним утром в день Благовещения, 25 марта 1832 года[2], сподобился отец Серафим посещения Божией Матери. Он был заранее извещен об этом великом и радостном событии и даже осмелился просить разрешения у Царицы Небесной быть при этом чуде одной дивеевской сестре, Евдокии Ефремовне Аломасовской. Он приказал ей прийти накануне праздника.

— Ах, радость моя! — сказал он,— я тебя давно ожидаю. Какая нам с тобою милость и благодать от Божией Матери готовится в настоящий праздник! Велик этот день будет для нас!

— Достойна ли я, батюшка, получать благодать по грехам моим...— начала было говорить Евдокия Ефремовна, но старец перебил ее:

— Повторяй, матушка, несколько раз сряду: *Радуйся, Невесто Неневестная! Аллилуиа!*

Она исполнила это.

— И слышать-то никогда не случалось, какой праздник нас с тобой ожидает! — сказал он.

Евдокия Ефремовна стала плакать и опять говорить, что она недостойна.

— Хотя и недостойна ты, но я о тебе упросил Господа и Божию Матерь, чтобы видеть тебе эту радость! Давай молиться.

Сняв с себя мантию, отец Серафим набросил ее на плечи Евдокии Ефремовне и начал читать акафисты: Господу Иисусу, Божией Матери, Святителю Николаю, Иоанну Крестителю, потом каноны: Ангелу Хранителю и Всем святым. Уже была глубокая ночь. Вдруг отец Серафим говорит:

— Не убойся, не устрашись! Благодать Божия к нам является. Держись за меня крепко.

Послышался шум, подобный ветру, в полутемной келлии стало светло как днем, послышалось стройное пение... Батюшка упал на колени и, воздев руки, воскликнул:

— О Преблагословенная, Пречистая Дево, Владычице Богородице!

Келлия как бы расширилась, потолок ушел вверх и засиял как бы яркими огнями... И вот появились два ангела, держащие один в правой, другой в левой руке по ветви с распустившимися свежими цветами. Золотистые волосы их лежали по плечам. За ними шла Сама Богоматерь. На Ней, как вспоминала Евдокия Ефремовна, была мантия, подобная той, какая пишется на образе Скорбящей Божией Матери,— блестящая («но какого цвета — сказать не могу, несказанной красоты, застегнутая под шеею большою круглою пряжкою-застежкою»), с изображениями крестов. Платье на ней было зеленое, а сверх мантии как бы епитрахиль и на руках поручи, на епитрахили и поручах — кресты. Владычица была высокого роста, на распущенных и лежащих по плечам волосах сияла чудной красоты высокая корона, также украшенная изображениями крестов.

За Богородицею шли двенадцать святых дев попарно, в венцах и одеждах разного цвета. Это были великомученицы Варвара и Екатерина, святая первомученица Фекла, святая великомученица Марина, святая великомученица и царица Ирина, преподобная Евпраксия, святые великомученицы Пелагия и Дорофея, преподобная Макрина, мученица Иустина, святая великомученица Иулиания и мученица Анисия. За святыми девами шли Иоанн Предтеча Господень и святой евангелист Иоанн Богослов в белых одеждах. Увидев все это, Евдокия Евремовна пала на пол и закрыла лицо руками. От волнения и страха она не слыхала, о чем в это время отец Серафим говорил с Богородицей. Спустя довольно долгое время, может быть более трех часов, Матерь Божия спросила старца:

— Кто это у тебя лежит на полу?

— Это та самая старица, о которой я просил Тебя, Владычица,— отвечал он.

— Встань, девица, и не убойся нас,— сказала Пречистая,— такие же девы, как ты, пришли сюда со мною.— И прибавила:

— Не убойся, мы пришли посетить вас.

«Пречистая,— вспоминала Евдокия Ефремовна,— изволила взять меня, недостойную, за правую руку, а батюшка за левую, и через батюшку приказала мне подойте к девам, пришедшим с Нею, и спросить, как их имена и какая жизнь была их на земле. Я и пошла по ряду спрашивать». Богородица говорила с отцом Серафимом как с родным человеком.

— Не оставь дев моих дивеевских! — говорила Она.

— О Владычице! — отвечал он.— Я собираю их, но сам собою не могу их управить!

— Я тебе, любимиче мой,— сказала Пречистая,— во всем помогу! Возложи на них послушание, если исправят, то будут с тобою и близ Меня, и если потеряют мудрость, то лишатся участи сих ближних дев моих; ни места, ни венца такого не будет. Кто обидит их, тот поражен будет от меня; кто послужит им ради Господа, тот помилован будет пред Богом!

И, обратясь к Евдокии Ефремовне, сказала:

— Посмотри на сих дев Моих и на венцы их; иные из них оставили земное царство и богатство, возжелав Царства вечного, небесного, возлюбили нищету самоизвольную, возлюбили Единого Господа и за то видишь, какой славы и почести сподобились. Как было прежде, так и ныне. Только прежние мученицы страдали явно, а нынешние — тайно, сердечными скорбями, а мзда им будет такая же.

Отцу Серафиму Пречистая сказала:

— Скоро, любимиче мой, будешь с нами! — и благословила его.

Святые девы простились с ним, целуясь рука в руку. После этого вдруг все

исчезло, отец Серафим и Евдокия Ефремовна остались одни. Посещение Богородицы продолжалось четыре часа.

— Ах, батюшка,— вздохнула Евдокия Ефремовна,— я думала, что умру от страха... И не успела я попросить Царицу Небесную об отпущении грехов моих...

— Я, убогий,— отвечал старец,— просил о вас Божию Матерь, и не только о вас, но о всех, любящих меня, и о тех, кто служил мне и мое слово исполнял, кто трудился для меня, кто обитель мою любит, а кольми паче вас не оставлю и не забуду. Я, отец ваш, попекусь о вас и в сем веке, и в будущем, и кто в моей пустыни жить будет, всех не оставлю, и роды ваши не оставлены будут... Вот какой радости Господь сподобил нас, зачем нам унывать!

— Батюшка, а как же нам жить и молиться?

— Вот как молитесь: *Господи, сподоби мне умереть христианскою кончиною, не остави меня, Господи, на Страшном Суде Твоем, не лиши Царствия Небесного! Царица Небесная, не остави меня!*

Затем, благословив Евдокию Ефремовну, старец отпустил ее:

— Гряди, чадо, с миром...

В январе 1831 года, то есть год назад (до описанного выше события.— *Ред.*) началось волнение в Польше, и с тех пор Михаил Васильевич Мантуров вместе с женой уехал из Дивеева и находился в отдаленной губернии. Вот как это случилось. Собираясь в Польшу, к отцу Серафиму приехал за благословением генерал Павел Яковлевич Куприянов. Был он богатый помещик, владевший многими имениями. Познакомившись в Сарове с Мантуровым, он был покорен его высокой духовностью и умом и предложил ему место главного управляющего своими имениями на то время, пока сам он будет в Польше. Михаил Васильевич сказал, что он ничего не делает без благословения батюшки, и генерал обратился к отцу Серафиму. Как только Мантуров пришел к старцу, тот сказал ему:

— А тебя, радость моя, хотят просить у меня! Да, да... Что же делать, служил ты мне верно, жаль мне тебя, а отказать тоже нельзя, ведь он царю нужен. Поезжай, послужи, батюшка, человек он ратный, а мужички, бедные, брошены, совращены, и плохо жить им; так бросить их нельзя. Вот ты и займись ими, радость моя, обходясь кротко да хорошенько, они тебя полюбят, послушают, исправятся и возвратятся ко Христу! Для того-то больше я тебя и посылаю; ты и госпожу-то, свою жену, возьми с собою.

Затем, обратясь к супруге Мантурова Анне Михайловне (она в этот раз пришла вместе с мужем), прибавил:

— А ты, матушка, будь женой разумною, ведь он горяч, Мишенька-то, ты горячиться-то ему не давай, и чтобы он тебя слушался!

Таким образом Мантуров поехал и управлять имениями, и просвещать раскольников, ибо на землях генерала большинство крестьян было таковыми. Отец Серафим благословил генерала, дал ему святой воды и сухариков и велел во время опасностей постоянно творить Иисусову молитву. Генерал этот часто бывал в сражениях, выполнял при этом завет старца и остался жив.

Мантуров отправился на новое место и там в самом деле нашел, что многие крестьяне генерала вовлечены в раскол, при этом почти разорены, а по характеру крайне недоверчивы. Михаил Васильевич повел дело так, что крестьянские хозяйства стали поправляться. Обходился он с ними дружелюбно, ласково, терпеливо распутывал всякие недоразумения. Вскоре мужики полюбили его, недоверие их исчезло до того, что они стали слушать его как родного отца.

Климат в той местности был нездоровый, вблизи деревень находились огромные болота, и люди часто погибали от злокачественной лихорадки, которой не избежал и новый главный управляющий. Заболев, он не мог лечиться, так как отец Серафим заповедал ему не принимать никаких лекарств и не прибегать к помощи врачей. Он написал сестре, Елене Васильевне, чтобы она спросила отца Серафима, как ему избавиться от лихорадки. Старец передал, что Михаилу Васильевичу надо есть мякоть теплого, хорошо испеченного хлеба. Этот ответ пришел в то время, когда Мантуров уже угасал и ничего не мог есть. С большим трудом он прожевал и проглотил кусочек теплого хлеба... после этого его расслабило и он совершенно выздоровел. Поправившись, он таким же способом, да и с молитвой, стал лечить крестьян, и больные перестали умирать. Люди так доверились ему, что многие оставляли раскол и возвращались в лоно Православной Церкви.

Но если бы он знал тогда, ценой какой жертвы совершилось это великое чудо!

В апреле или начале мая 1832 года Елена Васильевна Мантурова стала чувствовать, что отец Серафим готовится к переходу в лучший мир.

— Наш батюшка ослабевает,— говорила она сестрам,— скоро, скоро останемся без него! Навещайте сколь возможно чаще батюшку, недолго уже быть нам с ним! Я уже не могу жить без него и не спасусь... Как ему угодно, не переживу я его. Пусть меня раньше отправят!

Она сказала о том и самому старцу.

— Радость моя! — отвечал он.— А ведь служанка-то твоя ранее тебя войдет в Царствие-то да скоро и тебя с собой возьмет.

Жившая с Еленой Васильевной в Дивееве и не желавшая расставаться с нею крепостная девушка Устинья заболела чахоткой. Она быстро угасала. Ее беспокоило, что она занимает место в келлии своей госпожи, и иногда говорила:

— Нет, матушка, я уйду от тебя, нет тебе от меня покоя!

Елена Васильевна, положив ее на удобнейшее место, сама ухаживала за ней. Девушка скоро умерла, сказав перед кончиной:

— Я видела чудный сад с необыкновенными плодами... Мне кто-то и говорит: «Этот, сад общий твой с Еленою Васильевною и за тобой скоро и она придет сюда...»

Так и вышло.

Призвал ее к себе отец Серафим:

— Ты всегда меня слушала, радость моя, и вот теперь хочу я тебе дать одно послушание... Исполнишь ли его, матушка?

— Я всегда вас слушала и всегда готова вас слушать,— отвечала она.

— Во, во, так, радость моя! Вот видишь ли, матушка, Михаил Васильевич, братец-то твой, болен у нас, и пришло время ему умирать... умереть надо ему, матушка, а он мне еще нужен для обители-то нашей, для сирот-то... Так вот и послушание тебе: умри ты за Михаила-то Васильевича, матушка!

— Благословите, батюшка,— смиренно ответила Елена Васильевна.

Затем отец Серафим долго беседовал с ней, укрепляя ее, о блаженстве Вечной жизни. Елена Васильевна молча слушала, а потом вдруг, смутившись, сказала тихо:

— Батюшка! Я боюсь смерти...

— Что нам с тобой бояться смерти, радость моя! — воскликнул старец.— Для нас с тобою будет лишь вечная радость.

При этом разговоре присутствовала келейница Елены Васильевны Ксения Васильевна. Она за все это время не сказала ни слова, но можно себе представить, что чувствовала она тогда...

Старец благословил их идти. Но Елена Васильевна, едва переступив порог келлии, упала — Ксения Васильевна успела подхватить ее. Отец Серафим велел положить ее в сенях, принес святой воды и окропил ее. Когда она, очнувшись, встала, он дал ей напиться святой воды, и она после этого смогла дойти до Дивеева.

Вернувшись домой, Елена Васильевна слегла и сказала:

— Теперь уже я более не встану.

В первую же ночь она видела сон: в Дивееве, на месте Казанской церкви, как бы огромная площадь, полная народу, и она, Елена Васильевна, сама в этой толпе. Вдруг народ зашумел, задвигался, образовал проход перед ней, и она увидела, что к ней идут два воина. «Иди с нами к Царю! — сказали они.— Он тебя к себе призывает». Ее привели к великолепному престолу, на котором восседали необычайной красоты Царь и Царица. Она пала к подножию престола и услышала голос Царя:

— Не забудь двадцать пятого числа: мы тебя к себе возьмем.

Проснувшись, Елена Васильевна рассказала тем, кто был возле нее, свой сон и записала число.

Только тремя днями позже сбылось это предсказание...

Духовник ее протоиерей Василий Садовский каждый день приобщал ее Святых Христовых Таин, потом она особоровалась и спокойно ждала кончины. С 25 мая (числа, названного во сне) ей были постоянные видения, не только во сне, но и наяву.

— Ксения! — звала она.— Гости будут у нас! Смотри же, чтобы у нас все было здесь чисто...

— Да кто же будет-то, матушка?

— Кто? Митрополиты, архиереи и весь духовный причт.

В день смерти, 28 мая, она снова сказала:

— Ксения! Не накрыть ли стол-то? Ведь гости скоро будут. Смотри же, чтобы все, все у тебя было чисто, как возможно чисто!

Ксения накрыла стол белоснежной скатертью. Увидев это, Елена Васильевна сказала:

— Ты, Ксения, не ложись, а Агафье Петровне вели лечь... А ты и не садись, смотри, Ксения, а так, постой немного...

Вдруг, вся просветлев, Елена Васильевна воскликнула:

— Святая игуменья!.. Матушка!.. Обитель-то нашу не оставь...

И потом долго, но полубессвязно говорила что-то об обители Дивеевской. Очнувшись, позвала:

— Ксения! Где же это ты? Смотри, гости ведь будут!

И опять в забытьи:

— Грядет! Грядет!.. Вот и ангелы... Вот мне венец и всем сестрам венцы...

Ксения Васильевна в страхе воскликнула:

— Матушка! Ведь вы отходите! Я пошлю за батюшкой.

— Нет, Ксенюшка, погоди, я тогда сама скажу.

Через несколько часов она попросила позвать отца Василия, чтобы в последний раз особороваться и приобщиться Святых Христовых Таин.

Вот что она рассказала отцу Василию во время исповеди:

— Я не должна была ранее рассказывать это, а теперь уже могу. В храме я увидела в раскрытых Царских вратах величественную Царицу неизреченной красоты, которая, призывая меня ручкой, сказала: «Следуй за Мною и смотри, что Я покажу тебе». Мы вошли во дворец, красоту которого описать не могу вам, батюшка... Он был из прозрачного хрусталя, а двери, замки, ручки и отделка — чистого золота... От сияния и блеска трудно было смотреть на него, он весь как бы горел. Двери сами собой отворились, и мы вошли как бы в бесконечный коридор, по обеим сторонам которого были запертые двери. Первые двери сами собой раскрылись, и я увидела огромный зал, уставленный столами и креслами, в которых сидели сановники и необыкновенной красоты юноши. Когда мы вошли, все встали и молча поклонились в пояс Царице. «Вот смотри,— сказала Она, указывая на всех рукою,— это мои благочестивые купцы...» Следующий зал был еще большей красоты, и весь он казался залитым светом... В нем были одни молодые девушки, одна другой прекраснее, одетые в светлые платья и с блестящими венцами на головах. Венцы были разного вида, и на некоторых было надето по два или три... Девушки поклонились в пояс Царице. «Осмотри их хорошенько,— сказала Она,— хороши ли они и нравятся ли тебе». Я стала рассматривать, и что же вижу — одна из девиц, батюшка, ужасно похожа на меня! Это девица, улыбнувшись, погрозила мне пальцем... Потом я стала рассматривать другую сторону зала и увидела на одной из девушек такой красоты венец, что даже позавидовала... И все это были, батюшка, наши сестры, прежде меня бывшие в обители, теперешние и будущие!.. Но называть их не могу, ибо не велено мне говорить. И вот очутились мы в третьем зале, несравненно менее светлом, в котором были все наши же сестры... тоже с венцами, но не столь блестящими,— и этих называть мне не приказано. Затем перешли мы в четвертый зал, совсем почти мрачный, наполненный дивеевскими же сестрами, но лишь настоящими и будущими, которые или сидели, или лежали... Иные были как бы скорчены болезнью и все без венцов, с унылыми лицами... Все здесь дышало невыразимой скорбью. «Это нерадивые,— сказала мне Царица,— видишь, как ужасно нерадение? Вот они и девицы, да радости-то у них нет!»

— Ведь тоже все наши сестры, батюшка,— сказала Елена Васильевна и горько заплакала.

Как только отец Василий вышел, Елена Васильевна попросила:

— Ксения! Вынеси сейчас же от меня икону Страстной Божией Матери в церковь,— это икона чудотворная!

Икона была взята из церкви и временно находилась в келлии. Ксения и дру-

гие послушницы, бывшие здесь, подумали, что она сказала это в забытьи, но она приподнялась и проговорила с упреком:

— Ксения! Всю жизнь ты меня не оскорбляла, а теперь, перед моею смертию, это делаешь. Я вовсе не в бреду, как вы это думаете, а говорю вам дело! Если вы икону теперь не вынесете, то вам не дадут уже вынести ее и она упадет! Вот вы не слушаете, а после сами же будете жалеть.

Икону вынесли, и раздался звук колокола.

— Сходи-ка, Ксения, к обедне,— сказала Елена Васильевна,— да помолись за всех нас!

— Что это вы, матушка, а вдруг...

(«...умрете вы»,— хотела она сказать).

— Ничего, я дождусь,— сказала умирающая. И когда Ксения Васильевна вернулась от обедни, встретила ее словами:

— Вот видишь, я сказала, что дождусь тебя — и дождалась!

И обратилась ко всем, кто был (а сестер набралось здесь уже много):

— За все, за все благодарю вас! И простите меня, Христа ради простите!

Ксения Васильевна, видя, что Елена Васильевна вся побелела и как будто уже отходит, бросилась к ней:

— Матушка, нынче ночью-то я не посмела тревожить вас, а вот теперь вы умираете... Скажите мне, скажите, матушка, вы видели Господа?

— *Бога человеком невозможно видети, на Него же не смеют чини ангельстии взирати*,— еле слышно пропела Елена Васильевна.

Но Ксения Васильевна припала к ней и молила ее Христом Богом ответить.

— Видела, Ксения! — воскликнула Елена Васильевна, и лицо ее чудно просветлело...— Видела, как неизреченный огнь, а Царицу и ангелов видела просто.

— А что же, матушка, вам-то что будет?

— Надеюсь на милосердие Господа моего, Ксения, Он не оставит.

И вдруг заторопилась:

— Собирайте меня скорее, скорее, не отворяя дверей! Да выносите в церковь! А то сестры вам помешают, не дадут собрать.

— Поздно, матушка, не успеем до вечерни.

— Нет, нет! Успеете. Как я говорю, так и делайте. Слушайтесь, да поскорее, а то Бог накажет, спохватитесь после...

И сестры стали ее спешно убирать.

— Ох, Ксения, Ксения, что это? — вдруг воскликнула она,— что это? Какие два безобразные... Это враги!... Ну, да эти уже ничего не могут мне сделать,— сказала Елена Васильевна, покойно потянулась и скончалась.

На нее надели рубашку отца Серафима и ряску, на голову — шапочку из иерейских поручей старца и сверху платок, на ноги — башмаки, а в руки вложили шерстяные четки.

Едва положили ее в присланный отцом Серафимом выдолбленный из целого куска дуба гроб, как в маленькую келлийку ее с плачем и воплями ворвалась целая толпа сестер. Тут ударили ко всенощной, и гроб с телом усопшей понесли в храм.

Елене Васильевне было двадцать семь лет — семь пробыла она в Дивеевской обители.

В то же время отец Серафим, находившийся в своей ближней пустыньке, провидел духом смерть своей послушницы и радостно сказал сестрам, работавшим у него на огороде:

— Скорее, скорее грядите в обитель, там великая госпожа ваша отошла ко Господу!

Был канун Пятидесятницы.

На другой день, в самую Троицу, была заупокойная литургия, и многие с ужасом увидели, что во время пения Херувимской Елена Васильевна три раза улыбнулась, как живая.

Через три дня Ксения Васильевна, вся заплаканная, пришла к отцу Серафиму, но он тут же отправил ее назад, говоря:

— Чего плачете? Радоваться надо! На сороковой день придешь сюда, а теперь иди, иди домой! Надо, чтобы все сорок дней ежедневно была бы обедня, и как хочешь, в ногах валяйся у отца Василия, а чтобы обедни были.

Она ушла. А отец Павел, сосед по келлии отца Серафима, видел, как тот ходил из угла в угол и восклицал:

— Плачут!.. Ничего не понимают!.. А кабы видела, как душа-то ее летела, как птица вспорхнула! Херувимы и Серафимы расступились!.. Она удостоилась сидеть недалеко от Святыя Троицы — аки дева!

Когда по прошествии сорока дней Ксения Васильевна пришла к отцу Серафиму, то он стал утешать ее:

— Какие вы глупые, радости мои! Ну что плакать-то? Ведь это грех. Мы должны радоваться — ее душа вспорхнула, как голубица, вознеслась ко Святой Троице! Она прислужница Матери Божией, матушка! Фрейлина Царицы Небесной она, матушка. Лишь радоваться нам, а не плакать дóлжно! Со временем ее мощи и Марии Семеновны будут почивать открыто в обители, ибо обе они так угодили Господу, что удостоились нетления. Во, матушка, как важно послушание! Вот Мария-то на что молчалива была и токмо от радости, любя обитель, преступила заповедь мою и рассказала малое, а все же за то при вскрытии мощей ее в будущем предадутся тлению одни только уста ее.

В июне того же года среди множества посетителей отца Серафима был высокий седовласый старец, настоятель Костромской Надеевской пустыни иеромонах Тимон. Лет двадцать он не был в Сарове, а когда-то, будучи диаконом и живя в Нижнем Новгороде, часто посещал пустынников, Марка и Серафима, которые, видя его усердие, любили и наставляли его. Потом скончалась жена его, он постригся в монахи, стал экономом в архиерейском доме. Владыка послал его строителем в один из городских монастырей и хиротонисал во иеромонаха. Но он, желая уединения с Богом, отпросился на покой и стал жить в пустыни при Кривоезерском монастыре и был там один, а пищу ему носили с монастырского хутора. Однажды ему было благодатное видение: Господь повелел ему преобразовать этот хутор в обитель, но ему так не хотелось оставлять своего уединения, что он ослушался. Поэтому его разбил паралич, пришедшие нашли его полумертвым и отнесли на хутор. Тут он быстро выздоровел и, раскаиваясь в неисполнении воли Господней, начал устраивать обитель, которой и стал первым настоятелем. «И Господь благословил место сие»,— говорил он потом. Иеромонах Тимон имел от Господа замечательный дар речи и силу убеждения, и много раскольников, слушая его, оставили свои заблуждения.

Люди шли и шли к отцу Серафиму, он в этот день принимал всех; уже и день прошел, а Тимон все сидел у дверей келлии и старец его не звал. Наконец, когда уже никого не осталось, отец Серафим благословил войти ему в келлию. «Аз же,— вспоминал отец Тимон,— взошедши, падох ему на ноги и от радости много плакал, что через много лет сподобился видеть его еще в живых и сказал ему:

— Отче святый! За что вы на меня, грешного, прогневались и целый день меня до себя не допускали?

Он же меня посадил и начал говорить:

— Нет, не тако, отче Тимоне! Аз тебя люблю, но это я сделал потому, что ты монах, да еще и пустынножитель, потому должен ты иметь терпение. А еще испытывал тебя, чему ты научился, живши столько лет в пустыни,— не пустой ли ты из нее вышел? А прочие люди — мирские, да еще и больные, их надобно прежде и полечить и отпустить, ибо, *не требуют здравии врача, но болящии* (Мф. 9, 12), как Господь сказал. С тобою же надобно при свободном времени больше побеседовать.

И тако с ним всю нощь препроводили в беседе».

Отец Тимон вспоминал и наставление, данное ему отцом Серафимом:

— Сей, отец Тимон, сей,— всюду сей данную тебе пшеницу. Сей на благой земле, сей и на песке, сей на камени, сей при пути, сей и в тернии: все где-нибудь да прозябнет и возрастет и плод принесет, хотя и не скоро. И данный тебе талант не скрывай в земле, да не истязян будеши от своего господина, но отдавай его торжником — пусть куплю делают. Еще скажу тебе, отче Тимоне, не води дружбы и не имей союза, во-первых, с врагами Христовой Церкви, то есть с еретиками и с раскольниками, во-вторых, с теми, которые святых постов не соблюдают, в-третьих, с женами, ибо оне много нас, иноков, повреждают. А в своей новоустроенной обители положи и утверди устав совершенного общежития, по правилам и по уставу святых Отец, чтобы никто не творил своей воли:

винного пития и табаку отнюдь никому не позволяй, даже сколько возможно удерживай и от чая. Чревоугодие — не монашеское дело.

И много еще говорил отец Серафим, а наутро благословил отца Тимона в обратный путь, простившись с ним по иерейскому обычаю.

Летом 1832 года отец Серафим еще трудился у своей ближней пустыньки. Повязав голову белой тряпицей от солнца, он рыхлил землю и полол в огороде, собирал в лесу валежник, прямо в одежде лез в речку и доставал оттуда камни, которыми укреплял откос берега... Беседуя с приходящими, он иногда не прерывал своих работ, а чтобы отдохнуть садился на сухую корягу. Если приходили паломники, люди незнакомые, то они ждали невдалеке, под деревьями, когда он сам подзовет их, а случалось и не подзывал. Бывало, он, оставив работу, молился один, воздевая руки, а народ, глядя на него, тоже молился, становясь на колени.

Случалось, кто-нибудь и нарушал эти чинность, благоговейность, характерные для встреч паломников с отцом Серафимом, русские люди понимали, что он один, а их много, целая Россия, что он, хотя и Божий человек, подвижник, но уже стар и слаб.

Однажды он молился, отложив свою мотыгу, а в отдалении молча молился народ, среди которого было несколько лиц из дворян. Среди них — генеральша Зорина, крупная, одетая во все черное женщина, с двумя служанками, тоже в черных платьях. Она тридцать уже лет как была вдовой и последние пятнадцать со своими слугами жила где-то при монастыре. И вот в молитвенной тишине вдруг раздался ее басовитый голос:

— Отец Серафим! Отец Серафим!

Все невольно вздрогнули, словно стая ворон с оглушительным карканьем пролетела над ними.

— Отец Серафим! А что, не посоветуешь ли мне окромя среды и пятка поститься и в понедельник?

Отец Серафим, несколько озадаченный, повернулся к ней и заморгал на нее своими добренькими глазками.

— Я что-то не совсем понял тебя,— сказал он после довольно долгого молчания.— Ежели ты это насчет пищи, то вот что я тебе скажу; как случится замолишься, забудешь о еде, ну и не ешь... Не ешь день, не ешь два, а там, как проголодаешься, так возьми да и поешь немного.

Две дивеевские монахини из дворян, сестры Ладыженские, однажды рассказали историю, относящуюся к весне 1832 года. Их брат О. В. Ладыженский, офицер, был послан в Китай для сопровождения духовной миссии и ехал через Нижний Новгород, куда вызвал для свидания и их, своих сестер, девушек тогда еще мирских, живших в Пензе. Они приехали и нашли его больным: от дурной дороги у него дала себя знать рана в руке, полученная в последнюю турецкую кампанию. Он стал лечиться, а сестры, питавшие теплую веру к отцу Серафиму, убеждали его съездить с ними в Саров, чтобы получить благословение на далекий путь в Китай. Они рассказывали брату о старце, а он отвечал так:

— Я верю, что он хорошей жизни, но вы слишком все преувеличиваете.

Был у них спор и об иконах. Брат не верил, что есть иконы чудотворные:

— Различать иконы,— говорил он,— и называть некоторые из них чудотворными есть дело суеверия. Все иконы одинаковы!

Однако ради сестер, склоняясь на их просьбы, он поехал. В Саровскую пустынь они прибыли в день воскресный и пошли к ранней обедне в храм святых Зосимы и Савватия, где должен был причащаться старец. В конце обедни брат вошел в алтарь, чтобы принять там благословение отца Серафима и передать ему несколько слов от своей бабушки, игуменьи Крестовоздвиженского девичьего монастыря, которую отец Серафим весьма уважал, и от Преосвященного Афанасия, у которого Ладыженские побывали перед отъездом в Саров.

После обедни девушки ушли в гостиницу, а вскоре пришел и брат.

— Пока я передавал отцу Серафиму то, что поручили мне бабушка и Преосвященный, он взял меня за больную руку и так крепко сжал, что я только от стыда не вскрикнул, а теперь вот не ощущаю в руке решительно никакой боли.

После трапезы Ладыженские пошли в лес, к ближней пустыньке отца Серафима.

Он был уже там и сидел возле своего источника. Сестры остались в отдалении, а брат подошел к старцу, и они беседовали около получаса. Батюшка благословил его и, посадив рядом, сказал:

— Что мое грешное благословение? Проси помощи у Царицы Небесной. Вот в теплом соборе у нас икона Живоносного Источника — отслужи ей молебен, ведь она чудотворная, она тебе поможет... Читал ли ты, батюшка, житие Иоанникия Великого? Я советую прочесть. Это был военный, весьма добрый и хороший человек, и сначала не то чтобы он не был христианин — он веровал в Господа, но в иконах-то заблуждался так же, как и ты.

Брат был поражен этими словами, у него в душе все перевернулось...

Предсказав ему благополучное возвращение из Китая, старец подозвал сестер, благословил их, потом принес из келлии половину большой просфоры и подал брату:

— На́ тебе от моей души. Мы с тобою более не увидимся...

— Нет, батюшка,— отвечал тронутый ласкою старца брат,— я еще завтра приду к вам.

— Мы с тобою более не увидимся,— повторил отец Серафим.

— Батюшка, я на возвратном пути заеду к вам.

— Нет, мы с тобою больше не увидимся.

На обратном пути из пустыньки офицер сказал сестрам:

— Теперь я совершенно убежден в святости и прозорливости этого дивного мужа. Все, что вы говорили о нем — истинно, и вы ничего не преувеличили.

Исцеленный Господом через отца Серафима Ладыженский побывал в Китае и благополучно вернулся, но уже после кончины старца...

В августе этого года Преосвященный Арсений, новый епископ Тамбовский, впервые обозревал свою епархию и прибыл в Саровскую пустынь. Его в числе всей монастырской братии встречал и отец Серафим, который по окончании чина встречи архипастыря сразу возвратился в свою ближнюю пустыньку. Позднее в тот же день в сопровождении саровского казначея иеромонаха Исаии и ключаря тамбовского городского собора отца Никифора, прибыл сюда и Преосвященный. Отец Серафим трудился, обкладывал камнями русло ручейка, протекавшего возле его келлии и впадавшего в Саровку.

Старец оставил свое дело и поспешил к архипастырю, испрашивая его благословения.

— Что это такое ты делаешь? — спросил гость.

— А вот, святый Владыко,— отвечал старец,— камешками берег выкладываю, чтобы вода-то не обмывала и не портила его.

— Доброе дело... Ну, покажи же ты мне теперь свою пустыньку среди пустыни.

— Хорошо, батюшка.

Войдя в келлию, отец Серафим поднес архипастырю подарки: четки, пачку восковых свечей, обернутых целой холстиной, бутылку деревянного масла и шерстяные чулки. Преосвященный с радушием принял все это и отослал в экипаж. Потом спросил:

— Где же у тебя в этой пустыньке еще другая пустынька, другое, еще более уединенное место?

По рассказам он знал, где это место и, не дожидаясь ответа, направился к печке.

— Не ходи, батюшка, замараешься,— сказал старец.

Но Преосвященный отворил узкую дверку, закрывавшую пространство между печкой и стеной, и увидел узкую щель, так что едва мог туда протиснуться один человек,— здесь, в глубине этой щели, светилась неугасимая лампада перед небольшим образом. Сюда-то старец иногда скрывался на молитву...

Потом отец Серафим обратился к архипастырю:

— Вот, батюшка, богомольцы приходят ко мне, убогому Серафиму, и просят меня дать им чего-нибудь в благословение... Я и даю им сухариков черного или белого хлеба и по ложке красного церковного вина: можно ли мне это делать?

Прозорливый старец здесь упредил вопрос епископа, что видно из его ответа:

— Можно, можно,— сказал Преосвященный,— но только в раздельном виде. Так что если кому даешь сухариков, тому не давай уже красного вина. А то

простолюдины, как слышал я, думают по простоте своей и другим разглашают, будто ты причащаешь их Святых Таин. А и того лучше — вина вовсе не давать, давать же только сухарики.

— Хорошо, батюшка,— смиренно отозвался старец,— я так и буду поступать.

При отъезде Владыки, приняв от него благословение, отец Серафим поклонился ему в ноги и так и остался стоять на коленях и не поднялся даже тогда, когда архипастырь сам попытался его поднять. Так и стоял старец, пока экипаж не скрылся из виду.

Вечером отец Серафим пришел в монастырь и отдал келейнику Владыки Арсения сосуд с вином, который принес из пустыньки:

— Отдай это батюшке от Серафима грешного.

Спустя двадцать лет Владыка, бывший в это время митрополитом Киевским и Галицким, писал игумену Саровской пустыни отцу Исаии: «Надлежало бы также в жизнеописании отца Серафима упомянуть о первом его свидании со мною: оно полно высокого значения и, бесспорно, открывает в нем дар прозорливости. Его слова и действия во время посещения моего вместе с вами пустынной его хижины, его потом подарки мне: деревянное масло, красное вино, несколько свеч, кусок полотна и шерстяные чулки и, наконец, многократное коленопреклоненное прощание его со мною, которого я многими убеждениями не мог прекратить и от которого я должен был поспешно с вами уехать, дабы не трудить более старца, продолжавшего стоять на коленях и кланяться, были, как после оказалось, выразительными символами, изображавшими его и мою судьбу: он вскоре затем помер, а я при помощи Божией продолжаю еще полагать камни для ограждения церковного берега от напора вод мирских».

Епископ тогда все понял. Свечи, масло и вино он употребил при заупокойной литургии по отцу Серафиму. А долгие поклоны были — будущему митрополиту Киевскому и Галицкому.

А третьего сентября в пустыньке перед отцом Серафимом предстал «служка» его, Николай Александрович Мотовилов, и в каком жалком положении! В мае этого года его еще не укрепленная в вере душа подверглась страшному искушению: несмотря на предсказания старца о другой невесте для него, Мотовилов не выдержал, посватался к Екатерине Михайловне Языковой, но получил отказ. Она была уже просватана за поэта и философа-славянофила Алексея Степановича Хомякова. И тут обрушилась на Мотовилова Божия кара за неверие: у него снова отнялись ноги... Около четырех месяцев маялся он в своем симбирском имении, не зная, что предпринять. Ему казалось, что ехать к отцу Серафиму и просить его об исцелении он не имеет права... Родные же советовали отправиться в Воронеж, где только что открыты были святые мощи святителя Митрофана. Много говорили и о богоугодной жизни тогдашнего Воронежского Владыки — епископа Антония. И он поехал в Воронеж. Однако только начал он свою поездку, не проехал и нескольких верст, как понял, что не сможет миновать саровского старца.

— Помолимся Господу,— сказал отец Серафим,— чтобы Он возвестил нам, мне ли по-прежнему исцелить вас или отпустить в Воронеж.

На другой день он объявил ему:

— Не по Бозе сказал я, убогий Серафим, Вашему Боголюбию, чтобы мне исцелить вас: Господь исцелит вас у мощей святителя Митрофана. Вот, батюшка, Господь и Божия Матерь, в сию нощь явившись мне, убогому, изволили открыть мне всю жизнь вашу от рождения и до успения. И если бы Сам Господь не вложил персты мои в раны Свои гвоздинные и в Пречистое ребро Свое, копием пронзенное, я бы не поверил, что могут быть на земле такие странные жизни. И вся эта жизнь ваша будет исполнена таких причуд и странностей оттого, что у вас светское так тесно соединено с духовным и духовное со светским, что отделить их нельзя.

— Батюшка,— спросил Мотовилов,— что значат слова ваши «до успения»? Или я скоро умру?

— Нет, Ваше Боголюбие, не скоро вы умрете, вам еще надо быть пособником мне во исполнении всесвятой воли Божией. Успение — значит тихая христианская кончина, которой вас Господь удостоит по истечении дней вашей земной жизни.

— Что же, батюшка, какая будет моя земная жизнь?

— Этого мне, убогому, не велено открывать Вашему Боголюбию. Господь сказать изволил: «Рабам Моим даю все здесь, на земле, востерпеть, а в жизнь будущего века перевожу их совершенно очищенными от всякия скверны плоти и духа, и хотя ангел смерти и допускается до разрешения союзов тела их и души, но страдание смерти не прикоснется их душам. Они умирают точно как засыпают. Но ты ему не открывай всех обстоятельств его жизни, а только то, что дозволю, ибо, если он узнает все и Я буду наказывать за грехи его, то он тогда может Мне сказать: «Господи, за что же Ты меня наказываешь, когда устами раба Твоего Серафима Сам же предрек мне, что так-то и так согрешу». А когда вздумаю Я награждать за правду его, им сделанную, то разве враг-диавол не будет иметь права, дерзнувши, так сказать: «Где эта правда Твоя, Господи, что Ты награждаешь его за ту правду, которую через Серафима Ты же ему Сам возвестил, что он ее непременно совершит, а ведь он верит Серафиму как Самому Тебе, Господу Богу». Вот почему я, убогий, и открываю вам только то, что уже сказал вам... Так-то, Ваше Боголюбие: укоряемы — благословляйте, хулимы — утешайтесь, злословимы — радуйтесь! Вот наш путь с тобою!.. *Претерпевый же до конца, той спасется* (Мф. 24, 13). Грядите с миром в Воронеж, там и исцелитесь.

Перед самым отъездом Мотовилова отец Серафим призвал двух сестер Мельничной обители — Евдокию Ефремовну Аламасовскую и Ирину Семеновну Зеленогорскую. Вложив в руки Мотовилова их правые руки и придерживая их, отец Серафим заповедал ему служение Божией Матери через службу Дивеевской обители и им, чтобы они после кончины его, старца Серафима, подробно поведали Мотовилову, что и где и как Божия Матерь заводила через него, старца Серафима, чтобы он был свидетелем всего, что делалось в Дивееве при убогом Серафиме и в свое время подтвердил бы, что даже все строение, оставшееся в Дивееве после кончины старца, выстроено не самопроизвольно им самим, а по указанию Царицы Небесной.

— И камешка одного я, убогий Серафим, самопроизвольно у них не поставил!

Затем старец сказал сестрам, что Божией Матери угодно, чтобы Мотовилов назначен был питателем обители.

«И давши мне заповедь о служении своим мельничным сиротам,— писал Мотовилов,— батюшка отпустил меня с миром в Воронеж, куда я и прибыл в 19-й день сентября 1832 года, а потом в ночь на 1-е октября, на праздник Покрова Божией Матери, получил я от этой вторичной болезни совершенное и скорее исцеление молитвами Антония, епископа Воронежского и Задонского».

Перед отъездом Мотовилова отец Серафим передал ему запечатанный мягким хлебом пакет:

— Ты не доживешь, а жена твоя доживет, когда в Дивеево приедет вся Царская фамилия и Царь придет к ней. Пусть она ему передаст[3].

Не оставлял отец Серафим забот и о другой женской общине — Ардатовской Покровской. Он подобрал туда начальницу из дивеевских сестер, указал, где купить землю для построения будущей церкви (они ходили в городскую вместе с мирянами, как это раньше было и у дивеевских), а хлопотать о постройке ее запретил, предсказывая непреодолимые препятствия; велел смиренно ждать того благословенного часа, когда Сам Господь явит людей, долженствующих все устроить. Такой человек явился в 1844 году. Он предложил свои услуги и вскоре начал возводить храм — в честь Покрова Божией Матери. Другие богатые люди доставили иконы, утварь, книги...

Наступила зима. Отец Серафим все чаще беседовал с дивеевскими сестрами, открывал им их будущее, укреплял их, наставлял. Пришла к нему Прасковья Степановна, он взял ее за руку, прочитал разрешительную молитву и сказал:

— Вот, матушка, от самого рождения и до успения все твои грехи беру на себя.

Задумался, как бы даже с грустью, и продолжал:

— Теперь ты и все вы не имеете нужды ни в чем, а после меня много, много вам будет скорби, но что делать, потерпите, такой уж путь ваш! Теперь только начало. Не я избрал вас, а Сама Царица Небесная избрала и дала мне вас, простых девушек... Кроме убогого Серафима, вам отца уже больше не будет!.. Отец Иларион и старец, да за вас взяться не может... Также вот и батюшка Исаия за вас не возьмется. А мог бы за вас взяться и быть всем отцом после

меня отец Савватий, но не хочет. Итак, скажу тебе, матушка, помни, что после меня у вас отца уже не будет!.. Пусть обижают вас, но вы не обижайте, что вам пещися! Матерь Божия собрала вас, Сама нареклась вам Игуменией. Она вас управит, защитит, разберет и заступит — все Ей известно и все Ей возможно! Ее святая воля! Не подобает поэтому никому входить в ваши дела: вы — достояние самой Матери Божией, и Ей того не угодно.

В другой раз батюшка наказывал:

— Когда меня не станет, ходите, матушки, ко мне на гробик... Ходите как вам время есть, и чем чаще, тем лучше. Все, что ни есть у вас на душе, все, о чем ни скорбите, что ни случилось бы с вами, все придите да мне на гробик, припав к земле, как к живому, и расскажите. И услышу вас, и скорбь ваша пройдет. Как с живым со мной говорите, и всегда я для вас жив буду!

В это время один саровский послушник, Иван Тихонович Толстошеев, даже еще не монах, впоследствии ложно выдававший себя за ученика преподобного Серафима, но на самом деле чуждый ему человек (отец Серафим сам об этом говорил), пытался взять в свои руки дела дивеевских сестер, а после смерти отца Серафима он все же добился попечительства над ними и много им принес горя, разрушая все, что заповедано было великим старцем.

Сестра Домна Фоминишна так описывает свое последнее свидание с отцом Серафимом: «За три недели до кончины батюшки прихожу я к нему, он и говорит мне, глубоко вздыхая: «Прощай, радость моя! Скажу тебе: придет время, многие захотят и будут называться вам отцами, но, прошу вас, ни к кому не склоняйтесь духом!» Потом, смотря на свою чудотворную икону Божией Матери Всех Радостей Радость, как называл ее, воздел он к Ней руки и со слезами на глазах скорбно так воскликнул мне: «Каково, матушка, Иван-то Тихонов назовется вам отцом! Породил ли он вас? Породил-то вас духом ведь убогий Серафим! Он же много скорби соделает и век холоден до вас будет».

— Скоро, уж скоро никого у вас не останется,— говорил старец сестре Дарье Фоминой,— и как на Саров бури, так и на вас еще хуже Сарова будут бури! Но я вас поручаю Господу и Царице Небесной! Ничего не бойтесь, хотя бы и все на вас, да Господь-то за вас! Мать вам — Сама Царица Небесная, а по Ней все управят!

Старец строго наказывал дивеевским сестрам по его кончине «кроме Михаила Васильевича Мантурова, Николая Александровича Мотовилова и священника отца Василия Никитича Садовского никого не слушать и самим править, никому не доверяя, никого не допуская постороннего вмешиваться в дела обители».

25 декабря 1832 года, на Рождество Христово, отец Серафим причащался в больничном храме святых Зосимы и Савватия. Там к нему подошел со своей дочерью-ребенком некто Богданов, дворянин, и попросил назначить время для беседы.

— Два дня праздника,— отвечал старец.— Времени не надо назначать, святой апостол Иаков, брат Божий, поучает нас: *аще Господь восхощет, и живи будем, и сотворим сие или оно...* (Иак. 4, 15).

После литургии отец Серафим беседовал с отцом Нифонтом, игуменом, прося его позаботиться особенно о младших из братий обители. Затем напомнил, что по его кончине надлежит положить его в тот гроб, который стоит в сенях его келлии. Он простился с братией, бывшей в храме, и отправился в свою келлию. Там его ждал Иаков, один из саровских монахов (впоследствии перешедший в Толшевский монастырь). После беседы с ним старец подал ему финифтяную икону «Посещение Божией Матерью Преподобного Сергия» и сказал:

— Сей образ наденьте на меня, когда я умру, и с ним положите меня в могилу. Образ сей прислан мне честным отцем архимандритом Антонием, наместником Святыя Троицкия Лавры, и освящен от мощей Преподобного Сергия.

Дворянину Богданову удалось попасть в келлию отца Серафима, и он передал в дар старцу свечи и масло. Старец благословил его сесть. Богданов достал бумагу, на которой записал заранее ряд вопросов к старцу, и беседа шла так: прочитывался вопрос, а старец, не задумываясь, быстро отвечал. Были разные вопросы о личных делах, но и общие. Старец не рекомендовал ему бросать службы: «Ты еще молод, служи... Добро делай: путь Господень все равно! Враг везде с тобой будет. Кто приобщается — везде спасен будет, а кто не приоб-

щается — не мню. Где господин, там и слуга будет. Смиряй себя, мир сохраняй, ни за что не злобься».

На вопрос:

— Учить ли детей языкам и наукам?

Старец отвечал:

— Что же худого знать что-нибудь?

— Что прикажете читать?

— Евангелие по четыре зачала в день, каждого евангелиста по зачалу и еще жизнь Иова. Хотя жена и говорила ему «лучше умереть», а он все терпел и спасся. Да не забывай дары посылать обидевшим тебя.

— Обязан ли человек для поддержания своего звания вовлекаться в издержки, превышающие его достатки и не составляющие у людей необходимости?

— Кто как может, но лучше, чем Бог послал. Хлеба и воды довольно для человека.

— Можно ли вериться учению других?

— Довольно одного Ангела Хранителя, от святой купели нам данного. Если ярость в ком есть — не слушай; если девство кто хранит — Дух Божий таких принимает. Однако же сам разум имей и Евангелие читай.

На вопрос о духе мнительности и хульных помыслах он отвечал:

— Неверного ничем не уверишь. Это от себя. Псалтирь купи: там все есть. Три рубля стоит.

«Я спросил его,— вспоминал Богданов,— можно ли есть скоромное по постам, если кому постная пища вредна и врачи приказывают есть скоромное?»

Старец отвечал:

— Хлеб и вода никому не вредны. Как же люди по сто лет жили? Не о хлебе едином жив будет человек, но о всяком глаголе, исходящем из уст Божиих. А что Церковь положила на семи Вселенских Соборах, то исполняй. Горе тому, кто слово одно прибавит к сему или убавит. Что врачи говорят про праведных, которые исцеляли от гниющих ран одним прикосновением, и про жезл Моисеев, которым Бог из камня извел воду? *Кая бо польза человеку, аще мир весь приобрящет, душу же свою отщетит?* (Мф. 16, 26). Господь призывает нас: *Приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы!.. иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть* (Мф. 11, 28; 30). Да мы сами не хотим.

— Чем,— спросил я,— истребить гордость и приобресть смирение?

Он отвечал:

— Молчанием. Бог сказал Исаии: *на кого воззрю, токмо на кроткого и молчаливого и трепещущего словес Моих* (Ис. 66, 2).

Касательно духовной гордости он прибавил еще:

— Проси Бога, чтобы он продлил твои лета. Этого без труда не сделаешь. Молчанием же большие грехи побеждаются.

Во все время беседы отец Серафим стоял, опершись на гроб и держа в руке зажженную свечу, и был, как пишет Богданов, «чрезвычайно весел». На прощание он дал своему собеседнику сухариков, сказал, что они только что из печки, и велел уделить от них часть своим подчиненным на службе.

Так и остался в его памяти святой саровский старец: возле гроба, со свечой, освещающей его озаренное пасхальной радостью лицо.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Иеромонах Павел, сосед отца Серафима по келлии, инок простой и даже простодушный, нередко исполнявший у батюшки обязанности келейника, иногда говорил ему, что от множества свечей, которые он оставлял горящими, уходя в пустыньку, может случиться пожар, тем более что келлия вся была заставлена и завалена приношениями мирян, в особенности холстами, которые могли бы легко загореться. Отец Серафим всегда отвечал на это:

— Пока я жив, пожара не будет, а когда я умру, кончина моя откроется пожаром.

1 января 1833 года, в день воскресный, перед ранней обедней старец вошел в

больничную церковь святых Зосимы и Савватия, приложился ко всем иконам, поставил сам свечи и потом, во время литургии, причастился Святых Христовых Таин. В конце службы обошел всех молившихся здесь монахов, каждого, благословляя, целовал и говорил:

— Спасайтесь, не унывайте, бодрствуйте: нынешний день нам венцы готовятся.

Простившись со всеми, он приложился ко Кресту, к образу Божией Матери, обошел Святой Престол и, сделав обычное поклонение ему, вышел из алтаря. Невзирая на немощность тела, он был бодр и радостен.

Брат Павел заметил (да, вероятно, и не один он), что отец Серафим трижды после литургии выходил на то место возле Успенского собора, где отметил себе камнем могилу. Он стоял там довольно долгое время и, размышляя о чем-то, смотрел в землю...

В этот день была у него в келлии дивеевская сестра Ирина Васильевна, с которой он послал в обитель двести рублей для покупки хлеба, так как к этому времени у сестер вышел весь запас. Может быть, в этот же день были у батюшки и две другие сестры, которых он сам позвал. Сестра Ксения Кузьминична рассказывала, что он «насыпал им денег в фартуки, серебра и золота, да говорит: «Во, радости мои, купите всего себе на целый год»,— и назначил, по скольку четвертей круп, пшена, муки — «всего, что вам нужно». Они дивились этому и не поняли, к чему это. Только уехали покупать — вдруг весть, что батюшка Серафим скончался!»

Может быть, этим же сестрам сказал он загадочную фразу: «Засну я в Сарове, а проснусь в Дивееве»[4]. Тогда же, после литургии, был у старца в келлии иеромонах Высокогорской Арзамасской пустыни отец Феоктист. Побеседовав с ним, батюшка Серафим предложил ему остаться до следующего дня и отслужить здесь обедню. Иеромонах Феоктист спешил к родным и сказал, что не сможет служить в Сарове. «Ну, так ты в Дивееве отслужишь»,— сказал старец. Иеромонах, ничего не поняв, уехал, но на следующий день он был в Дивееве, узнал там о кончине отца Серафима и действительно отслужил заупокойную литургию.

Отец Павел слышал уже поздно вечером, как старец пел у себя в келлии *Воскресение Христово видевше..., Светися, светися, новый Иерусалиме..., О Пасха велия и священнейшая...* и другие пасхальные песнопения. Слыша этот старческий голос, слабо раздававшийся за стеной, отец Павел пришел в трепет, но все же не догадался, что этой ночью должно произойти великое событие... Песни радостного Воскресения, а не покаянные молитвы пел идущий ко Господу старец.

Рано утром 2 января отец Павел поднялся, чтобы идти к ранней обедне, и сразу почувствовал, что пахнет паленым... В сенях дым ощущался еще сильнее. Сотворив молитву возле двери отца Серафима и не получив ответа, отец Павел попробовал открыть дверь и обнаружил, что она заперта изнутри на крючок. Из щели тянуло гарью... Он не вспомнил о предсказании старца об открытии его кончины пожаром, может даже подосадовал, что старец спит, а свечи горят, и одна, видать, упала на что-то, похоже на холст,— паленого льна запах... В некотором замешательстве отец Павел вышел на крыльцо. В предутренней темноте шли иноки в храм.

— Отцы! — позвал отец Павел,— дымом пахнет, не горит ли в келлии старца Серафима?

Несколько монахов и послушников вошли в сени, где дыму стало больше. Отец Павел снова сотворил молитву, но ответа не было. Тогда один из пришедших, дюжий послушник Аникита, нажал на дверь плечом, крючок отскочил, и дверь отворилась. В маленьких сенцах, где стоял гроб, на свещнице светилось несколько огарков, а на лавке, стоящей рядом, заваленной холстами (тут было и несколько книг), один свиток сильно тлел и дымил от упавшей на него свечи, но огнем не горел. Кто-то принес в шапке снегу и загасил холст. В самой же келлии было темно и тихо. Все подумали, что старец, утомившись от ночного бдения, спит, хотя такого, как они все хорошо знали, не бывало... В двери тем временем входили другие монахи узнать, что тут такое...

Отец Павел и послушник Аникита, перекрестившись, осторожно вошли в темную келлию — здесь тоже пахло дымом... Взяв свечу, отец Павел стал осматривать келлию и увидел отца Серафима в углу перед малым аналоем, на котором лежало Евангелие. Здесь тоже упала свеча со свещницы — и верхние листы Евангелия слегка тлели... Отец Серафим стоял на коленях, чуть-чуть сгорбившись, со сложен-

ными крестообразно на груди руками... Отец Павел слегка потрогал его за плечо, но тут уже понял, что великий старец отошел ко Господу. В таком же положении скончался некогда в Китаевской пустыни благословивший его на иночество старец Досифей, предрекший ему, что он окончит дни свои в Саровской обители.

Вскоре пришел игумен Нифонт. Тело почившего старца вынесли в келлию иеромонаха Евстафия, там приготовили его по монашескому чину, положили ему на грудь, как он желал, финифтяную икону явления Богородицы Преподобному Сергию, и в дубовом гробу, который он сам себе приготовил, перенесли в соборный храм. В это время уже вся обитель взволновалась, иноки сходились в храм.

Скорбная весть быстро распространялась по окрестностям монастыря, люди шли и ехали со всех сторон, с плачем и воплем бежали из Дивеева осиротевшие сестры... Дивеевская сестра Прасковья Ивановна, которой отец Серафим дал двести рублей на покупку хлеба, купила его и возвращалась в обитель, но на пути узнала о кончине старца и, повернув лошадь, помчалась вместе с купленными мешками в Саров...

Иеромонах Феоктист, не пожелавший по просьбе отца Серафима остаться в Сарове, ехал ночью домой, ночевал в деревне Вертьяново, а утром при проезде через Дивеево что-то случилось с его санями, он остановился в общине и вскоре узнал о кончине батюшки Серафима. Отец Василий Садовский был в отъезде по должности благочинного, и сестры предложили отцу Феоктисту отслужить панихиду об упокоении души старца Серафима. Тут-то он и вспомнил слова старца: «Ну, так ты в Дивееве отслужишь!»

Восемь дней гроб отца Серафима стоял открытым — тело не поддавалось тлению и благоухало. Тысячи людей за эти дни простились с ним. В день погребения, 9 января, в соборе было столько народу, что свечи едва горели от духоты. Отпевание совершал игумен Нифонт. Гроб был опущен в могилу с правой стороны алтаря Успенского собора рядом с могилой Марка-молчальника.

Николай Александрович Мотовилов узнал о смерти святого старца в Воронеже 2 января, в самый день кончины, от епископа Антония, душе которого возвестил о ней Господь. Мотовилов выехал из Воронежа не сразу и, проведя в дороге целую неделю, прибыл в Саров через два дня после похорон. Игумен Нифонт благословил его Евангелием, принадлежавшим старцу,— тем, которое немного обгорело в ночь его кончины. Отдал он ему также кипарисовый образ Богоматери, благословение старцу от его родительницы, а также кипарисовый крестик, вырезанный самим старцем и обложенный серебром из того рубля, который дала ему она же, отпуская его еще юношей в Киев. Большой же медный крест, также благословение матери, а также икону Богородицы «Всех Радостей Радость» игумен Нифонт отдал дивеевским сестрам, как и ближнюю пустыньку, которую они, разобрав, перевезли к себе. А дальнюю пустыньку купил Мотовилов. Он приказал и ее разобрать, перевезти в Дивеево и там собрать на утешение сиротам батюшкиным. Он приложил все усилия для того, чтобы к ним попали и многие вещи, оставшиеся после старца.

Ксения Васильевна, бывшая послушница Елены Васильевны Мантуровой, вспоминала, что «после смерти-то батюшки много тоже кой-чего осталось у нас после него, родимого: вся одежда, что была, нам досталась — епитрахили две, нарукавники, шуба, кафтан, камилавка, шапочка (вот больным-то и надевают на голову, ну и проходит боль-то), полумантия, сапоги, башмаки, лапти, рукавицы и топор и все, все после батюшки. Есть у нас также четки, им самим сделанные из дерева, так вот мы все на бесноватых-то их надеваем, и много раз случалось, как наденут их на них-то, они и не смогут выносить их, так и разорвут и бросят, а потом и выздоровеют; оттого вот много из них потеряно, а уж как бережем».

Большой железный крест, который старец носил как бы вместо вериг под рубахой, остался в Саровской пустыни. Два кувшина, в которых старец носил воду, подарены были неким «господам Тепловым», просившим у игумена Нифонта «что-нибудь» из келлии старца. Волосы отца Серафима, два раза после болезней слезавшие с него целой шапкой, одни остались у саровского старца Феодосия, другие — у дивеевской сестры Ксении Васильевны. Оба камня, на которых старец молился тысячу ночей и тысячу дней, переправлены были в Дивеево, причем колоссальный лесной камень был расколот на несколько и на отдельных кусках его писались

иконы. Одна часть оставлена была на своем месте, но паломники сильно уменьшили и ее, отбивая на память осколки (потом и последний остаток был перевезен в Дивеево). Кожаная полумантия через одну из сестер, ездивших в Петербург, попала в царский дворец и благодаря ей в 1860 году совершилось исцеление маленькой великой княжны Марии Александровны, которую врачи уже отчаялись спасти. Эта же мантия облегчила страдания умиравшей императрицы Александры Феодоровны.

Нетрудно представить себе, в каком горе пребывали дивеевские сестры, лишившиеся своего старца, поистине отца родного, «породившего их духом». С ними был духовный их отец Василий Садовский, ученик Серафимов, который старался во всем исполнять волю покойного старца. Однако невидимое присутствие отца Серафима в Дивееве ощущалось всеми очень явственно: батюшка и по смерти своей не покинул их. Сестры во всем мысленно спрашивали благословения у него и часто по его завету ходили к нему на могилку, припадали к земле и все, как и просил он их, как живому, рассказывали ему. Вечером сестры садились за общую работу в кружок и без конца вспоминали все, что связано было у них с покойным батюшкой.

Так, сестра Ольга Михайловна Климова, дворянка, рассказывала, что в то время, как она несла послушание «лошадницы» и возила лес и дрова, отец Серафим дал ей тысячу рублей и сказал:

— Это, матушка, на устройство и обзаведение у вас большой келлии для Высокой Госпожи, которая будет жить у вас! Надо все приготовить для Нее, ты вот и смотри, матушка, чтоб у вас все было готово. А когда прибудет Она, то вы все и служите Ей, а Глафира Васильевна пусть за Ней и походит. Глафира Васильевна, калмычка, высокой жизни подвижница была.

Ольга Михайловна рассказывала, как она, закупив лес, стала сама его перевозить. Однажды лошадь ее уперлась, не пошла в гору, и она попросила прохожего мужика помочь. Он помог, и сестра дала ему двадцать копеек. Батюшка же, когда увидел ее в следующий раз, спросил:

— Что, матушка, ладно ли все у тебя возится там?

— Ничего,— ответила она,— за вашими молитвами, батюшка, все ладится, слава Богу, да только вот лес-то лошади не берут в гору!

— То-то, матушка, я ведь знаю, ты свои двадцать копеек отдала, вот на-ко возьми.

— Что это, батюшка, зачем мне?

— Нет, нет, никак нельзя, бери, бери, мне должно свои деньги для Госпожи-то платить, чтобы все там мое было бы готово.

Корпус был выстроен.

— И мне было чудно,— рассказывала Ольга Михайловна,— какая же это Госпожа Великая поселится в нем с нами. А вот скончался батюшка, и игумен Нифонт призвал к себе отца Павла, отдал ему икону чудотворную Царицы Небесной «Умиление», перед которой отец Серафим всегда молился, и приказал отдать ее мельничным. «Она туда им надлежит!» — сказал игумен. И тогда разъяснились слова батюшки, когда принесли в новую келлию Владычицу нашу.

А сестра Глафира Васильевна стала ходить за ней, украшать ее с молитвой цветами да ночи проводить перед нею, по тысяче раз и более с поклонами, читая *Богородице Дево, радуйся...*

Вот о какой Высокой Госпоже говорил старец.

В продолжение семидесяти лет совершались чудеса по молитвам старца Серафима. Он еще не был прославлен Церковью, но народ почитал его за святого и видел тому множество доказательств. Еще не иконы, но изображения отца Серафима распространились по всей Руси, и не было человека, который не знал бы о нем. В 1895 и 1897 годах Тамбовский Преосвященный представлял в Святейший Синод произведенное особое комиссией расследование о чудесах, явленных по молитвам отца Серафима, тогда их набралось около ста. А с сентября 1902-го по октябрь 1903-го их совершилось еще 147 (по сводке, изданной в 1904 году).

В 1902 году Царь-мученик Николай Александрович выразил желание, чтобы Синод довел дело прославления старца Серафима до конца.

В начале 1903 года Священный Синод определил признать его в лике святых, а всечестные останки его — святыми мощами. 19 июля 1903 года совершено в Саровской пустыни торжественное прославление старца Серафима в присутствии

всех членов царской семьи. Эти торжества сопровождались многочисленными исцелениями у источника преподобного Серафима в ближней пустыньке его, а также и у святых мощей старца. Стечение народа в Саров было неслыханное: все окрестности были заняты бараками и палатками, там было устроено много временных часовен. Казалось, вся православная Россия собралась на прославление дивного старца Серафима.

В слове, сказанном после литургии в Успенском соборе 19 июля в присутствии императора Николая Александровича и его супруги Александры Федоровны, Казанский архиепископ сказал, что «отныне высоко поставлен на свещнице Церкви Православной дивный светильник, своим неземным уже светом согревающий сердца, просвещающий умы и верно озаряющий неложный путь, по которому должны идти ищущие духовного возрождения».

В «Богословском вестнике» за июль-август 1903 года архимандрит Евдоким (позднее епископ Волоколамский) в статье о саровских торжествах («У мощей преподобного Серафима Саровского») писал: «К бедному и убогому пустыннику саровских лесов теперь пришли во главе со своим Царем князья, вельможи, бояре, богачи, ученые мужи, архипастыри, пастыри, иноки, инокини, бедняки, убогие, старцы, дети, юноши, девы, старицы, отцы, матери... Кто их собрал сюда? Собрала их сюда Правда Божия, воплощенная в жизни убогого старца Саровского. Как и чем иначе можно было бы привлечь столь многочисленных гостей святому старцу?.. Русские люди пришли в Саров, чтобы поклониться здесь Правде Божией, чтобы исповедовать и засвидетельствовать свою горячую веру в нее! Храни же эту веру в Божию Правду на земле, храни дух мирный! Не поддавайся никаким обольщениям. Будь тверд и непреклонен. Учи тому же и детей своих. И благо будет тебе. Если же ты забудешь свои заветы, то погибнешь с проклятиями в кровавой борьбе за свое существование».

Помолимся, братия и сестры, скоропослушному заступнику за Россию и народ православный: *Радуйся днесь, вся Российская земле, и святая обитель Саровская, веселися. Верных же множества, стекшеся днесь, прославим преподобного отца, пастыря и учителя, Богомудрого наставника заблуждшим, скорого всех болящих целителя, Российския земли великое украшение, егоже похваляюще, сице рцем: преподобне Серафиме, спаси нас молитвами твоими!*

Дивен Бог во святых Своих!

Аминь.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Е. И. Мотовилова, надолго пережившая своего супруга, перед прославлением преподобного Серафима в 1903 году передала С. А. Нилусу, как он писал, «целый короб бумаг», где были бумаги самого Мотовилова, а среди них и запись беседы с отцом Серафимом «О цели христианской жизни». Нилус опубликовал ее в книге «Дух Божий, явно почивший на отце Серафиме Саровском в беседе его о цели христианской жизни с симбирским помещиком и совестным судьей Николаем Александровичем Мотовиловым (из рукописных воспоминаний Н. А. Мотовилова)». М., 1903. Приводим эту беседу по книге С. А. Нилуса «Великое в малом», 1911.

[2] Во всех книгах о преподобном Серафиме указывается, что это посещение Божией Матерью старца было в 1831 году; в этом все жизнеописатели следовали одному источнику — книге Н. В. Елагина (СПб., 1863), переизданной впоследствии. Однако священник Н. Левитский в своей очень добротно написанной книге «Житие, подвиги, чудеса и прославление преподобного и богоносного отца нашего Серафима, Саровского чудотворца» (М.: изд. Афонского Русского Пантелеимонова монастыря, 1905, 646 с.) доказал, что это событие произошло в 1832 году; этот год в своих записках указала и монахиня Евпраксия (до пострижения Евдокия Ефремовна Аломасовская), свидетельница чуда.

[3] Жена Н. А. Мотовилова Елена Ивановна действительно дожила до 1903 года (умерла она в 1910 г.), и Царь наш мученик, Николай Александрович, пришел к ней во время июльских саровско-дивеевских торжеств, и она отдала ему это письмо. Уединившись в игуменском корпусе, Государь прочитал его и горько заплакал, однако никому не сообщил его содержания.

[4] Понятную нам сегодня, после второго обретения мощей преподобного Серафима.

Составил Виктор АФАНАСЬЕВ

«Рождественские образовательные чтения»

(заметки участника)

Под таким названием 25—30 января в Москве прошла конференция, организаторами которой выступили Отдел религиозного образования и катихизации Московского Патриархата, Православное педагогическое общество и Министерство образования Российской Федерации. Посвященные обсуждению неотложных проблем возрождения православных традиций в современном начальном, высшем и среднем образовании, чтения эти далеко вышли за очерченные названием рамки: на них затрагивались едва ли не все злободневные вопросы, осмысливалось церковное к ним отношение; речь заходила о средствах массовой информации, о ваучерах, отношениях между конфессиями, национальных проблемах, законе о свободе совести и многом другом. В сущности, это был собор в миниатюре, собрание живых и активно действующих православных сил страны, в котором приняли участие около четырехсот человек из двадцати шести городов и пяти стран СНГ. Конечно, наиболее полно на конференции была представлена Москва, но не столько из-за ее ведущего положения в деле организации православного образования, сколько из-за «синэргии» российских расстояний с нынешними ценами на транспорт; тем неожиданней и радостней было слышать выступления представителей настоящей глубинки, например педагога, делившегося опытом духовного воспитания в детских садах далеких Курил.

По причинам технического порядка чтения начались не в Рождественские праздники, а почти тремя неделями позже, в Татьянин день — день Московского университета, под эгидой и в помещениях которого проходили; как раз к этому времени настала пора студенческих каникул и освободились необходимые для занятий аудитории. Конференция началась торжественным богослужением в Успенском соборе Кремля, которое совершил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Затем состоялся праздничный молебен в университетском храме мученицы Татианы.

Работа конференции проходила по пяти направлениям: православное просвещение в детских садах, школах, вузах; дисциплины гуманитарные; дисциплины естественнонаучные; эстетическое воспитание; проблемы юридического, экономического, информационного и иного обеспечения образования. К Рождественским чтениям был приурочен и конкурс проектных предложений по развитию православного образования в России: эти проекты (а их было подано 72) детально обсуждались на многочисленных «круглых столах». Всего на различных пленарных и секционных заседаниях участниками чтений сделано, не считая кратких выступлений, 88 докладов.

Разного уровня были эти доклады: от бесхитростных рассказов о собственном, как правило, небольшом педагогическом опыте и о найденных в одиночку и опробованных в школе, гимназии, детском саду педагогических приемах — до серьезного анализа системы православного образования в дореволюционной России и концептуального взгляда на способы и средства осуществления православного просвещения в современных условиях. Рассматривались новые программы преподавания гуманитарных предметов (русского языка, истории, введения в материальную культуру). Отмечалось тяжелое положение, сложившееся в настоящее время в деле православного ориентирования преподавателей естественных наук: учебники по соответствующим дисциплинам по существу «запрограммированы» на атеизм, нацелены скорее на изучение технологии, чем на познание природы как мира Божия; для воспитания у учащихся чувства целостности как природы, так и человека могут оказаться полезными такие новые предметы, как история науки, экология, краеведение. Обсуждались различные методики религиозно-эстетического воспитания детей — от использования рисования на уроках Закона Божия до организации классов архитектурного макетирования православных храмов. Рассматривались экономические аспекты организации православного образования (например, моральные проблемы взаимоотношений со спонсорами, возможности создания собственных коммерческих структур Церкви, которые будут затем финансировать православное образование, и др.), аспекты юридические (вытекающие из закона о свободе совести и права на альтернативное, негосударственное образование), а также вопросы информационного обеспечения. Многие из сделанных докладов рекомендованы оргкомитетом конференции к публикации в первом номере нового журнала «Православное образование», недав-

но созданном при Отделе катихизации Московского Патриархата.

Переходя к общим впечатлениям от работы конференции, отметим прежде всего высокий духовный и интеллектуальный уровень, продемонстрированный участвовавшим в ней духовенством, главным образом — преподавателями Свято-Тихоновского Богословского института: выступления священников на этих чтениях были заметно весомее, содержательнее, наконец, просто интереснее всего того, что говорилось светскими лицами (яркие, вдохновенные доклады сделали, в частности, отцы Владимир Воробьев, Дмитрий Смирнов, Александр Салтыков, Глеб Каледа и др.). Значение этого обстоятельства вряд ли можно переоценить, поскольку восстановление авторитета духовенства сейчас едва ли не решающий фактор в деле православного образования — в особенности же в деле воцерковления интеллигенции.

Серьезно и глубоко обсуждались некоторые новые явления нашей жизни, имеющие прямое отношение к христианскому просвещению, например феномен зарождения православного кино и театра. Споров о степени допустимости вторжения искусства в церковную жизнь было очень много, что не случайно, поскольку ныне по этому вопросу в православной среде встречаются две полярные позиции; ригористическая, когда сами слова «кино» и «театр» считаются едва ли не кощунственными (такое мнение в особенности характерно для ревнителей из неофитов), и «либеральная», представители которой, указывая на необходимость вести христианскую проповедь в самых разнообразных формах, проявляют излишне благодушное отношение даже к таким «произведениям» искусства, как известная «экранизация» Евангелия — фильм «Иисус». В своем большинстве участники проявили, говоря современным языком, «взвешенный подход»: отмечалось, что сами по себе театр и кино не есть некая «запретная зона», закрытая для веяния Святого Духа; выступающие приводили множество фактов из истории Церкви, свидетельствующих об обратном: здесь и подвиг святого мученика Порфирия актера (†361 год), который должен был в день рождения римского императора Юлиана Отступника глумиться со сцены над Таинством святого крещения, но вместо этого открыто исповедал себя христианином; и аналогичный подвиг безвестного русского новомученика времен революционного «штурма небес», описанный Никифоровым-Волгиным в рассказе «Солнце играет»; упоминалось и о драматургической деятельности святителя Димитрия Ростовского и даже о театральных инсценировках царственных тобольских узников — нашего последнего самодержца и мученика Николая II и его семьи. Не сама по себе театральная роль оскверняет или оправдывает артиста: важна цель, которую он ставит перед собой. Одно дело, когда (например, в инсценировке «Мастера и Маргариты» М. Булгакова) актер своей игрой романтизирует и «идеализирует» нечистую силу; и совсем другое, когда он стремится показать зрителю мерзость и пошлость беса, посмеяться над ним — в этом случае опасная роль не оскверняет артиста точно так же, как слово «бес» — Евангелие, в котором оно встречается не один раз. Конечно, и здесь (как и всегда) главной защитой и опорой для человека является молитва: вспомним, что Шаляпин всегда служил молебен, когда играл Мефистофеля, а Ермолова часами молилась перед иконой, прежде чем выйти на сцену в роли Орлеанской девы.

Но, не отрицая театра и кино в принципе, следует все же проявлять величайшую осторожность и православную трезвость в выборе соответствующих изобразительных средств; одно дело, когда Христос, Богоматерь, святые апостолы присутствуют в спектакле как бы незримо, отраженные в игре других действующих лиц (как, например, в спектакле «Царь Иудейский» великого князя Константина Романова, писавшего под псевдонимом К. Р.), и совсем другое, когда на подмостках сцены или на экране появляется загримированный под Христа актер (как в упомянутом фильме «Иисус») и начинает подавать «реплики» из Евангелия — такое действо иначе как подменой, соблазном, «прелестью» — тем более тонкой, чем лучше игра артиста,— не назовешь.

Сказанное выше относится и к проникновению в церковную жизнь телевидения — здесь также необходимо величайшее чувство такта. Конечно, предоставляемая священнику телевидением возможность обратиться с проповедью сразу к миллионам людей, дать церковную оценку различным явлениям нашей жизни — великое благо; но если сразу вслед за его выступлением телережиссер запустит тяжелый рок (как правило, он делает это без всякого злого умысла, просто из-за профессионального стремления к контрастам), проповедь может обратиться в фарс, в поругание. То же можно сказать и о телетрансляции богослужений: она является большим утешением для больных и вообще всех тех, кто по каким-либо причинам не может в данный момент находиться в храме (кстати, показ того, что происходит в алтаре, нисколько не является кощунством: следует отметить, что алтарная преграда вообще есть относительно позднее церковное установление); однако и здесь следует соблюдать меру: недопустимо, когда объектив теле- или кинооператора буквально «влезает» в Святую Чашу (как в документальном фильме «Храм»). Но проблемы, возникающие во всех таких случаях, всегда конкретны, их нельзя решить с помощью каких-то общих рекомендаций, а тем более запретов. Из истории Церкви мы знаем,

что все попытки установления жестких внешних ограничений на формы «материализации» святыни неизменно проваливались: здесь можно упомянуть и ересь иконоборчества, и препоны, которые чинились делу перевода Священного Писания сначала на славянский (так называемая трехъязычная ересь), а затем и на русский язык, и многое другое. Но, преодолевая соблазн гнушения плотью мира сего (конечно, поврежденной первородным грехом и потому несущей в себе возможность различных извращений и злоупотреблений, но и облагодатствованной в своей основе домостроительным Воплощением Бога Слова), нельзя допустить и легковесного, примирительного отношения к человеческому своеволию, осваивающему Священное для православных христиан Писание и Предание в формах, ведущих к их десакрализации; искомая «золотая середина» может быть найдена лишь при спасительном руководстве Церкви.

Разумеется, как и на всяком нынешнем большом собрании, на чтениях затрагивался и вопрос национальный. Среди выступавших были представители различных патриотических организаций, в речах которых постоянно проскальзывала нотка до некоторой степени утилитарного отношения к Православию: то председатель депутатской группы Моссовета «Российское согражданство», озабоченный введением элементов национального образования в государственные школы, говорил о православном образовании как части русского образования; то зампредседателя «Российского общенародного союза» говорил о Православии лишь как о традиции, цементирующей русское государство, призывая к расширенному пониманию православной принадлежности, при котором православными смогут считать себя и неверующие и даже приверженцы других религий, например казаки-буддисты,— были бы они патриотами; то при обсуждении спектакля Русского Духовного театра «Глас», посвященного новомученикам российским, от безбожной власти убиенным (его просмотр был организован для участников чтений), сомнениям некоторых в художественной ценности постановки, а также в допустимости для артистов играть святых (в данном спектакле — читать текст от первого лица за святую благоверную княгиню Елизавету Федоровну и преподобного Серафима Саровского) противопоставлялся самый простой тезис: они же (участники постановки) русские все люди! Слушая сторонников такого подхода, невольно хотелось напомнить им знаменитое высказывание Достоевского, говорившего, что если каким-то образом был бы необходим выбор между истиной и Христом, то он предпочел бы остаться с Христом. Разумеется, как сама постановка вопроса Достоевским, так и его «выбор» носили вполне умозрительный и отвлеченный характер, поскольку Христос и есть путь и истина и жизнь (Ин. 14, 6); а вот вопрос о том, что избрали бы наши «патриоты»: Россию или Христа? — является далеко не риторическим. Следует отметить, что большинство участников чтений отвергали националистические тенденции, несмотря на активность и громкие голоса их выразителей. Ярче всего церковную позицию по этому вопросу выразил отец Дмитрий Смирнов, когда на вопрос: когда же наконец мы заговорим о направленной духовной атаке против русской нации? — ответил: «Любим мы очень говорить, вместо того чтобы заниматься делом. А о том деле, которое я здесь имею в виду, очень хорошо сказал в свое время Розанов: в оппозиции стоит не тот, кто кидает бутылки с баррикад, а тот, кто ходит к обедне. Можно, конечно, принимать различные обращения против тлетворного влияния средств массовой информации — к правительству, Верховному Совету, к президенту; но проще и эффективней делать другое: не выписывать газет и выключить телевизор. Не митинг, а молитва — вот наше главное оружие».

Чтения завершились поездкой участников в Троице-Сергиеву Лавру, где состоялась встреча с представителями профессорско-преподавательской корпорации Московской Духовной Академии и отслужен благодарственный молебен у раки Преподобного Сергия Радонежского.

Е. С. ПОЛИЩУК

Друг, как ты вошел сюда?..

Вшед же царь видети возлежащих, виде ту человека не оболчена во одеяние брачное; и глагола ему: друже, како вшел еси семо, не имый одеяния брачна? Он же умолча

(Мф. 22, 11—12)

«Похоже, роман интеллигенции с Православной Церковью закончился»,— такое заключение прозвучало в одном из выпусков цикла передач радио «Свобода», известного под общим названием «Русская идея».

Хотя автор и ведущий этого цикла время от времени и называет себя христианином, беседы его имеют заостренно антиправославный, а нередко — богохульный характер. Вместе с тем ему нельзя отказать в точности наблюдений, касающихся развития отрицательных тенденций в российской духов-

ной жизни, которые он в большинстве случаев расценивает как положительные. Можно сказать: что у беса на уме, то нам во всеуслышанье преподнесут в передаче «Русская идея». Уже по одной этой причине приведенное заключение не стоит игнорировать.

Итак, «роман интеллигенции с Православной Церковью закончился». Какую долю истины заключает в себе этот «вердикт»?

Если понимать под этими словами окончание очередного модного поветрия, волны надменного «богоискательства», то это хорошо: Церковь в который раз устояла против наступления духа лукавого мудрования, теплохладности и заблуждения. Но, с другой стороны, это вызывает у православного христианина чувство горечи и печали: ведь целое, можно сказать, сословие россиян, подойдя к источнику воды живой, не может пить из него.

Критические нападки, которым подвергается Церковь в последнее время, конечно же, содержат некоторую толику истины. Что и говорить, дорого обошлись для Русской Церкви прошедшие семь десятилетий... «Но и приходящие на этот брак Агнца, к Божественной литургии, для воспоминания Его жизни, проповеди, чудес, благодеяний, страданий, смерти, погребения, Воскресения и Вознесения на небо — или для причащения Пречистого Тела и Крови Его,— в брачной ли одежде приходят, с чистой ли душой, с чистым ли сердцем? С горними ли помыслами, с святым ли настроением? Не с земными ли мечтами и страстями являются многие и в храм, в этот как бы брачный чертог Иисуса Христа?» (1, с. 143—144).

«Роман закончился»... В том и дело, что те, к кому это относится, рассчитывали на роман, а не на брак. И не потрудились обрести одежду брачную, а имели лукавые мысли и намерения, в которых и изобличились.

Како веруеши, брате? Жажда воды живой привела тебя, или же ты ошибся дверью, посчитав, что входишь в театр или политклуб?

«СПРАВА» И «СЛЕВА»

Вот, к примеру, один род настроений.

Искренние патриоты Отечества Российского знают, что Православная Церковь целое тысячелетие была опорой нашего государства. Переживая за будущее русского народа, интеллигент-патриот видит Церковь прежде всего в образе Преподобного Сергия, благословляющего святого благоверного князя Димитрия на битву за землю Русскую. «Объединяющая народ идея» — это то, что такой патриот видит в Православии прежде всего. Патриот-государственник знает также, что Православие духовно объединяло народ целое тысячелетие, тогда как «марксизм-ленинизм» не справился с задачей духовного сплочения: через семьдесят лет господства этой идеологии последовал сначала кризис, а потом и крах коммунистической державы. И интеллигент-патриот видит необходимость вернуться к Православию как к надежнейшей «объединяющей и воспитательной идее».

Беда только в том, что он, кроме этого, ничего больше не видит. Здесь выявляется непонимание истинной цели существования Православной Церкви. Слова *спасение души* и *жизнь вечная* не имеют реального содержания для такого сознания; в лучшем случае они понимаются в переносном смысле или весьма туманно, в худшем же — о них вовсе не думают. Любовь к Богу, любовь к ближнему, грядущий конец мира, посмертное воздаяние — все это где-то во мгле, на задворках сердца и ума. Возродить государственность, восстановить былое могущество, сплотить народ вокруг этих чисто мирских задач — в этом видится предмет первейшей заботы... И таит в сердце обиду русский патриот, человек чести и долга, на Церковь-Мать — за то, что не поднимает она немедленно знамена патриотизма и национального единения, не анафематствует мешающих государственному становлению и разваливающих государство.

Начало этого недостатка религиозного сознания можно усмотреть в том, что недавний советский патриотизм, замешанный и испеченный на «историческом материализме», основательно пропитал наши души материалистическим учением о «базисе и надстройке». Вкратце суть этого лжеучения такова. Реально существует и, следовательно, имеет решающее значение лишь материальный «базис» — аспекты земного, материального бытия: экономика, государство и его структуры, армия... Но поскольку человек есть существо духовное, ему необходимо давать и духовную пищу. Поэтому и нужна «надстройка» — что-то вроде духовно-идеологической жвачки, роль которой некоторые интеллигенты и отводят Православию.

Церковь же утверждает приоритет духа над материальным. Душа человека важнее всех задач государственного возрождения и строительства. *Ибо какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?* (Мк. 8, 36). Можно взять на себя смелость утверждать, что не Церковь тысячу лет поддерживала Русское государство, а, наоборот, государство (в лучшие времена его) было продолжением, «инобытием» Церкви, ибо способствовало делу спасения своими средствами.

И остается только сожалеть, что многие патриоты-государственники не захотели принять благодати истинной веры в свое сердце. Увы, вместо этого они предпочитают являть свое раздражение «пассивностью» Патриархии и часто впадают в макиавеллизм, цинично занимаясь подбором и конструированием наиболее подходящей моменту «народной идеологии».

А вот иной образец поврежденного религиозного сознания.

Радость, веселие, праздник — какая душа не желает этих ощущений? Радость и праздник неотъемлемо принадлежат и христианскому духу. Сколько у нас, православных, светлых церковных праздников! И вполне понятно стремление человека к светлому и радостному — это в природе души его.

Но есть довольно много людей, поставивших себе целью превращение жизни в сплошной праздник. Они готовы всю свою жизнь провести в веселии; много дадут они, чтобы и в жизни всех людей царил вечный праздник. Скорби, печали, все неприятное они старательно удаляют от себя, почитая их чем-то случайным и человека недостойным.

Свет и радость, исходящие от Православия,— вот что прекрасно уловила значительная часть новообращенной интеллигенции. Многие устремились в Церковь, справедливо видя в ней путь к вечной радости. Но, будучи в сердце своем нацелены на праздник и только праздник, они не принимают, не желают принять тернии и острые камни, которыми усеян путь христианина.

«Возьмемся за руки, друзья, возьмемся за руки, друзья...» К сожалению, содержанием этой песенки мотыльков и одуванчиков исчерпывается для лирика-неофита все содержание христианства. Едва переступив порог храма, «лирико-христиане» тут же принимаются хозяйничать и хлопотать, располагаясь как на пикник. Немедленно раздаются требования, в конечном счете сводящиеся к удалению из Православия всего, что омрачает праздник, мешает веселиться. Требуют перевода богослужения с церковнославянского на русский язык и церковного календаря — на новый стиль, «дополнения» Православия элементами католичества, протестантизма, аристотелизмом, индуизмом, идеями Льва Толстого, Вл. Соловьева, Н. Бердяева... Все делается, чтобы умалить, затушевать, отбросить главное дело христианина: скорбь о содеянных грехах, покаяние, пост, молитвы Господу о помиловании. Оскорбляется и уничижается монашество, третируется аскетика...

Среди приверженцев «широкого пути» и получает наибольшее распространение экуменическая ересь. «Лирикам» очень нравится главная идея этой ереси, что якобы подлинная Церковь еще не создана, и это открывает путь различного рода экспериментам, имеющим одну цель: создание комфорта в духовной жизни. Не вмещает такая душа слово о Кресте, о сораспятии Христу, о том, что путь в Царство Небесное — это скорбный путь распинания греховной плоти своей.

Православие — без Креста, христианство — без Распятого. Таков идеал, который хотела бы иметь в Православной Церкви эта часть интеллигенции. Посягая на саму основу спасения, она получает, естественно, в ответ твердое «нет». И «роман» этих людей с Церковью оканчивается совершенно в их вкусе — мелодраматически. Так, тема «церковный клир и КГБ» крайне сложна, относиться к ней следует чрезвычайно ответственно, а на деле все мы, граждане нашего Отечества, и в первую очередь церковные люди, шокированы безобразным кликушеством, которому предаются на страницах популярных изданий некоторые интеллигенты. Как с печальной иронией пишет преподобный Дорофей: «Нашел путь брат сей»...

Имя той ткани, из которой сотканы одежды «лирико-христиан», хорошо известно: гуманизм. Да, гуманисты бывают очень отзывчивы на человеческую боль, беду и несправедливость. Но что есть гуманизм в своей сути?

Долго нас учили: гуманизм — это хорошо, это любовь к человеку, это — «человек человеку друг, товарищ и брат». Но любой православно просвещенный не может не видеть, что это любовь к человеку ветхому, потомку падшего Адама. Гуманизм приемлет в человеке равно добро и зло, образ Божий и диавольское повреждение, он готов любить и Христа, и Велиара. А это страшно. Это — прямой путь в снедь антихристу. Как часто можно сегодня встретить на страницах газет: православная проповедь и рядом — словобесие какого-нибудь экстрасенса; глава из Евангелия и рядом — глава из «секс-энциклопедии», статья известного православного богослова и тут же — чьи-то излияния о «духовном опыте» индуистов.

В реальной жизни, конечно, интеллигентские заблуждения причудливо переплетаются, синтезируются, порождают великое число вариантов и оттенков. Рассмотренные два образца наиболее отвечают типам религиозности наших сегодняшних «правых» и «левых». Но если присмотреться, то большинство случаев повреждения религиозного сознания как бы группируется вокруг этих двух «центров кристаллизации». И, несмотря на их внешние различия, нельзя не видеть в них некоторых общих моментов, общего содержания, которое неприемлемо для православного сознания и весьма оскорбительно для православного чувства.

НАШИ ВААЛЫ И АСТАРТЫ

Оба типа заблуждающихся, как с «правым», так и с «левым» характером уклонения, имеют в сердце своем нечто очень дорогое, любимое, близкое — говоря привычным интеллигентским жаргоном, «идеал». Каждый служит своему идеалу, готов жизнь посвятить его претворению в жизнь, поставить на службу ему все возможное, в том числе и Православие. Можно заметить, что служение «идеалу» часто ставится выше служения, которое требует от нас Господь наш Иисус Христос. Человек, может быть не задумываясь, превозносит в сердце свой «идеал» над Богом. И когда это происходит, когда служению твари отдается предпочтение перед служением Творцу, мы впадаем в идолопоклонство.

Кумир «левой» интеллигенции, соблазнен-

ной идеалами гуманизма, обрисовывается значительно проще, ибо поклонение ему противоречит христианству не только по существу, но и по видимости.

Интеллигент-гуманист лелеет в душе мечту о «человеческом счастье» — для всех людей и, разумеется, для себя. Не различая доброго и злого в *ветхом* человеке, гуманист превозносит «природу человеческую», а значит и ее греховное поражение. Превознесение *ветхого* человека достигало таких степеней, что делалось сравнимым с религиозным поклонением («человекобожие»). Но, поклоняясь *ветхому* человеку, мы тем самым поклоняемся и греху. Факт поклонения греху в наше ознаменованное гуманизмом время очевиден: многие смертные грехи — сребролюбие, блуд, чревоугодие — уже почитаются некоей доблестью. Грех же остается грехом, как его ни представь. Грех — это достояние диавола в нас, рабский ошейник, к которому диавол пристегивает свою цепь. Поклонившиеся *ветхой* человеческой природе тем самым поклонились и греху, а поклонившиеся греху добровольно отдались в рабство сатане. *Они, как бессловесные животные, водимые природою, рожденные на уловление и истребление, злословя то, чего не понимают, в растлении своем истребятся* (2 Пет. 2, 12).

В связи со сказанным выше интересно взглянуть на излюбленную тему гуманистов — проблему прав человека. Возьмем самый пограничный, и поэтому самый показательный пример.

В разных странах возникают организации, ставящие своей задачей защиту прав гомосексуалистов. Нечто подобное стало появляться и у нас. С православной точки зрения, такая деятельность имеет две стороны.

С одной стороны, конечно, эти несчастные, психически ущербные, *зле беснующиеся* люди достойны глубокой жалости и сострадания, а не ненависти и гонений, как это бывало в истории. Но хорошо известно, что «защита прав» этих людей всегда направлена на защиту самого гомосексуализма, на защиту «права» содомитов быть содомитами. И содержанием этой деятельности является не христианская милость и сострадание, а оправдание, обеление издревле постыдного греха — дело, безусловно, диавольское.

И так во всем. Гуманистическая ориентация духа «избывает» грех, устойчиво сужая его границы, все больше и больше грехов объявляя не-грехами, все больше и больше растлевая человека и мир, в котором он живет. Когда человек поставил грех рядом с добродетелью, добродетель неминуемо будет вытеснена грехом, ибо мы, угождая сатане, тем самым отвергаем Бога. Телеологический предел, конечная стадия гуманизма — это «перевернутый мир», где все злое называется добрым, а все доброе — злым. Состояние общества, к которому ведут «левые», весьма точно выражается словами Апостола: *Их конец — погибель, их бог — чрево, и слава их — в сраме, они мыслят о земном* (Флп. 3, 19). Такое общество вполне готово к воцарению *зверя*, за которым должен следовать конец мира. И можно воочию наблюдать плоды гуманизма — капитуляцию духа перед диаволом: апостасию, утрату страха Божия, падение общественной нравственности. Ибо сказано: *Горе тем, которые зло называют добром, и добро злом, тьму почитают светом, и свет тьмою, горькое почитают сладким, и сладкое — горьким!* (Ис. 5, 20).

Есть свой кумир и у «правых». Говорить об этом сложнее, ибо из среды «правой» интеллигенции раздаются громкие уверения в преданности Православию и готовности защищать его.

Любовь к нашей многострадальной Родине несовместима с богоборчеством, с восстанием на истины Православия. Гордость — первейший из смертных грехов. Уродлива та любовь к Отечеству, которая затмевает любовь к Тому, Кто создал нас и дал нам в наследие нашу страну.

«Боже, спаси Россию!» — восклицаем мы. И Господь по нашей молитве мог бы в один миг восстановить все, что утрачено за эти семь десятилетий, ибо Он всемогущ. Но видит ли Он устремленность наших сердец к Нему, видит ли веру, видит ли покаяние в душе каждого из нас? (См.: Лк. 18, 7—8).

Думается, было бы куда действеннее, если бы мы к словам «Боже, спаси Россию!» присовокупляли углубление в память сердца своего и тихо плакали бы мытаревыми слезами: *Боже, будь милостив ко мне, грешнику!* (Лк. 18, 13).

Святейший Патриарх Тихон еще в 1918 году говорил: «Все чаще и чаще раздаются голоса благомыслящих людей, что «только чудо может спасти Россию». Верно слово и всякого приятия достойно, что силен Бог спасти погибающую Родину нашу. Но достойны ли мы этой милости Божией — того, чтобы над нами было сотворено чудо? 〈...〉 Есть ли среди нас, братие, хотя бы немногие праведные мужи, ради коих Господь милует народы? То ведает один Бог!» (2, с. 14).

Увы, не многие из называющих себя православными задумываются над тем, что спасение России — в спасении *души* каждого русского, которое никто, кроме Иисуса Христа, совершить не может. А без любви истинной к Создателю и Спасителю душ наших вся пламенная любовь к Родине — не есть ли просто интеллигентская мечта? *Хвалящийся хвались о Господе* (2 Кор. 10, 17).

Чтобы любовь наша не была бесплодной, нам надо научиться любить Россию как Божие достояние, как удел жизни сей, дарованный нам Вседержителем. Любить — во исполнение заповедей Господа о любви к Богу и ближнему. Служа России — служить Богу, а не собственной мечте, видеть в земном Отечестве твердую почву нашего земного пути в Отечество Небесное. Кто не патриот

Отечества Небесного, тот худой патриот и земного Отечества.

Святой отец Иоанн Кронштадтский был убежденным патриотом, непреклонным государственником и монархистом. Но он говорил: «Не прилепляйтесь ни к чему на земле, ибо земля не отечество, а место странствия» (1, с. 318). Муж святой и праведный знал, что говорит, ибо он знал, чем оплачено для нас наследование Отечества Небесного — страданиями, кровью и крестной смертью Господа нашего Иисуса Христа! Помним ли мы об этом, когда вынашиваем гордые планы в сердцах наших?

У английского писателя К. Льюиса есть книга «Письма Баламута». Это книга-негатив: она имеет вид сборника письменных наставлений старого опытного беса к своему юному коллеге, опекающему некоего молодого человека с известной целью — уловить его душу в диавольские сети и увлечь по смерти во ад. Между прочим, в седьмом «письме» бес Баламут советует бесенку Гнусику применить в отношении своего подопечного и такой прием:

«Пусть он сочтет патриотизм или пацифизм частью своей религии; а затем под влиянием партийного духа пусть отнесется к нему как к самой важной ее части. Потом спокойно и постепенно подведи его к той стадии, когда религия просто станет частью «дела», а христианство он будет ценить главным образом за те блестящие доводы, которые можно надергать из его словаря ⟨...⟩ Если ты сделал мир целью, а веру — средством, человек уже почти в твоих руках, и тут совершенно безразлично, какую цель он преследует. Если только митинги, брошюры, политические кампании, движения и дела значат для него больше, чем молитва, таинство и милосердие — он наш» (3, с. 42—43).

Могут, конечно, возразить, что эта забавная книжечка имеет для нас, православных, значение скорее литературного, чем духовного произведения. Это так. Но тем более стыдно должно быть нам, что неправославный человек сумел распознать диавольский подлог, а мы, православные, в безотчетном идолопоклонстве клюем на «баламутову удочку». Где-то обрящемся на Суде последнем?

КАКО ВЕРУЕШИ?

Где обрящемся на Суде последнем?

К сожалению, имеется очень много воцерковленных интеллигентов, для которых этот вопрос ровным счетом ничего не значит. Диавол умеет устраивать дела свои так, что наиболее опасные и страшные вещи представляются наименее значительными и даже праздными — такими, о которых не стоит и думать.

То, что русская интеллигенция любит и чтит Достоевского, само по себе прекрасно. То, что она использует произведения великого писателя в качестве православного катихизиса, предпочитая усваивать Православное вероучение по «Братьям Карамазовым», а не по творениям святых отцов — это плохо и требует отдельного разговора. Пусть же Достоевский и рассудит нас.

Откроем роман «Бесы». Найдем то место, где идет разговор Шатова со Ставрогиным. Перечитаем знаменитый монолог Шатова.

Горячо и убежденно говорит Шатов, прекрасный тип русского интеллигента, о величии Православия, о пользе веры для процветания народа, о том, что русский народ — богоносец и имеет единственно правильную веру, единственно истинного Бога... Но как легко Ставрогин (прообраз антихриста!) приводит Шатова в глубокое замешательство, задав всего лишь один вопрос: «Веруете вы сами в Бога или нет?»

И Шатов, что называется, поплыл: «Я... я буду веровать в Бога»,— лепечет он в ответ.

Несчастный Шатов! Для него, оказывается, Святое Православие — всего лишь «надстройка» при некоем мыслимом отдельно «базисе»! Как напоминает его замешательство то положение, в котором вскоре могут оказаться некоторые наши современные мечтатели! Так сам Достоевский как бы свидетельствует нам о сомнительных плодах «катихизации по Достоевскому».

Так как же мы веруем?

Попробуем произносить член за членом Символ веры и каждый раз отвечать себе, только без лукавства: понимаю ли я смысл изреченного? верую ли в то, что сейчас изрек? верую ли я буквально или, по немощи душевной, пытаюсь придать сказанному иносказательный смысл?

Увы, часто «верующий интеллигент» может чистосердечно произнести только первую часть первого члена: *Верую во единаго Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли...* Эти слова может со спокойной совестью выговорить и магометанин, и иудей, да и всякий, кто не считает себя воинствующим безбожником. Сейчас почти все верят, что мир произошел не сам по себе и «есть какой-то высший разум». Но этого крайне мало, чтобы называться христианином.

А какие из членов Символа веры вызывают наибольшее неприятие интеллигента? Последние два: *Чаю воскресения мертвых и жизни будущаго века.* И это не удивительно: ведь слово о воскресении мертвых вот уже несколько столетий третируется учеными умами как «поповские сказки». Мы так теплохладны и так мечтательны, и так привержены греховной жизни именно потому, что грядущее воскресение и последующее за ним воздаяние совершенно не занимают наш ум и не тревожат сердце. Это факт, и убеждения мало что могут сделать — простым человеческим словом, без помощи благодати Божией невозможно оживить остывающий дух. Но то, что без веры в догмат о воскресении мертвых нельзя называться православным христианином — это нам необходимо признать.

В тот день приступили к Нему саддукеи, которые говорят, что нет воскресения... (Мф. 22, 23) Мы имеем более или менее правильное представление о фарисеях, но в интеллигентской среде никогда не говорят о саддукеях; такого слова не встретишь и в художественной литературе. Удивляться нечему, воскресение мертвых — абсолютно несущественная тема для разного рода умствований. А ведь многие считают себя православными и ходят в храм, между тем как на самом деле — истинные саддукеи. *Ибо саддукеи говорят, что нет воскресения, ни Ангела, ни духа* (Деян. 23, 8). Но гордое наше неверие не уничтожит ада, а последнего Суда не избежать и высокоумным саддукеям. Если бы Ангел Божий хотя бы на миг показал нам, что́ ждет нераскаявшихся!..

Есть у нас и фарисеи. Это те, кто, хотя и склоняются к вере в воскресение и Жизнь вечную, но считают себя достойными Царства Божия. Одни фарисеи думают, что ада вообще нет, а если и есть, то только для общеизвестных отъявленных преступников. Другие втайне помышляют, что уж им-то непременно уготовано место в Раю — за их высокие убеждения и служение высоким идеалам. Таковым можно посоветовать не переставать читать Евангелие. Что, разве евангельские фарисеи не служили высоким, по их понятиям, идеалам? А ведь Господь сурово осудил их. А что, по нашим меркам, достойного наказания соделал евангельский богач? (Лк. 16, 19—31). В скольких случаях и за что Господь предрекает ввержение во *тьму внешнюю?* И, наконец, что означают грозные слова: *много званных, а мало избранных?* (Мф. 20, 16).

Кому-то из «утонченных христиан» все это кажется смешным. *Горе вам, смеющиеся ныне! ибо восплачете и возрыдаете* (Лк. 6, 25). Слово сказано, и уже не оправдаемся тем, что-де не знали. Недавно в Иерусалиме было совершено чудовищное осквернение Гроба Господня. Когда такое было? И как долго после этого миру стоять?..

ИНТЕЛЛИГЕНТ ИЛИ ХРИСТИАНИН?

В России издавна ведутся споры о сущности интеллигенции, даются разноречивые оценки ее. Сама интеллигенция любит подчеркнуть свое отличие от холодных «технократов» и рептильной «образованщины». Интеллигенция превозносится высокими качествами души, вменяет себе «страждущую совесть», «высокие идеалы», «жертвенность», «культуру»...

Но отнюдь не сами прекрасные человеческие качества составляют суть интеллигенции. Сущность многих интеллигентных людей, к несчастью, в стремлении доказать, что высокие качества человеческой души можно утвердить и взрастить без благодатной помощи Божией, только лишь человеческими усилиями и волевыми устремлениями «жить не по лжи».

Исторически время рождения интеллигенции — это XVII—XIX века, когда под обаянием языческого «ренессанса» и достижений естественных наук христиане-интеллигенты утвердили в своих умах и сердцах новый взгляд на человека как на существо, вполне сопоставимое по могуществу и славе с Богом. Грех самообожествления, который доселе имел лишь сатана (Ис. 14, 13—15), уничтожил видение истинной цели христианской жизни — *стяжание Духа Святаго,* во Христе обновление падшего человеческого естества на пути к Жизни вечной. Христианство стало восприниматься лишь как морально-этическое учение, указывающее путь благоразумного устроения земного человеческого сообщества. Множество философов во главе с Вольтером занималось обоснованием возможности жить вполне «по-христиански», не веруя при этом в Бога.

В результате распространения таких настроений, а также под влиянием злых бесплотных сил, духовные формы человека стали заполняться злокачественным содержанием, подобно тому, как раковые клетки замещают здоровые клетки пораженного органа, повторяя в целом его внешние очертания. Так возникли псевдосовесть и псевдодух, не ведающие Бога.

Пресловутая «совесть» интеллигенции не знает страха Божия и поэтому допускает диалектическую текучесть нравственных установок — отсюда знаменитый «этический релятивизм» «левых» и бессердечный макиавеллизм «правых».

В массовом порядке возвращаясь ныне в Церковь, интеллигенция часто не спешит расстаться со своей гордостью и со своими идолами. Она пытается приспособить к ним Церковь, пытается и в Церковь внести свою «самость». Но Церковь принадлежит Богу, Который не желает погибели никому из людей. Людям с поврежденным духом, вошедшим в Церковь, дается благодатная возможность стать истинными членами Тела Христова. Дело же верных — молитвами, словом и делом помогать немощным совлечься грязных лохмотьев гордыни, саддукейства и идолопоклонства.

Но никакое врачевание не возможно без доброй воли врачуемого.

И глагола ему: друже, како вшел еси семо не имый одеяния брачна? Он же умолча. Тогда рече царь слугам: связавше ему руце и нозе, возьмите его и вверзите во тьму кромешную: ту будет плачь и скрежет зубом (Мф. 22, 12—13).

ЛИТЕРАТУРА

1. Солнце правды. Избранные проповеди святого праведного отца Иоанна Кронштадтского. М., изд. Троице-Сергиевой Лавры, 1991.
2. Послания Святителя Тихона, Патриарха Московского и всея Руси. М., изд. Донского монастыря, 1991.
3. Клайв С. Льюис. Письма Баламута. М., Гнозис — Прогресс, 1991.

Н. БОЛЬСУНОВ

И. САМСОНОВ

Православие и русская культура в древней Литве

Древнейшая история Литвы едва различима сквозь туман отдаленных веков. До XI столетия европейцы, кроме ближайших соседей, мало что знали о литовских племенах, обитавших среди непроходимых лесов и болот Принеманского края.

Попытки христианизации Литвы предпринимались миссионерами еще Неразделенной Церкви, притом с двух сторон: с юга, где в XI веке была уже просвещенная Киево-Волынская Русь, и с запада — со стороны Балтийского моря. Миссионерство не обходилось без жертв. Так, известный святому равноапостольному князю Владимиру германский проповедник Бруно фон Кверфурт после настойчивых попыток евангельской проповеди среди печенегов и других язычников отправился в землю литовского племени пруссов, где был убит вместе со своими спутниками († 1009). Там же еще ранее принял мученичество за Христа святой Войцех — Адальберт Пражский († 997). А немного позднее Олаф Харальдссон, будущий король Норвегии, благополучно прошел с проповедью христианства Балтийское побережье до устья реки Венты; он установил добрые отношения с литовцами, но его миссионерские успехи оказались невелики.

Возможно, кроме германских, славянских и скандинавских, в Литве побывали и византийские проповедники, поскольку они достигали таких далеких краев, как Норвегия и Исландия. Однако все попытки древних энтузиастов насадить здесь христианство дали весьма скромные результаты, не изменившие жизнь Литвы.

Существенные сдвиги произошли в XIII веке. Еще до судьбоносной и драматической попытки объединения литовских и западнорусских земель в середине этого столетия Литва стала активнее включаться в историю Руси, будучи «владома своими гетманы», то есть разделена на множество родоплеменных сообществ. Например, Полоцкое княжество уже с конца XII века регулярно собирает дань с литовских земель и использует на службе у себя литовские военные дружины. А в 1215 году при заключении мира с Волынским княжеством среди литовских вождей впервые упоминается молодой Миндовг.

XIII век — время усиления контактов Литвы с ее соседями, в число коих в первую очередь входила Русь. Хотя знакомство сопровождалось столкновениями, но тем не менее соседи нуждались друг в друге. Военная помощь Литвы уже не ограничивалась случайными дружинами: служение литовских князей и полководцев в северо-западной Руси[1] становится систематическим. Литва же, окруженная теперь с севера и запада опасными врагами — Ливонским и Тевтонским рыцарскими Орденами, стала понимать целесообразность использования огромного людского, материального и культурного потенциала Руси. Грандиозный объединительный замысел Миндовга, короновавшегося в

Новогрудке в качестве короля Литвы и западной Руси, хотя закончился катастрофой и гибелью Миндовга, а вскоре затем — и его старшего сына Войшелга, все же не оказался утопией, но проложил путь, по которому пошла история края. К XIII столетию относятся также первые успешные попытки проповеди Католицизма[2].

Православие вместе с русскими людьми и их культурой стало активно проникать в Литву еще до правления Миндовга. Имелось несколько причин появления здесь русских. Во-первых, с древнейших времен литовцы и славяне находились в близком родстве по своему происхождению, языку и быту, а четкой линии, разграничивающей территорию их обитания, не существовало. Современные исследования топонимики и гидронимики, как и свидетельства древних документов, позволяют сделать заключение о далеком продвижении литовцев: на юг — до реки Припять, на восток — до верховьев Западной Двины и Волги. Соответственно и потоки славян вклинивались на литовскую территорию. Начавшийся в XIII веке процесс государственного объединения Литвы и западной Руси также содействовал миграции русских, поскольку никаких барьеров между землями в создаваемом Великом Княжестве Литовском не было. Наконец, появился приток русских беженцев, не столько из присоединенных земель, сколько с Волыни, Киевщины и вообще из южной Руси, подвергшейся сокрушительному нашествию монголо-татар. Среди переселенцев были люди разного звания и положения, вплоть до бояр, князей, книжников и духовенства. Они находили в Литве относительный покой и безопасность, благоприятные условия для жизни, хорошее отношение местной администрации. За густыми лесами, полноводными реками, непроходимыми для вражеской конницы болотами приезжий русский человек мог наконец вздохнуть спокойнее, не ожидая постоянно татарского набега.

С XIV столетия Литва обращает на себя особое внимание Европы. Это было время, когда, по словам Н. В. Гоголя, «великий язычник Гедимин вывел на сцену тогдашней истории новый народ — народ бедный и жизнью, и средствами для жизни, населявший дикие сосновые леса нынешней Белоруссии, носивший звериную кожу вместо одежды, еще боготворивший Перуна и поклонявшийся древнему огню в нетроганных топором рощах, плативший прежде дань русским князьям, известный под именем литовцев. И этот народ при своем князе Гедимине сделался самым видным на огромном северо-востоке Европы! 〈...〉 Вслед за ним такие же два сильных характера, Олгерд и Ягайло, вознесли Литву, употребляя ту же самую политику с присоединенными народами» [1].

Несмотря на мелкие промахи исторической науки времен Гоголя, в приведенном высказывании четко выразилась справедливая мысль об эпохальном значении XIV века в жизни Литвы и Европы. Эта эпоха завершилась крупным событием — крещением литовских язычников в 1386—1387 годах (по католическому обряду). Шестивековой возраст христианства для европейского народа является «юным». Литва крестилась, когда вокруг нее давно утвердилась новая вера, но христианство было уже не только вокруг, а и внутри страны. Тот же XIV век можно считать временем прочного становления Православия в Литве. Оно, правда, еще не успело охватить широкие массы литовцев, существуя главным образом среди русской части населения. Однако постепенное распространение Православия в литовскую среду происходило давно. Православными стали некоторые члены рода Миндовга, а его сын Войшелг даже совершил паломничество на Святой Афон и затем был монахом в Лаврышевском монастыре святого Пророка Илии на Немане, где настоятельствовал его родственник преподобный Елисей (память 23 октября). О перспективах христианизации по православному обряду свидетельствует то, что великий князь Войшелг в 1265 году обратился к новгородскому князю Святославу с просьбой прислать из Пскова священников, знающих литовский язык, для проповеди Евангелия и обращения язычников[3]. Становились православными и многие литовские вельможи; самым известным и является пример трех виленских мучеников, великокняжеских придворных — Антония, Иоанна и Евстафия (память 14 апреля), пострадавших за Христа в 1346—1347 годах.

Правление великого князя Гедимина (1316—1341) весьма благоприятствовало притоку русских людей в Литву. Этот выдающийся деятель ясно понимал необходимость цивилизации страны, укрепления связей с европейским миром, а особенно — увеличения и модернизации войска, без чего Литва не могла выстоять перед натиском бронированной мощи крестоносцев и хищным вихрем татарских орд, господствовавших на юге Руси. Поэтому Гедимин старался привлекать в страну христиан, православных и католиков, которые могли бы обогатить Литву своей культурой. Не слишком доверяя могущественной языческой западнолитовской знати, великий князь опирался главным образом на русских вельмож; виднейшим его сподвижником был правитель Гродно Давид. Основание Гедимином стольной Вильны в восточной Литве, вблизи от русских земель, привлечение туда русского, польского, немецкого населения было частью его глубоко продуманной политики.

Оставаясь язычником, Гедимин проявлял широкую веротерпимость и не препятствовал индивидуальному крещению литовцев. Однако он и затем его преемники долго не отваживались на решительный шаг к христианизации страны. Затруднителен был и выбор вероисповедания: западное или восточное. Известны неоднократные попытки

великих князей установить прочные связи с католической Рижской Архиепископией. Но агрессивная и корыстная политика Ливонского Ордена, которую архиепископы не смогли обуздать, временно прервала контакты Литвы с Церковью Запада. Косвенным образом это благоприятствовало распространению Православия.

Много содействовали распространению русских традиций и культуры смешанные браки: переселенцы охотно женились на литвинках, а их дети крестились и воспитывались в Православии. Особое значение имели браки в великокняжеской семье. Со времен Гедимина князья часто женились на русских княжнах, что обещало для обеих сторон различные преимущества.

Не составлял исключения и Ольгерд Гедиминович, чье долголетнее правление (1345—1377) будет особо интересовать нас, поскольку оно предопределило торжество христианства в Литве. Человек со сложной натурой, весьма скрытный, официально считавшийся до конца дней язычником, Ольгерд волею или неволею медленно и постепенно подвел Литву к такому рубежу, когда древнее язычество обратилось в изживший себя институт, а в правящей верхушке решающий голос приобрели христиане. Поэтому при преемниках Ольгерда, Ягелле и Витовте, оказалось достаточно последнего толчка, чтобы язычество рухнуло и народ крестился.

Великий князь Ольгерд был женат дважды на русских княжнах. Первая из них, Мария Ярославна Витебская, стала его супругой около 1319 года, задолго до того, как он занял престол. Она прибыла в Вильну в сопровождении православного духовенства, и, по преданию, трое упомянутых литовских мучеников приняли крещение от ее духовника. Княгиня Мария известна как основательница православных храмов, например, в 1331 году ею был основан в столице, на месте языческого капища, храм святой Параскевы-Пятницы. Сыновья от этого брака — старшие Ольгердовичи — были обруселыми аристократами; занимая высокое положение в Великом Княжестве, они служили опорой Православию. После кончины отца (†1377) старшие Ольгердовичи, недовольные приходом к власти младших братьев, заключили союз с Москвой. Здесь уместно вспомнить, что двое из них — князья Андрей и Димитрий — сыграли решающую роль в победе православного воинства над полчищами Мамая на Куликовом поле, разделив эту честь с другим выходцем из Великого Княжества Литовского — воеводой Дмитрием Боброком-Волынцем и серпуховским князем Владимиром Андреевичем (женатым на Елене Ольгердовне).

Второй супругой Ольгерда стала Юлианна Александровна Тверская. Ее род был тогда хорошо известен на Руси. И дед княжны, святой князь Михаил Ярославич (память 22 ноября), и ее отец, Александр Михайлович, приняли мученическую кончину в Орде. Братьям же ее удалось спасти Тверское княжество от уничтожения и возвысить его на одно из первых мест в Русской земле. Особо отличился на этом поприще энергичный Михаил Александрович, чье многолетнее княжение (1366—1399) было периодом расцвета Твери. Еще ранее, около 1350 года, братья с благословения Митрополита всея Руси Феогноста выдали сестру за овдовевшего Ольгерда. К тому времени стали традиционными разнообразные связи Твери с Литвой — не только родственные, но и дипломатические, военные и даже духовные. Так, второй епископ Твери Андрей был родом литовец, из семьи полоцкого князя Гердена. Владыка Андрей в 1315 году ушел на покой, в основанную им обитель Пресвятой Богородицы на реке Шоше, продолжая пользоваться большим уважением в княжестве и содействуя дальнейшему сближению Твери и Литвы.

Княжна Юлианна, надо полагать, получила обычное для ее круга и времени воспитание в духе строгого православного благочестия. Как и родные, она преклонялась перед святыней Киева — «матери городов русских»; все, связанное с Киевом, стало священно для тверских князей [2]. Соединить благоговейные воспоминания о Киевском Софийском соборе (лежавшем тогда в развалинах после татарского разгрома) и о Печерском монастыре, как-то перенести их в полуязыческую ждущую просвещения Литву — такой, мы имеем основания предполагать, была благочестивая мечта княгини Юлианны: в ее время в Вильне был построен Пречистенский собор. Княгине было свойственно стремление к строительству храмов, например, ею возобновлен в камне храм Николы Великого на главной улице столицы. Будучи моложе своего супруга, княгиня намного пережила его; скончалась она после долгих лет смиренного и нелегкого вдовства 10 мая 1392 года, приняв святую схиму с именем Мария [4, с. 10]. Есть сведения о паломничестве ее в Киев, случившейся там кончине и погребении в Печерском монастыре. Хотя последнее сомнительно, можно предположить, что таковым было ее предсмертное желание...

В отличие от супруги, чье православное благочестие не вызывает сомнений, отношение самого Ольгерда к христианству кажется противоречивым. С одной стороны, многие считали его язычником, огнепоклонником, виновником смерти мучеников, пострадавших в 1346—1347 годах. Вместе с тем, по преданию, около 1346 года великий князь основывает Пречистенский собор. Большинство историков согласны с тем и с другим: мученичество трех страстотерпцев, действительно, произошло в это время [5], а Ольгерд скончался православным и, по-видимому, погребен именно в этой церкви, «юже сам созда», как утверждает Никоновская летопись. Противоречия снимаются, если вник-

нуть в обстоятельства того времени.

В 1345 году Ольгерд и его брат Кейстут приняли и разделили между собой верховную власть. Языческая партия, стоявшая за Кейстутом, тогда была сильна, и Ольгерд не мог противиться ей. Он внешне соблюдал языческие обряды, как и его отец, но был равнодушен к религии предков. Известно, что инициатива преследования трех мучеников исходила не от него. Великий князь проявил в этом деле нерешительность — он, вероятно, ощутил опасность и для себя. Трагические события, когда толпа простого народа и фанатичных жрецов повлекла в тюрьму, а затем на смерть княжеских приближенных, таили угрозу всему наследию Гедимина. Ольгерд понял это и вынужден был делать вид, что одобряет действия толпы.

Угроза языческого мятежа повторилась в Вильне в 1365 году [6, с. 30]. Жрецы разожгли в народе вспышку фанатизма, на сей раз направленного против католических миссионеров-францисканцев: многие из монахов были убиты. Но ситуация в Литве теперь была иной, голос христиан был слышим при дворе, положение самого Ольгерда упрочилось, и он мог действовать открыто. Великий князь находился тогда в отсутствии, вернувшись же в Вильну и разобрав дело, он обрушил на всех зачинщиков бунта и многочисленных исполнителей убийств суровые кары, как будто воспользовался случаем с лихвой «выплатить долги» за 1346 год.

Трагедия православных, а затем и католических мучеников послужила началом цепи событий, направивших историю Литвы к окончательной христианизации. С одной стороны, должна была происходить консолидация проживавших там христиан. Проповедь Евангелия среди язычников, стихийно осуществлявшаяся уже несколько веков, в середине XIV столетия приобретает более организованный характер.

Проповедь Православия совпала с появлением митрополита Романа (родственника великой княгини Юлианны), который с 1354 года получил от Вселенского Патриарха в управление епархии Волынскую, Туровскую и Полоцкую (к последней издревле относились и литовские земли). К сожалению, большая часть незаурядной энергии митрополита Романа направлялась на утверждение своего авторитета и расширение юрисдикции; в конце концов (при поддержке Ольгерда) он официально стал Главой Православной Церкви во всем Великом Княжестве (кроме Киева). Проповедь католичества осуществлялась главным образом силами францисканцев; вначале она приносила мало плодов, но пошла успешнее, когда братья обрели богатого покровителя в лице крестившегося вельможи Гаштольда.

Активизации христианских сил в Литве, по-видимому, отвечал назревавший перелом в душе самого Ольгерда: трагедия трех мучеников явила ему стойкость христиан и, скорее всего, пробудила к ним сочувствие, а в себе — раскаяние. Показательно, что участок земли с дубовой рощицей, где совершилась казнь святых Антония, Иоанна и Евстафия, еще до 1350 года Ольгерд подарил православной общине, и там был построен (сначала деревянный) храм Пресвятой Троицы, где затем в течение нескольких веков почивали мощи мучеников.

Несмотря на осторожность и скрытность Ольгерда и неясность некоторых обстоятельств, нет серьезных сомнений в том, что великий князь тайно принял святое крещение по православному чину, а затем повелел так же крестить детей от брака с Юлианной, из которых первенцем и наследником явился Ягелло, сыгравший видную роль в истории Литвы и Польши. Тайна, очевидно, понадобилась Ольгерду, чтобы язычники не подвергали сомнению права его династии на престол. Имена, данные князьям при святом крещении, достоверно не известны. Наиболее обоснованным представляется мнение, что Ольгерда нарекли Андреем, а Ягелла — Иаковом. Оно зиждется на двух обнаруженных древних надписях. Одна из них — на колоколе монастыря в Троках (ныне город Тракай в Литве) — гласила: «Се аз раб Божий Яков Ондревич с матерою своею Ульяною Александровною... В. К. Л. дали есмо сей колокол улит в церковь св. ... Парак... в Вильни во вики 6887» [4, с. 173]. Таким образом, первоначально колокол был пожертвован сыном и матерью в храм мученицы Параскевы-Пятницы в 1379 году. Другая запись — на древнем Евангелии, долго хранившемся в Пречистенском соборе, сообщала, что «великий князь Андрей Гедиминич, во святой схиме Алексий, усопше на память святых мученик Платона и Романа» [4, с. 156].

Что касается времени крещения Ольгерда, то его точной даты назвать нельзя. Известно, что еще до занятия великокняжеского престола, когда Ольгерд был только князем Витебским, псковичи упрашивали его креститься и вокняжиться у них, но получили отказ. Наиболее вероятно отнести его крещение ко времени прибытия княжны Юлианны в Литву и свадебных торжеств, то есть примерно к 1350 году. Гордые тверские князья, претендовавшие на верховенство на Руси, вряд ли согласились бы выдать сестру за язычника. С этого времени уже не известно ни одной исходящей от Ольгерда акции, враждебной христианам. Кровь виленских мучеников принесла добрый плод.

После сказанного можно с доверием отнестись к преданию о постройке Ольгердом Пречистенского собора. Возможно только, что это произошло на несколько лет позже, чем обычно принято считать [3]. Вероятно также, что собор был основан совместно великокняжеской четой, так как это представляло бы естественный результат православного благочестия княгини и ее доброго влияния на супруга. Понятно и то

устойчивое предание, что Ольгерд и Юлианна погребены в Пречистенском храме. Правда, есть другое известие польской хроники, а именно что останки Ольгерда, по языческому обычаю, были сожжены на костре. Но противоречие здесь мнимое. Для душеприказчиков и близких Ольгерда, если он пожелал соблюдсти тайну крещения до конца, могли быть различные выходы из положения. Скорее всего, подземелья Пречистенского собора приняли прах бывшего великого князя, схимника Алексия, а язычники в Вильне получили яркое зрелище декоративного погребального костра.

Если трагедию трех мучеников рассматривать как краеугольный камень становления Православия в Литве, а крещение Ольгерда, его брак с Юлианной, постройку Пречистенского собора — как важные этапы этого пути, то утверждением Православия можно считать канонизацию страстотерпцев. Исследования показывают [5], что их прославление было совершено Константинопольским Патриархом Филофеем Коккином между 1354 и 1374 годами. Ранний срок (около 1354 года) свидетельствовал бы в пользу инициативы Святителя Московского Алексия (память 12 февраля и 20 мая), связанной с враждебными тогда отношениями Москвы к «язычнику», «огнепоклоннику» Ольгерду. Однако более вероятно позднее время (около 1374 года), на которое указывают Прологи, повествующие о торжественном перенесении части мощей в константинопольскую Святую Софию. В этом случае правдоподобна инициатива будущего Митрополита всея Руси Киприана (память 27 мая и 16 сентября), пользовавшегося в Литве поддержкой и властей, и Церкви, для которой уже не представляли реальной угрозы язычники, но полезно было утвердить свое «совершеннолетие»[4].

Большое влияние русской культуры и Православия на жизнь Великого Княжества прослеживается в области государственно-правового устройства и военно-политической стратегии Литвы той эпохи. Ольгерд развернул упорную борьбу с кочевниками, захватившими обширные пространства южной Руси. Крутой перелом в этой борьбе наступил около 1361 года, когда в сражении при Синих Водах были разгромлены татарские князья Подолии. Войскам Великого Княжества открылась дорога в Киев, и его святыни наконец избавились от татарской «опеки». Это совершилось без кровопролития: ставленник татар бежал, а удельным князем Киевским стал православный Владимир Ольгердович, начавший постепенное возрождение «матери городов русских».

Положение всей южной Руси стало улучшаться. Впервые после победоносных походов Мономаха православное воинство быстро двинулось вперед, гоня и рассеивая кочевников, и достигло берегов Черного моря. Оживились и стали населяться долго лежавшие в развалинах русские приморские города. И за рубежом христианский мир радовался победам Ольгерда: полные русского зерна корабли направились в страждущую от голода Византию, окруженную врагами и лишенную провинций-житниц.

Для государственно-правового устройства Великого Княжества Литовского, протянувшегося «от моря до моря», Ольгерд и его преемники использовали нормы, с древности сложившиеся на Руси (с тем отличием, что здесь было предотвращено опасное усиление удельных княжений). Это весьма облегчало Гедиминовичам, особенно такому умному политику, как Витовт, продолжение собирания новых земель. «Мы старины не нарушаем, а новины не вводим» — эта формула великого князя Витовта должна была успокоить правящие слои русских земель и расположить их к мирному подчинению Вильне, которое обеспечивало защиту от соседей и прекращало междоусобную борьбу[5].

После всего этого нас не должно удивлять, что рост и консолидация народного самосознания в западной Руси не только не противоречили, но вполне уживались с верховной властью первых поколений Гедиминовичей. Историки указывают, что образование единой белорусской народности можно отнести к XV веку. Поскольку главные факторы консолидации — Православие, большое сходство наречий кривичских, дреговичских, радимичских славян, а также их экономические связи — существовали уже давно, по-видимому, решающим толчком был мирный синтез культур, присущий Великому Княжеству Литовскому[6].

Чтобы ощутить, как складывалась жизнь в динамично развивавшемся крае с многонациональным населением, где расположилась столица Литвы, надо обратиться к свидетельствам современников. Однако в летописях фиксировались обычно лишь крупные события, а детали повседневной жизни, социальных отношений, культурного развития редко попадали туда. Тем большую ценность представляют свидетельства путешественников, которых интересовала конкретная повседневность. Таковыми, в частности, являются путевые записки рыцаря и дипломата Тевтонского Ордена графа Конрада фон Кибурга, прибывшего послом ко двору великого князя Витовта в 1397 году [6].

Послу рассказывали о древности Вильны и давности проживания русского населения в городе. Гедимин устроил свою столицу на европейский лад. Длинная улица от Рудоминских ворот до самого замка разделила Вильну на две половины: восточную, русскую, спускающуюся к речке Виленке, и западную, литовскую; для немецкой и польской общин также была выделена часть города у костела святого Николая. (И до сих пор главнейшие православные храмы расположены по восточную сторону Замковой улицы: Пречистенский собор, Параскевы-Пятницы, Николы Великого и Свято-Духов монастырь.) Кибург насчитал православных хра-

мов даже больше, чем католических, хотя заметил, что они обычно невелики и построены из дерева. Общее количество населения Вильны он оценивает в 25 тысяч, отсюда следует, что русская община насчитывала около 10 тысяч человек. Со времени получения Вильной «магдебургского права» во главе магистрата избирались два бургомистра — католик и православный. Литовцев и «русинов», как их называет дипломат, можно было различить внешне: вторые обычно имели невысокий рост и рыжеватый цвет волос. Кибург отмечает вежливость, гостеприимство и честность жителей столицы.

Ни о какой вражде между католиками и православными дипломат не упоминает. Плохо знакомый с Православием, иногда позволяющий себе резкие замечания о нем, граф Кибург тем не менее записал кое-что, свидетельствующее о традиционном благочестии русского населения. Например, Кибург пишет, что и русские, и литовцы усердно почитали Святителя Николая — покровителя Вильны. Кибургу довелось наблюдать празднование Рождества Иоанна Предтечи 24 июня. Литовцы и русские отмечали праздник в один день, у первых он назывался «Росса», у вторых — «Купель». Вечером дипломат видел русские храмы переполненными до того, что часть верующих стояла снаружи с зажженными свечами. В ту же ночь послы отправились в живописные восточные окрестности столицы, озаренные множеством факелов и костров, где литовцы пели, веселились и угощались в соответствии со своими давними традициями.

Тевтонец не упоминает, имел ли он общение с представителями православных, а с главой виленских католиков членам посольства довелось завязать весьма полезное знакомство. Дипломат подробно описывает их визит выдающемуся человеку — епископу Андрею Василе[7]. В состоявшейся беседе особый интерес представляли темы культуры и народной грамотности. Епископ подчеркнул, что культурные преобразования в Литве идут необратимо и что страна находится на пути к западноевропейской цивилизации. Говоря о пользе научного образования, он сказал, что «высшие науки делают человека истинно просвещенным и полезным себе и отечеству во всяком состоянии» [6, с. 8].

Вместе с тем епископ признал, что среди администрации и всех верхних слоев литовского общества господствуют русский язык и письменность. Епископ Андрей Василе не возражал против влияния русской литературы, обогатившей и укрепившей Великое Княжество «с тех пор, как ученые русины, выгнанные татарами из-за Днепра, перенесли свои научные познания в Литву». Однако он сожалел, что прежние правители настолько пренебрегли национальным языком, что ранее существовавшая национальная письменность оказалась забытой. Образование общества велось на русском языке. Лишь немногие аристократы посылали сыновей на учебу в ближнюю Европу, например Прагу или Краков. Обычное обучение подрастающего поколения литовских бояр, шляхетства и горожан происходило в школах при монастырях западной Руси. Там молодежь училась чтению, письму, а также разумению Священного Писания. Возвращаясь домой и приступая к самостоятельной работе в канцеляриях, армии, торговле и т. д., молодые люди нередко становились обрусевшими православными. Это был основной путь распространения Православия в коренной Литве.

Оказавшись перед перспективой обрусения части высшего и большинства среднего сословий литовцев, епископ Андрей принял меры к сохранению народного языка (который он с молодости хорошо знал и высоко оценил). В учрежденных им катихизических школах преподавание велось по-литовски. В богослужении епископ перевел на язык народа все, что мог, прежде всего — проповедь. Это тоже было нелегко, так как первые годы после крещения весь высший клир состоял из иностранцев — немцев, поляков, чехов, которым удобнее была бы латынь. Проводимая епископом подготовка клириков из литовцев также содействовала сохранению национального языка.

Таким образом, к концу XIV века в Вильне и окрестных землях сложились две крупные культурные традиции: русская православная и литовская католическая. Однако отсутствие полной культурной общности не привело тогда, как и в ближайшие столетия, к дезинтеграции государства. Связи между людьми разной веры, культуры и социального положения в Великом Княжестве были достаточно прочными. К тому же ни одна из главных традиций не ориентировалась на зарубежный центр. Священный для русинов Киев вошел в состав Княжества (и со временем опередил другие центры православной культуры). Рим был далеко, а такие деятели, как великий князь Витовт и епископ Андрей Василе, благоразумно избегали односторонней ориентации на любую из соседних католических столиц, будь то Рига, Пешт или даже Краков.

Разумеется, не только язык, но многие элементы духовной и материальной культуры Руси активно действовали в Литве. Из записок дипломата видно, например, что в столице на русских лежала большая часть торговли и некоторые ремесла. Дотошный Кибург даже заметил, что структура продовольственного потребления города и рыночные сделки определялись русскими торговцами; в частности, прекращалась торговля мясом во время церковных постов, ревностно соблюдавшихся «русинами».

Хорошие плоды приносил труд русских мастеров. Когда потребовалось восстановить виленский католический монастырь Пресвятой Девы Марии «на Песках», великий князь Витовт пригласил волынских ремесленников из Луцка. Административные и военные посты занимало много русских или об-

русевших вельмож. Любопытный пример обрусевшего литовца представлял сам король Ягелло (перешедший в католичество и принявший имя Владислава II). Вкус ко всему русскому, с детства привитый ему матерью, привел к тому, что и в Польше Ягелло был окружен русскими людьми — секретарями, ювелирами (король был любителем драгоценных изделий) и многими слугами; у него был даже оркестр русских лютнистов и флейтистов. Католические храмы Владислав II строил и украшал на «греческий манер», то есть на русский православный лад.

Превратившись уже в XIV веке в заметный центр православной культуры, Вильна и в последующие столетия содействовала развитию белорусского народа. Достаточно вспомнить знаменитого ученого-просветителя Франциска-Георгия Скорину; после 1520 года он перенес сюда свою деятельность, успешно начатую в Праге, по изданию книг Священного Писания на белорусском языке. В Вильне им были изданы «Малая подорожная книжица» и «Апостол» (1525 год). Адресуя книги широкому кругу православных читателей, Скорина сочетал высокий уровень их подготовки и оформления с относительной дешевизной. Великий замысел Скорины было бы невозможно осуществить без поддержки; еще со времени работы в Праге щедрую помощь оказывали ему состоятельные православные виленцы, прежде всего двое из них — Богдан Онков и Яков Бабич, являвшиеся видными деятелями «русской лáвицы» (т. е. скамьи) виленского магистрата [7], в ратуше, где традиционно располагались православные депутаты.

Однако Православная Церковь в западнорусских землях и Литве стала испытывать немалые трудности, начавшиеся задолго до унии и известных вероисповедных столкновений. Первой причиной этого явилось развернувшееся в Великом Княжестве проникшее из Германии протестантское движение, у которого оказались покровители. Так, в имении литовских вельмож Радзивиллов основанная протестантами типография под руководством Симона Будного, Даниила Лещица и Матвея Кавечинского начала обширную книгоиздательскую работу. В том же духе действовал Василий Тяпинский и другие протестанты (среди которых появились даже еретики антитринитаристы).

Лучшие представители русского народа и защитники Православия поняли, что их борьба должна сосредоточиться на создании школ и печатании книг. Эта деятельность в основном легла на плечи православных братств, получивших широкое развитие в условиях сравнительного демократизма и правопорядка Великого Княжества Литовского. Братства основывали школы, типографии, храмы, монастыри с правом патроната над ними, нередко хлопотали о ставропигии. Одним из старейших в Княжестве явилось Виленское православное братство; оно с честью выполняло роль светоча белорусской культуры, действуя в разных формах и при круто менявшихся условиях чуть ли не до 1940 года!

Из типографий в Вильне после Скорины отметим прежде всего основанную Мамоничами вместе с известным Петром Мстиславцем (сподвижником Иоанна Федорова). В ней по преимуществу печатались книги для православных, например напрестольное Четвероевангелие. Позднее, в 1588 году, канцлер Лев Сапега отпечатал здесь окончательную редакцию «Литовского Статута» — свода законов Великого Княжества, базирующегося на юридических нормах Древней Руси. Впоследствии нужды православных общин Литвы и Белоруссии обслуживали типографии, находившиеся в Свято-Троицком, затем в Свято-Духовом монастырях Вильны и в городке Евье (Вевис). В них появились первые учебники русского (точнее, белорусского) языка; им пользовались и в Московском царстве.

Таким образом, Православие и русская культура играли значительную роль в средневековом Литовском государстве. Каково же было состояние их носителя, то есть православной общины, в духовно-нравственном и церковно-каноническом отношении? К сожалению, русские свидетельства об этом весьма ограниченны. Сведения же католических современников не свободны от предубеждений. Особенно не внушают доверия официальные высказывания представителей Тевтонского Ордена (рассчитанные на западноевропейские столицы). Требуют критического рассмотрения и более серьезные источники, например показания кардинала Петра d'Ailli, относящиеся к рубежу XIV—XV веков [4, с. 161]. Основные упреки, делавшиеся православным в Литве,— широкое распространение суеверий среди них и неканоничность духовенства, когда с одобрения паствы священствовали люди без поставления, как бы принявшие должность по наследству от отца[8].

Существенной и согласной с канонами особенностью жизни православных во всех западнорусских землях и Литве стала выборность церковнослужителей разных степеней. Известно, что в Вильне «людство» приходов избирало перед поставлением священников, диаконов, уставщиков и пономарей. Принцип избрания распространялся и на иерархию. Митрополит Киевский не мог по своему усмотрению назначить епископа на вдовствующую кафедру: он должен был обсудить кандидатуры не только с монархом и собратьями-архиереями, но также с представителями «людства» данной епархии. Способствуя тесной связи Церкви с жизнью конкретных земель Великого Княжества Литовского, выборность таила и опасности[9].

Православие в древней Литве имело хорошие перспективы в соревновании с католицизмом за просвещение оставшейся в язычестве части литовского народа. Православие появилось здесь раньше, и его про-

поведники не прибегали к насилию в отличие от миссионеров Тевтонского Ордена, скомпрометировавших себя в XIII—XIV веках. Церковь ясно сознавала свои задачи, отнюдь не плелась в хвосте событий, а при необходимости была готова претерпеть гонения. Поэтому, как мы видели, уже при Ольгерде Православие здесь достигло расцвета, и верхние слои литовского общества становились на путь обрусения.

Однако после 1386 года количественный перевес склонился в пользу Римской Церкви, и с тех пор шесть веков католическая община преобладает в коренной Литве. Обычно этот перелом связывают с политическими решениями великого князя Ягелло и большинства аристократии о крещении язычников-литовцев в католичество[10] в обмен на принятую князем корону Польши. Не отрицая важности политической причины, можно думать, что она не была единственной[11].

Весьма благоприятной для Православия в древней Литве можно признать эпоху святителя Киприана, ставшего в 1375 году Киевским митрополитом [8]. Выходец из знатного болгарского рода Цамблаков, прошедший прекрасную монашескую школу на Святом Афоне, умелый администратор с талантом дипломата, друг и единомышленник Патриарха Филофея, святитель Киприан смог восстановить единство Митрополии всея Руси, поколебавшееся было из-за церковных смут[12]. При этом он старался не втягивать Церковь в политические конфликты, особенно в споры между Вильной и Москвой. На враждебность литовского правительства святитель никогда не мог пожаловаться. Корректные отношения установились у него сначала с престарелым Ольгердом († 1377), а затем с его сыном и наследником Ягелло. Их православное вероисповедание тогда не было тайной для митрополита и облегчало его деятельность. В 1378 году святитель долгое время провел в Литве. Он безбоязненно крестил язычников, основывал храмы, налаживал жизнь приходов, приводил в порядок финансы Митрополии и даже поднял вопрос перед властями о церковных имениях, незаконно попавших в руки князей и бояр.

Высокий авторитет святителя Киприана в Литве и на Руси неоднократно влиял на исторические события. Весьма существенным было, по нашему мнению, следующее событие. Как известно, победа православного воинства над полчищами Мамая в 1380 году осуществилась благодаря ряду причин. Одной из них было то, что союзник Мамая Ягелло со своим войском опоздал к назначенному месту их соединения, а затем удалился, не приняв участия в войне. Историки высказывали догадки, что «опоздание» Ягелло было умышленным. Вынужденный к демонстрации силы (поскольку под московскими знаменами находились восставшие против него братья), Ягелло тем не менее содействовал поражению татар. Нетрудно понять, кто мог подвигнуть его на такой маневр: ведь святитель Киприан уже неоднократно высказывал в Константинополе, Москве и Вильне свое горячее желание, чтобы соединенные силы Московской и Литовской Руси наконец превозмогли ордынских захватчиков.

Отношения митрополита с великим князем остались нормальными и позднее, когда Ягелло перешел в католичество и стал королем Владиславом II. Новоявленный король-католик, усердный, но не всегда благоразумный, упрямо стремившийся к колонизации Литвы, вынужден бывал подчас прибегать к поддержке святителя Киприана. Так, король и митрополит обсуждали совместно со Вселенским Патриархом важнейший для той эпохи (рубеж XIV—XV веков) вопрос, каким образом консолидированные силы христианского мира могут эффективно противостоять разрушительному натиску иноверцев на Европу, где южные земли Великого Княжества Литовского оказались одним из передовых бастионов.

* * *

Более семи столетий существует Православие и связанная с ним культура русской общины в Литве. Неустанным трудом святителей и миссионеров, кровью мучеников давних лет и новомучеников нашего времени, работой книжников, законоведов, просветителей, воинов, государственных людей и простых тружеников внесен весомый вклад в создание, укрепление и развитие христианского литовского государства с его богатой различными традициями цивилизацией. Православию на литовской земле приходилось и доныне приходится преодолевать немало препятствий, в первую очередь — материальных. И как всегда, чем труднее обстоятельства, тем горячее молитва ко Всевышнему о помощи. Господь не посрамит надеющихся на Него во благом деле. Разумеется, должны помочь и собственные усилия всех тех, кому небезразлична судьба Православия в этом крае. *Не бойся, только веруй, и спасена будет* (Лк. 8, 50) — эти слова Господа удрученному горем отцу хочется отнести и к жизни Православной Церкви в Литве.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Литовские князья бывали в Великом Новгороде, Полоцке и других городах. Наиболее известен пример святого Довмонта-Тимофея (память 20 мая), приглашенного в XII веке на Псковское княжение. Характерно, что тогда Довмонт был единственным князем на Руси, не признававшим верховной власти ордынских «царей» и не платившим им никакой дани. Мнение, что в случае опасности Псков мог рассчитывать на помощь «немцев» (то есть Ливонского Ордена), ошибочно: Довмонту то и дело приходилось отбивать нападения рыцарей Ордена.

[2] Миндовг с супругой и младшими детьми принял святое крещение по католическому обряду, а королевскую корону возложил на него

епископ Холмский по поручению Папы Римского. В это же время возникла первая на Литовской Руси католическая епархия с кафедрой в Любче (под Новогрудком), хотя ее существование оказалось непродолжительным.

[3] О последствиях этой замечательной инициативы сведений нет; возможно, это объясняется тем, что уже в 1266 году на самостоятельном псковском княжении утвердился Довмонт-Тимофей, чьи отношения с Войшелгом не благоприятствовали дружественным контактам.

[4] Известно, что Патриарх Филофей послал Преподобному Сергию Радонежскому вместе со своим благословением крест с частью мощей литовских мучеников. Но по вопросу, когда это было, мнения расходятся. Полагаем, что произошло это вскоре после канонизации мучеников: в 1374 году иеромонах Киприан (еще до принятия архиерейства) был с миротворческой миссией в Литве и на Руси, ездил даже в Переяславль Залесский, так что вряд ли упустил возможность по пути посетить Радонежскую обитель и повидать ее чудного Игумена.

[5] Временную угрозу успешному ходу воссоединения земель Великого Княжества создали указы короля Ягелло (остававшегося сюзереном Литвы) о недопущении вельмож не-католиков на высшие государственные посты. Однако осторожный великий князь Витовт не применял их.

[6] Необходимо добавить, что признанными правами и защитой законов Великого Княжества пользовалось не только русское или литовское большинство населения, но и поляки, немцы, караимы, татары (принявшие подданство) и другие национальные меньшинства. Основу крепости государства великие князья видели в том, чтобы любой их подданный, уважающий и соблюдающий законы, действительно чувствовал себя спокойным и защищенным.

[7] Католицизму в Литве выпала большая удача в связи с тем, что во главе новой епархии встал епископ Андрей Васила. Прекрасный характер, располагавший к нему людей, хорошее образование, огромный жизненный опыт миссионера и государственного служащего определили успех его дела. Родом из Польши, он с молодости много путешествовал, вступил в Орден францисканцев, в 1354 году вернулся в Польшу и вскоре был направлен на миссионерскую работу в Литву. Он хорошо изучил язык, обычаи и полюбил литовский народ, который ему довелось окормлять через 30 лет. Стараниями епископа Андрея Василы францисканская миссия в Вильне успешно оправилась от катастрофы 1365 года. Сам Ольгерд по достоинству оценил его и стал негласно советоваться с ним. Деятельность епископа Андрея Василы по просвещению Литвы на путях мира, любви и уважения к национальной культуре имела полный успех. Граф Кибург подробно описывает интересные беседы с маститым старцем — ласковым, но проницательным (епископ разгадал истинную цель тевтонского посольства и постарался не допустить ее осуществления; Тевтонскому Ордену больше не удавалось вовлечь великого князя Витовта в орбиту своей политики).

[8] Трудно сомневаться в том, что такие случаи были; причина их ясна: архиерейской православной кафедры долгое время не было ни в Вильне, ни поблизости. Даже в благоприятный период «литовские» митрополиты (то есть Роман с 1354 года и Киприан с 1375 года), хотя и наезжали в Вильну, но не могли уделять постоянного внимания коренной Литве. Долгое отсутствие архипастыря могло отрицательно сказаться и на духовном состоянии паствы — распространялись суеверия, характерные для того времени.

[9] Впоследствии великие князья Литовские (католики, являвшиеся обычно и королями Польши) и другие магнаты-покровители приобрели решающий голос при назначениях епископов и настоятелей крупных православных монастырей. Случалось даже так, что угодивший монарху вельможа, человек мирской и женатый, в качестве нареченного Владыки управлял епархией или монастырем (через своего викария-монаха).

[10] Литовцев из высших слоев общества, бывших православными и отказывавшихся выполнить приказ короля о переходе в католичество, ожидали суровые кары. Однако такие случаи были редким исключением. Русским вельможам и всему православному народу практически ничего не угрожало; тем не менее сначала даже мать и православные братья Ягелла испытывали беспокойство за свою судьбу.

[11] Некоторую роль могло сыграть, например, различное отношение православных и католических миссионеров к национальной литовской культуре. Последние относились к ней более бережно.

[12] Хотя митрополит Киприан, согласно решениям Вселенского Патриарха и Синода, после кончины Святителя Алексия († 1378) должен был возглавить объединенную Митрополию всея Руси, его права были оспорены московскими властями: по мысли великого князя Димитрия Ивановича, наиболее подходящими для возглавления Русской Церкви были другие кандидаты — Митяй, а затем Пимен. В Московской Руси у митрополита Киприана сначала было мало сторонников, зато среди них — Преподобный Сергий Радонежский и его племянник — игумен Симонова монастыря Феодор, письменно заверявшие святителя в своем послушании, сочувствии и молитвах. Вступление на престол великого князя Василия Димитриевича, женатого на дочери Витовта и состоявшего в дружбе с Литвой, открыло перед митрополитом Киприаном ворота Москвы, куда он торжественно въехал 6 марта 1390 года.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гоголь Н. В. Взгляд на составление Малороссии.— Соч. Изд. XI. Т. I. СПб., 1893, с. 218—219.

2. А. К. Святитель Арсений, епископ Тверской.— Журнал Московской Патриархии, 1984, № 12, с. 21.

3. Савицкий Л., протоиерей, Овсянников В. Пречистенский кафедральный собор в Вильнюсе.— Журнал Московской Патриархии, 1968, № 11, с. 14—27.

4. Смирнов М. П. Ягелло — Яков — Владислав и первое соединение Литвы с Польшею. Одесса, 1868.

5. Огницкий Д. П., профессор. К истории виленских мучеников.— Богословские труды, 1984, вып. 25, с. 226.

6. Смирнов М. П. Указ. соч. Приложение: Дневник посольства графа Конрада Кибурга к великому князю Литовскому Витовту в 1397 году.

7. Архимандрит Августин. Франциск Скорина и Пражская Библия.— Журнал Московской Патриархии, 1990, № 11, с. 72.

8. Дончева-Панайотова Невяна. Митрополит Московский Киприан — жизнь и деятельность.— Журнал Московской Патриархии, 1992, № 9, с. 53—56.

Преподобный Сергий и русское монашество

В памяти народной, в молитвенном сознании благочестивых русских людей во главе сонма подвижников иноческого благочестия стоят имена трех великих святых Русской земли: преподобных Феодосия Киево-Печерского, Сергия Радонежского и Серафима Саровского. Каждый из них составляет духовную вершину целой эпохи в русской истории: киевской, московской и петербургской.

Полтора века после кончины святого Феодосия в лаврских пещерах на берегу Днепра процветало аскетическое подвижничество, и оттуда, из «пропастей земли», просиял миру великий собор иноков-чудотворцев. Татаро-монгольское разорение Руси в XIII веке отразилось и на монастырской жизни: христианские обители были разорены, иконы и монастырские библиотеки сожжены, многие монахи убиты. Правда, после порабощения Руси золотоордынские ханы проводили политику широкой веротерпимости и, не в пример иным правителям, не были гонителями Церкви на завоеванной, разоренной и униженной ими Русской земле; не препятствовали они возобновлению разрушенных и устроению новых монастырей. Тем не менее XIII век не был эпохой расцвета русского монашества. Существует расхожее мнение, что великие национальные катастрофы вызывают углубление духовной жизни народа и потому благотворно сказываются на развитии аскетических настроений, побуждающих к уходу из мира в пустыню. Что касается влияния национальных бедствий на усиление религиозности в обществе, это, может быть, и верно. Во всяком случае, из опыта недавнего прошлого хорошо известно, что, когда в нашем столетии на Россию и Русскую Церковь обрушилась беда, христианским ответом на брошенный вызов был подвиг мученичества и исповедничества сонма архипастырей, пастырей и верных заповедям Христовым мирян.

Иначе обстоит дело с монастырями и монашеством.

Тяга к монашеской жизни обнаруживается особенно интенсивно тогда, когда жизнь в миру перестает быть повседневным подвигом исповедничества. Это мы хорошо знаем из истории Древней Церкви: утихли последние и самые страшные Диоклетиановы гонения — и тысячи христиан, взыскующих Града Небесного, устремились в пустыню, чтобы чрез подвиг аскезы принести себя в жертву Богу. А на Руси после татарского нашествия сама обыденная жизнь стала настолько тяжелой, настолько жертвенной, что не было тогда у русских православных людей особенной нужды бежать от мира, ибо и в миру жизнь легко становилась христианским житием. Монашеское делание теплилось в немногих сохранившихся после погрома обителях, но, как замечено Г. Федотовым, около столетия Русская Церковь не знала новых святых иноков-преподобных. Единственная канонизованная Церковью в это время форма святости — это святость общественного подвига, княжеская, отчасти святительская[1].

Прошли годы. Раны, нанесенные татарским разорением, начали зарубцовываться, и жизнь на пепелище снова стала устраиваться. По словам В. О. Ключевского, «подросло поколение... начавшее отвыкать от страха ордынского, от нервной дрожи отцов при мысли о татарине»[2]. Русские люди снова обретали на своей земле мир и тишину. И тогда в душах самых религиозно чутких и глубоких людей пробудилось стремление идти в пустыню, не ради внешней тишины, а ради уединенной молитвы и ради мира Христова, который обретается в подвиге непрестанной борьбы с грехом, подвигом распинания плоти.

Первым на эту стезю вступил тогда Преподобный Сергий, явившийся пускай не в буквальном, но в исторически значимом смысле возобновителем монашеского подвижничества на Руси. Крохотная лесная келлия и маленькая деревянная церковь в честь Живоначальной Троицы, срубленные руками самого Преподобного пустынножителя и его брата Стефана,— вот начало великой Лавры, ставшей духовным центром Русской земли, одним из оплотов православного монашества Вселенской Церкви. Впрочем, еще при жизни Преподобного эта пустынь стала большим общежительным монастырем, прославившимся далеко за пределами Московского княжества. И все это было плодом молитвенных, постнических и трудниических подвигов святого игумена обители.

В духовном облике Преподобного Сергия, истинного зиждителя монашества Московской Руси, повторились самые существенные черты Киево-Печерского монашества. Его духовное родство со святым игуменом Киевской Лавры очевидно: преподоб-

---

Доклад на торжественном акте в Астрахани, посвященном 600-летию преставления Преподобного Сергия Радонежского.

ных Феодосия и Сергия роднят смирение, кротость, бегство от земной славы, нищелюбие, прилежание к телесным трудам. Но у Преподобного Сергия, по словам Г. Федотова, «слабее выражена суровость аскезы — ни вериг, ни истязания плоти,— но сильнее безответная кротость» [3].

И еще одна новая, в сравнении с житием преподобного Феодосия и иными житиями «Киево-Печерского Патерика», черта святого Сергия — интенсивность его мистического опыта, высота его созерцаний. В житии Преподобного Сергия, составленном первоначально насельником Троицкого монастыря Епифанием Премудрым, а потом переработанном и восполненном сербом Пахомием Логофетом, повествуется о светозарных видениях святого, о его общении с горними силами, о лицезрении им и его учеником преподобным Михеем Пресвятой Богородицы с Апостолами Петром и Иоанном Богословом, в то время как видения, о которых многократно рассказывает «Киево-Печерский Патерик»,— это по преимуществу искусительные явления инокам темных сил.

Опытное мистическое общение с горним миром — это всегда дар свыше. Этот дар бывает обычно, хотя и не непременно, ответом на устремленность подвижника, очистившего свою душу бдением, пощением и молитвой, к опытному богопознанию. И вот в этом духовном дерзновении смиреннейшего из смиренных иноков, или, лучше сказать, в приуготовлении им своей души к созерцанию горнего мира, можно обнаружить влияние раннего афонского исихазма, связанного с именем святого Григория Синаита. Не случайно в библиотеке Троице-Сергиевой Лавры хранились древнейшие славянские переводы преподобного Григория.

Обитель Преподобного Сергия первоначально жила по особожительному уставу, но после десяти лет настоятельства святой игумен ввел в монастыре общежительный устав — киновию. Сделано это было по благословению Патриарха Константинопольского Филофея, ученика святителя Григория Фессалоникийского, носителя исихастской традиции Святого Афона и великого учителя Церкви. В житии Преподобного Сергия рассказывается о том, как греки, присланные Великим Патриархом, пришли в обитель Святой Троицы и передали ее игумену Патриаршее благословение — крест, параман и схиму, а также грамоту Первосвятителя. С этой грамотой Преподобный пешком отправился в Москву, к митрополиту, и Святитель Алексий, взяв грамоту, «начат честь в слух Сергиев» [4]. В грамоте же этой среди прочего говорилось: «Житие же твое и братии, слышавше, похвалихом. Но еще тя едина главизна недостаточествует, яко не общее житие стяжасте... Ныне же паки аз совет благ даю вам: послушайте смирениа нашего, приимите обще житие, а мы вас благословляем, и за вас молим». «Святый же Сергие,— продолжает агиограф,— преклонь колене, поклонися святому Патриарху иже о поучении. Вопрошает же святый митрополита: «Ты же, владыко святый, что повелеваеши?» Той же отвеща: «Яко же Патриарх повелевает, тажде и аз благословляю» [5].

Взяв благословение у митрополита, троицкий игумен возвратился в свой монастырь и там, собрав братию, сказал: «Разумно да будет, отцы и братия, се пишет Патриарх Константина града и повелевает нам общее житие жити, тако же и митрополит Алексие. Вы же что совещеваете о том?» Они же с радостью приемше слово реченное, глаголяще: «Мы убо зело желаем общего жития, аще Богу хотящу» [6]. Радуясь согласию братии, Преподобный Сергий ввел в обители общежительный, киновийный, устав, о котором в его житии говорится так: «И тако разделиша братию по службам: оваго келара, оваго же повара, иным же хлеба реша пещи, иному же больным служити. Приложиша же и то: никому же ничто же не держать отнудь — ни мало ни много, ни своим звати, но вся обща имети» [7]. Так, на устроение общежития в монастыре оказала прямое влияние Константинопольская Церковь, Патриарх которой в ту пору был одним из виднейших носителей исихастской афонской традиции.

Впитав в себя предания Святого Афона и Киевской Лавры, Преподобный Сергий сам явился учителем духовного делания, учителем монашеского подвижничества и для своих современников, и для христолюбцев, вступавших на поприще иноческого жития в течение всех шести столетий, протекших со дня его блаженной кончины. Он стал корнем великого, мощного ствола монашества, который произрос на русской почве в XIV веке. У монастырей, украсивших лицо бескрайней русской равнины в XIV—XV веках, прямая генеалогическая связь с обителью Пресвятой Троицы и ее игуменом. Сам Преподобный, помимо монастыря на Маковце, основал еще пустынь на реке Киржаче.

По благословению святителя Алексия в 1360 году был основан монастырь на реке Яузе, в ближнем Подмосковье, учеником святого Сергия преподобным Андроником. Это была обитель, в которой, как пишет агиограф Преподобного Сергия, при преемнике Андроника игумене Александре подвизался «старец именем Андрей, иконописец преизрядный, всех превосходящий в мудрости зело и седины честны имея» [8],— знаменитый иконописец — преподобный Андрей Рублев.

По благословению Преподобного Сергия в 1363 году был основан знаменитый Борисоглебский монастырь близ Ростова Великого.

В 1365 году Преподобный Сергий по просьбе великого князя Московского святого Димитрия и по поручению святителя Алексия отправился в Нижний Новгород помирить

ссорившихся князей суздальских Димитрия и Бориса Константиновичей. И это пребывание в Нижегородской земле он использовал для того, чтобы основать пустынь в глухом Гороховском уезде и воздвигнуть в ней храм в честь Святой Троицы.

В 1370 году племянник и в монашестве ученик игумена Русской земли Феодор явился основателем Симонова монастыря в Москве.

После победы на Куликовом поле, одержанной по молитвам и благословению Преподобного Сергия, святой князь Димитрий Донской просил троицкого игумена, глубоко чтимого им, основать монастырь Успения Божией Матери на реке Дубенке, близ Троицы. Впоследствии этот монастырь стал именоваться Дубенским-Островским. В 1385 году по просьбе святого князя Димитрия Преподобный Сергий благословил основание Голутвинского монастыря в Коломне.

Двоюродному брату святого Димитрия, герою Куликовской битвы князю Владимиру Андреевичу Серпуховскому, Преподобный Сергий дал одного из учеников своих, по имени Афанасий, для основания обители в Серпухове. «Бе бо Афанасие,— пишет агиограф святого,— добродетелех муж чюден и в Божественных Писаниих зело разумен, и доброписаниа многа рукы его и доныне свидетельствуют, и сего ради любим зело старцю. И сего оставляет святый строити монастырь и общежитие составити, еже и бысть молитвами святого устроен монастырь чюден и зело красен, зовомый «На Высоком» [9].

Учеником Преподобного Сергия святым Саввой Сторожевским основан монастырь Рождества Богородицы в Звенигороде, еще одним его учеником — святым Мефодием устроена Пешношская обитель за рекой Яхромой. Одним словом, как писал Б. К. Зайцев, «куда бы из Москвы в окрестности ни двинуться — всюду следы Сергия» [10].

Помимо учеников Сергия Радонежского, монастыри основывались и теми, кого принято называть его «собеседниками». Эти подвижники не принадлежали к братии Троицкой обители, но приходили часто на Маковец для бесед со святым игуменом и слушались его советов, находясь с ним в тесном духовном общении. Среди «собеседников» Преподобного Сергия прежде всего следует упомянуть имя преподобного Стефана Махрищского, который пришел на Русь Московскую из Киево-Печерской Лавры и потому для святого Сергия был живым носителем лаврских преданий. Преподобный Стефан явился основателем двух монастырей в Северо-Восточной Руси. Еще одним «собеседником» аввы Сергия был преподобный Дионисий Глушицкий, основатель двух общежительных монастырей в вологодском Заволжье. Заволжские, северные монастыри, основанные учениками и «собеседниками» Преподобного Сергия,— это особенно плодовитая отрасль на древе монастырском, корнем которого послужили молитвы, труды и подвиги святого игумена Русской земли.

В одной только старинной Обнорской волости Вологодской земли тремя учениками Преподобного Сергия — святыми Павлом, Сергием и Сильвестром Обнорскими — были устроены три новые обители. О преподобном Павле Обнорском известно, что до основания монастыря он в течение трех лет подвизался подвигом самого строгого пустынножительства и своеобразного столпничества, его единственным жилищем было дупло на дереве в непроходимом, дремучем лесу. Преподобный Павел Обнорский преставился в возрасте 112 лет.

В Костромской земле подвизались другие первоначальники монастырей из числа учеников Преподобного Сергия. Это были святой Авраамий Галичский, основатель четырех обителей в окрестностях Галича Мерянского, и Иаков Железноборский.

Б. К. Зайцев в книге о Преподобном Сергии Радонежском писал: «Как прекрасны эти древние, густые имена основателей: Павел Обнорский, Пахомий Нерехотский, Афанасий Железный Посох, Сергий Нуромский — все пионеры дела Сергиева, в далекие и темные углы несшие свет... Это они трудятся и рубят «церквицы» и келлии, устраивают общежития по образцу Сергиеву, просвещают полудикарей, закладывают на культуре духа и основу государственности... Вокруг них возникает жизнь, при них светлей, прочней духовно чувствуют себя и поселенцы. Монастыри «сергиевские» — их считают до сорока, а от себя они произвели еще около пяти—десяти — в огромном большинстве основаны в местах пустых и диких, в дебрях. Не они пристроены к преуспевавшей жизни — жизнь от них родится в лесных краях, глухоозерных. Для новой жизни эти монастыри — защита и опора, истина и высший суд» [11].

О духовной, культурной и хозяйственной миссии северных русских монастырей замечательно хорошо писал В. О. Ключевский: «Пустынный монастырь воспитывал в своем братстве, по крайней мере, в наиболее восприимчивых его членах, особое настроение, складывался особый взгляд на задачи иночества. Основатель его некогда ушел в лес, чтобы спастись в безмолвном уединении, убежденный, что в миру, среди людской «молвы» то невозможно. К нему собирались такие же искатели безмолвия и устрояли пустыньку. Строгость жизни, слава подвигов привлекали сюда издалека не только богомольцев и вкладчиков, но и крестьян, которые селились вокруг богатейшей обители как религиозной и хозяйственной своей опоры, рубили окрестный лес, ставили починки и деревни, расчищали нивы» [12].

Среди учеников и «собеседников» Преподобного Сергия Радонежского самыми яркими звездами сияют имена двух святых подвижников иноческого благочестия — его

преемника в игуменстве Троицкой обители преподобного Никона и святого Кирилла Белозерского.

Святой Кирилл принял постриг под влиянием Преподобного Стефана Махрищского, «собеседника» аввы Сергия, в уже немолодые лета — в 43 года. Подвизался он в Симоновом монастыре, основанном племянником Преподобного Сергия Феодором, неся там послушание на хлебне и поварне. Преподобный Сергий, когда приходил в Симонов монастырь, «прежде всего заходил в хлебню и беседовал с Кириллом часами о пользе душевной» [13]. Впоследствии святой Кирилл стал архимандритом Симоновой обители. Стремясь к уединению, к отшельнической жизни, после нескольких лет управления столичным монастырем, он оставил его и ушел в северную Фиваиду, в болотистые леса Белозерского края. Там в 1393 году Кирилл основал монастырь, в котором ввел строгое общежитие. В течение 30 лет, до своей кончины в глубокой старости, подвизался святой Кирилл в этой обители, которая стала форпостом и оплотом монашества северного Заволжья.

Еще при земной жизни святого Кирилла вокруг монастыря было основано много малых пустынь. Подвизавшиеся в них насельники духовно питались заветами Преподобного Сергия, живым носителем которых был святой Кирилл Белозерский. Кирилло-Белозерский монастырь явился духовным отечеством для основателей новых обителей Севера: преподобных Савватия Соловецкого, Александра Ошевенского, Корнилия Комельского.

В свою очередь, ученики преподобного Корнилия Комельского основали много новых скитов в комельских лесах, которые современниками были названы «Лаврой святого Корнилия». Из «Лавры» преподобного Корнилия вышли основатели шести новых монастырей, подвизавшиеся уже в первой половине XVI столетия, и среди них Кирилл Новоезерский и Филипп Ирабский.

От другого святого «собеседника» Преподобного Сергия — Дионисия Глушицкого линия духовного преемства и ученичества ведет к таким основателям северных пустынь, как Григорий Пельшемский и Филипп Рабанский.

XV—начало XVI века — это эпоха, когда нравственный авторитет монашества стоял особенно высоко, когда велико было его влияние на все стороны русской жизни, в том числе и на русскую государственность. И это явилось закономерным следствием того, как полно выразился идеал монашеской аскезы в жизни подвижников иноческого благочестия, вышедших из школы аввы Сергия. Рубеж XV—XVI веков — это также время, когда у нас появляется аскетическая литература, в которой осмысливаются внутренние законы монашеского подвижничества и духовной жизни всякого христианина. Всего полнее это выразилось в творениях преподобных Иосифа Волоцкого и Нила Сорского.

В историографии сложилась устойчивая тенденция противопоставлять этих двух великих подвижников и духовных писателей. Их сочинения дают некоторые основания для такого противопоставления. Писания преподобного Иосифа порождены сознанием особой, предельной христианской ответственности за церковное и государственное устроение земного Отечества, за устроение «Москвы — Третьего Рима». Мысль преподобного Нила всецело устремлена в горнее, а значит, и в глубину внутренней жизни христианской души. Но необходимо подчеркнуть, что взгляды святых Иосифа и Нила формально противоречат друг другу лишь по вопросам частного порядка и внешнего характера (например, они расходились в вопросах о монастырском землевладении, о наказании еретиков), а на уровне главных и глубинных вопросов Православия воззрения этих отцов Русской Церкви взаимодополняют друг друга, по-разному расставляя акценты в выражении евангельского аскетического учения о спасении, которое полнее других в истории русского монашества не в книгах изложил, но самой жизнью явил Преподобный Сергий. В творениях преподобных Иосифа и Нила лишь подчеркнуты различные стороны аскетической науки, которую примером своего высокого и святого жития подавал миру игумен Русской земли. И оба этих духовных писателя связаны с ним генеалогическим преемством.

Преподобный Иосиф Волоцкий вышел из знаменитого монастыря в Боровске, основателем которого и управителем в течение почти 30 лет был святой Пафнутий, родом из крещеных татар,— воспитанник ученика Преподобного Сергия Радонежского Никиты. Иосиф Волоцкий стал преемником святого Пафнутия в игуменстве, а впоследствии — основателем быстро прославившегося на всю Русь Иосифо-Волоколамского монастыря. Впрочем, прежде чем основать этот монастырь, преподобный Иосиф много странствовал по северным обителям, спасался в монастыре преподобного Кирилла Белозерского, именно в этом монастыре он убедился в преимуществах общежительства. Там, в Кирилло-Белозерском монастыре преподобный Иосиф встретился и с северной ветвью последователей святого Сергия Радонежского.

Его современник, собрат и литературный оппонент преподобный Нил Сорский вполне принадлежит этой северной ветви. В нем, по словам Г. П. Федотова, «обрело свой голос безмолвное пустынножительство русского севера» [14]. На иноческое поприще он вступил в Кирилло-Белозерском монастыре, потом побывал на Афоне, а впоследствии устроил свой скит поблизости от обители преподобного Кирилла Белозерского. От преподобного Нила с его афонским ученичест-

вом и афонским опытом духовная нить идет к подвижнику XVIII столетия преподобному Паисию Нямецкому, возродившему у нас старчество, и, следовательно, с ним же связан и расцвет старчества в русских монастырях XIX века.

Таким образом, вся история духовной жизни России московской и петербургской эпох пронизана благодатными лучами, исходящими от святого лика Преподобного Сергия. Ровно 100 лет тому назад, когда Россия праздновала 500-летие со дня кончины аввы Сергия, В. О. Ключевский сказал многозначительные слова: «Творя память Преподобного Сергия, мы проверяем самих себя, пересматриваем свой нравственный запас, завещанный нам великими строителями нашего нравственного порядка, обновляем его, пополняя произведенные в нем траты. Ворота Лавры Преподобного Сергия затворятся и лампады над его гробницей погаснут только тогда, когда мы растратим этот запас без остатка, не пополняя его» [15].

В 20-е годы нашего столетия ворота Лавры затворились, и тьма объяла Русскую землю.

Причиной трагедии, произошедшей в России в начале XX века, было помрачение духовного самосознания народа, оскудение веры, отчего ослаб и инстинкт национального самосохранения. И когда плоды вероотступничества созрели, в народе или, по крайней мере, в значительной его части начался процесс покаяния и духовного очищения. Народный покаянный и молитвенный стон был услышан Господом, и ворота Лавры вновь отворились.

Сегодня, когда в нашем обществе царят раздоры, ожесточение и вражда, мы, по словам Святейшего Патриарха Алексия II, сказанным им на торжественном акте, посвященном 600-летию преставления Преподобного Сергия Радонежского, «должны помнить о благодатных заветах Преподобного Сергия и вступить на утерянную нами стезю духовного и нравственного совершенствования. В новом созидании, в духовном подвиге и нравственном очищении должно совершиться возрождение наших народов... Народу — наследнику великого служения Святой Троицы не суждено быть отверженным от своего высокого предназначения» [16].

В чем же основание и залог непреходящего влияния Преподобного Сергия и на монашество и всю вообще жизнь России после него? Предельно кратко и емко о самом главном в нравственном облике святого сказал его ученик и агиограф в своем «Похвальном слове Преподобному Сергию: «Воздержание велие стяжав себе, смиреномудрие, целомудрие и ко всем любовь нелицемерну» [17].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Федотов Г. П. Святые Древней Руси. 4-е изд. Париж, 1989, с. 128.
[2] Цит. по: Житие Сергия Радонежского. М., 1991, с. 262—263.
[3] Федотов Г. П. Указ. соч., с. 134.
[4] Житие Сергия Радонежского, с. 68.
[5] Там же, с. 68—69.
[6] Там же, с. 69.
[7] Там же.
[8] Там же, с. 75.
[9] Там же, с. 81.
[10] Зайцев Б. К. Голубая звезда. Тула, 1989, с. 281.
[11] Там же, с. 281—282.
[12] Ключевский В. О. Сочинения: В 9-ти т. Т. II. М., 1988, с. 234.
[13] Федотов Г. П. Указ. соч., с. 144.
[14] Там же, с. 154.
[15] Цит. по: Житие Сергия Радонежского. М., 1991, с. 272.
[16] Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на торжественном акте, посвященном 600-летию памяти Преподобного Сергия Радонежского.
[17] Житие Сергия Радонежского. М., 1991, с. 98.

Протоиерей Владислав ЦЫПИН

Борисоглебский монастырь в селе Аносино

К октябрю 1917 года в Российской империи действовало 1242 монастыря. Особенно много их было на территории европейской части России. Монастыри составляли неотъемлемую часть национального бытия и являлись опорой Православия и государственности.

Жизнь русских монастырей никогда не была безмятежной. Они страдали от вторжения завоевателей, от смут, а со времен Петра I — от светских властей самой России. По указу Петра от 1721 года было закрыто несколько десятков небольших обителей. В 1764 году Екатерина II провела монастырскую реформу, в результате которой было упразднено около 750 монастырей и общин, а у оставшихся были отобраны земельные владения, в результате чего надолго пришло в упадок монастырское просвещение и монастырская благотворительность. После разгрома Наполеона в среде образованных русских людей, прежде всего аристократии, значительно возрос интерес к русской истории и культуре, а значит, и к Православию. В XIX веке в Москве и Московской губернии появились обители, основанные представителями высшего слоя российского дворянства. Так,

Головины основывают в Подмосковье Спасо-Влахернский и Кресто-Воздвиженский монастыри, князья Святополк-Четвертинские — Князе-Владимирский монастырь, княгиня Голицына — Скорбященский монастырь в Москве, графиня Орлова-Давыдова — общину «Отрада и Утешение». Близ села Щеглятьево сын смоленского вице-губернатора схимонах Зосима (Верховский) — Троице-Одигитриеву Зосимову пустынь. Маргарита Тучкова — знаменитый Спасо-Бородинский монастырь на месте гибели мужа, героя Бородинского сражения. Однако первой среди названных выше обителей была Аносинская женская община, получившая затем наименование Аносино-Борисоглебского монастыря.

Паломники, направляющиеся из Звенигородского Савво-Сторожевского монастыря в Новоиерусалимский Воскресенский монастырь, останавливались в Аносине на отдых и молитву.

Основательницей и первой настоятельницей этого монастыря была Евдокия Николаевна Тютчева, в замужестве княгиня Мещерская. Родным племянником ее был Федор Иванович Тютчев, а далекий предок Тютчевых, доблестный боярин Захар Тютчев, явился к Мамаю как посол Димитрия Донского в самый канун Куликовской битвы... Решение о принятии монашеского подвига пришло к молодой женщине после кончины мужа, с которым она прожила меньше года. Однако для осуществления этого желания потребовалось несколько лет. В 1810 году с благословения Московского митрополита Платона (Левшина) Евдокия Николаевна начала постройку в своем Аносинском имении храма во имя Святой Живоначальной Троицы. Через два года, в 1812 году, храм был освящен и почти тут же разграблен французскими мародерами. Местным крестьянам с трудом удалось отбить у захватчиков здание храма, которое французы собирались сжечь.

После ухода наполеоновских войск из Москвы храм начали восстанавливать, и уже в 1813 году был освящен один из приделов. Княгиня Мещерская основала при храме детский приют, где занялась воспитанием девочек-сирот. В основном это были дети местных крестьян. Родители некоторых из них погибли в боях с французами. В 1821 году при Троицком храме была открыта и богадельня на двенадцать человек.

Вскоре княгиня решила основать на месте богадельни женскую общину и получила поддержку митрополита Московского Филарета (Дроздова). 4 мая 1822 года Владыка освятил восстановленный Троицкий храм. С благословения своего духовного наставника, ректора Московской Духовной Семинарии Парфения, в Московском Вознесенском монастыре княгиня Евдокия Николаевна Мещерская была пострижена митрополитом Московским Филаретом в монахини с именем Евгения. На следующий день, им же, она была посвящена в сан игумены новой обители. В 1845 году митрополит Филарет писал настоятельнице Спасо-Бородинского монастыря Марии (Тучковой): «Думаю, Вы слыхали от меня, как при учреждении монастыря княгинею Мещерскою она должна была сделаться игуменьею, хотев быть только монахиней» («Странник», 1865 г., май-июнь).

Правила монашеского общежития были составлены для новой общины самим Владыкой, позже они использовались и в некоторых других монастырях, например в Спасо-Бородинском. По этому правилу желающие поступить в обитель должны были обладать следующими качествами: «Бедность, поведение не опороченное или исправленное, готовность к послушанию и расположение к жизни богоугодной».

Аносинская обитель стала первым женским монастырем в Московской епархии, устроенным по образцу мужских общежительных монастырей. Благодаря усердию монахинь и помощи верующих новая обитель быстро благоустраивалась. В 1824 году Московский митрополит Филарет вновь посетил ее для освящения нового храма во имя святого Димитрия Ростовского. В 1823 году в обители началась постройка больницы, а при ней была сооружена деревянная церковь во имя святой Анастасии Узорешительницы. Этот храм освящен 1 сентября 1828 года.

2 февраля 1837 года, в возрасте 62 лет, основательница монастыря и его первая настоятельница скончалась и была погребена в монастырском Троицком храме возле придела святых благоверных князей Бориса и Глеба.

Еще при жизни игуменьи, в 1834 году, настоятельницей обители стала ее крестница и воспитанница, сестра Анастасия, до этого бывшая монастырской казначеей. Двадцать лет, до перевода в Серпуховской Владычный монастырь, исполняла она настоятельские обязанности. Во время ее игуменства в Аносином монастыре в 1844 году постриглась в монахини внучка основательницы обители Евдокия (в монашестве Евгения) Озерова, ставшая в 1854 году третьей настоятельницей Аносино-Борисоглебского монастыря.

Настоятель Николаевского Угрешского монастыря архимандрит Пимен, посетивший Аносинскую обитель и видевший там сестру Евгению, с умилением наблюдал, как принявшая постриг аристократка занималась, наряду с другими сестрами, тяжелой и грязной работой. Как и ее бабушка, в сан игуменьи новая настоятельница была возведена митрополитом Московским Филаретом.

Игуменья Евгения была личностью незаурядной. После смерти отца, известного в Москве правоведа, сенатора и тайного советника, Семена Николаевича Озерова, она оставила мир и стала монахиней. Когда

Надвратный храм Борисоглебского монастыря в Аносино.
Фото XIX века

Владыка Филарет вызвал ее в Москву для поставления в сан игуменьи, весь путь из Аносиной обители до первопрестольной будущая настоятельница прошла пешком. Под руководством игуменьи Евгении Аносин монастырь стал быстро развиваться и благоустраиваться и к семидесятым годам прошлого века стал одним из лучших в Московской епархии. За свои труды по благоустройству обители игуменья Евгения была награждена наперсным крестом, а в 1874 году, по случаю пятидесятилетия со дня открытия монастыря, пожалована золотым крестом, украшенным драгоценными камнями. Сразу после своего перехода в Московский Страстной монастырь игуменья Евгения основала там богадельню, а после русско-турецкой войны 1877—1878 годов ею был основан приют для семи сирот-болгарок, в котором они обучались различным наукам и рукоделию, а став совершеннолетними, выехали на родину, получив от монастыря денежные средства.

В православной Москве игуменья Евгения пользовалась большим уважением и любовью. Приезжающие в первопрестольную европейские монархи и члены правящих семей почти всегда посещали управляемый ею монастырь. В 1876 году к наградам, полученным игуменьей Евгенией от Святейшего Синода, прибавился портрет государыни Марии Александровны с ее подписью. Об уважении к игуменье Евгении свидетельствует и тот факт, что ее портрет хранился в Оптиной пустыни. Скончалась игуменья в 1890 году и погребена на территории Страстного монастыря.

После игуменьи Евгении настоятельницей Аносина монастыря стала монахиня Рафаила (Ровинская), единодушно избранная сестрами и утвержденная епархиальным начальством. Игуменья Рафаила была достойной преемницей игуменьи Евгении. После успешного управления Аносиной обителью ей было поручено возобновление знаменитого Московского Ивановского монастыря. В дальнейшем игуменья Рафаила управляла еще рядом обителей Московской епархии, активно трудясь для их духовного и материального процветания. Последним местом послушания игуменьи Рафаилы стал Московский Новодевичий монастырь, настоятельницей которого она была продолжительное время.

К началу XX века Аносин-Борисоглебский монастырь был процветающей обителью. Число монахинь и послушниц в нем достигло 180.

Для поддержания монастырских строений, благотворительности и нужд насельниц, которые согласно общежительному уставу обеспечивались всем необходимым за счет

общины, монастырю необходимо было иметь сложное, хорошо налаженное хозяйство. Строгая дисциплина, трудолюбие монахинь, а также частные пожертвования были основой материального процветания обители. В хозяйстве общины производили почти все виды сельскохозяйственных работ, выпекали хлеб, содержали сад и пасеку. Во время управления монастырем игуменьей Евгенией (Озеровой) в обители стали развиваться различные рукоделия. Будучи хорошей художницей игуменья Евгения обучала своему искусству молодых монахинь, в большинстве недавних крестьянок, и добилась больших успехов. Монастырские вышивки отличались высоким мастерством. Обитель содержала странноприимный дом, больницу, богадельню, оказывала безвозмездную помощь окрестным крестьянам. Из частных лиц наибольшие пожертвования на монастырские нужды делала графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская и звенигородский купец Павел Григорьевич Цуриков. На его средства в обители была построена трапезная для богомольцев, отремонтирован поврежденный молнией иконостас в Троицкой церкви. Он же пожертвовал обители большой колокол...

После Октябрьской революции Аносин-Борисоглебский монастырь просуществовал десять лет. После долгих притеснений его закрыли, а на основе образцового монастырского хозяйства в 1928 году создали один из первых подмосковных колхозов. Настоятельница, два священника и несколько сестер были арестованы. Монастырский архив и библиотека изъяты и отправлены в г. Истру. Иконы, собранные воинствующими безбожниками в Аносиной обители, погружались в специальные чаны с кислотой для получения золота, после чего тут же сжигались. Погибли и монастырские колокола. Что касается различной церковной утвари, то она была конфискована еще в начале 20-х годов в ходе кампании по изъятию церковных ценностей. После закрытия монастыря начался быстрый процесс разрушения монастырских строений. В тридцатых годах были уничтожены деревянные здания монастырской больницы и находившейся при ней церкви святой Анастасии Узорешительницы. В начале семидесятых годов при проведении строительных работ на территории монастыря был почти полностью разрушен Троицкий храм. Исчез придел во имя святых благоверных князей Бориса и Глеба, где покоилась основательница обители.

Между тем Троицкий храм был очень красив. Построенный в стиле русского классицизма, он имел форму ротонды с декоративными украшениями. Ротонда перекрывалась куполом. К храму примыкала двухпридельная трапезная с колокольней. В относительной сохранности остался лишь расположенный рядом с монастырскими воротами однокупольный храм во имя святого Димитрия Ростовского. От великолепной монастырской стены с крытыми шатрами-башенками ныне сохранилась примерно половина. Из хозяйственных построек сохранились почти все каменные, но, увы, выглядят они крайне заброшенно.

Со времени закрытия монастыря на его территории располагались самые различные предприятия и учреждения, в том числе сельскохозяйственная коммуна и клуб. Когда готовился данный материал, в бывшей обители находилась база Истринского МПМК. Такое использование исторических построек ведет к дальнейшему разрушению архитектурного ансамбля монастыря, обозначенного на туристических картах Подмосковья как памятник архитектуры XIX века.

Обитель, тесным образом связанная со многими замечательными людьми России, такими, как митрополит Московский Филарет, Ф. И. Тютчев, безусловно является достоянием русской культуры и русской истории и нуждается в возрождении, как и множество других монастырей и общин, запустение которых имеет прямым следствием всеобщее духовное обнищание.

А. ЕФРЕМОВ

* * *

В январе 1993 года правительством России была удовлетворена просьба Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II о передаче Московской Патриархии в безвозмездное пользование комплекса памятников архитектуры Аносино-Борисоглебского монастыря в с. Аносино Истринского района.— *Ред.*

ПРОПОВЕДЬ

Сосуд Христовой любви

Вознесох избранного от людей Моих... ибо рука Моя заступит его (Пс. 88, 20, 22)

С ветхозаветных времен, когда необходима была особая помощь Божия в укреплении веры и благочестия, Господь посылал народам пророков, будивших совесть, обличавших пороки.

Одним из таких избранников Божиих среди нашего народа был Преподобный Сергий, память которого особо торжественно празднуется в основанной им обители Пресвятой Троицы. В нужное и Богом ведомое время даровал Бог для Православной Руси этого дивного чудотворца, непрестанного молитвенника и священноигумена всего российского монашества. В предвидении великих подвигов и трудов ради Бога даровал ему Господь чуткое и отзывчивое к голосу Божию сердце, открыл ему неотразимую красоту Своей любви к миру, возложив на него бремя Своих заповедей. Получив все десять талантов от Бога, Преподобный Сергий с усердием употребил их во славу своего Господа и Спасителя.

Избранный Преподобным Сергием путь монаха-подвижника был воплощением в жизни первой и главной заповеди Евангелия: *Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею* (Мк. 12, 30). Такой беззаветной и беспредельной любви к Себе ждет Бог от каждого из нас, ибо только в этой любви раскрываются наше подлинное счастье, полнота жизни и наше вечное спасение, и ничто в мире не может заменить этого блага — общения с Богом в любви.

«Любовь к Богу,— говорит преподобный Исаак Сирин,— есть Рай, Древо жизни, есть Царство Божие, вино, веселящее сердце человека. Блажен, кто испиет вина сего». Испила вина сего, этой небесной и святой любви к Богу, и душа юного Варфоломея (мирское имя Преподобного), а испив сладкого, не пожелала возвращаться к горькому — навсегда возжелала только единому Богу работать и угождать. В свете этого высшего блага приобщения к Богу поблекли краски мира сего с его обманчивыми и скоротечными утехами. И подобно евангельской притче о купце, ищущем драгоценную жемчужину, Преподобный Сергий идет искать духовное сокровище — Христа — Господа своего, а найдя, отдает все свои земные сокровища, чтобы приобрести Его навсегда.

Но любовь к Богу невозможно, как жемчужину, укрыть в сокровищницу. Человек должен раскрыть внутри самого себя это духовное сокровище — любовь к Богу, это Царство Божие, этот рай сладости, который подавлен, заглушен господством греховных страстей и низменных привязанностей. Человек должен работать над очищением своего сердца, чтобы сделать его достойным общения с Богом в любви.

Подвиг Преподобного Сергия в том и состоял, чтобы молитвою, постом, воздержанием и многими трудами освободить душу от греховных уз, порабощающих ее: гордости, зависти, честолюбия, тщеславия, превозношения и других и стяжать христианское смирение, чистоту и — как венец всего — любовь Христову. О любви Христовой поет Церковь в кондаке праздника: *Христовою любовию уязвился, Преподобне, и Тому невозвратным желанием последовав, всякое наслаждение плотское возненавидел еси.*

Монашеский путь Преподобного Сергия был воплощением и другой заповеди Евангелия о познании Бога: *познаете истину, и истина сделает вас свободными* (Ин. 8, 32). И Преподобный Сергий уходит от мира, чтобы в уединении лесной пустыни, наедине с Богом познать высшую истину, которая есть Христос, и обрести в Нем подлинную свободу, которую ник-

то уже не может отнять у человека, но никто, кроме Христа, и дать не может.

Примером своей дивной жизни Преподобный Сергий указывает нам на нашу истинную родину, вечное наше Отечество небесное, ценнее которого нет ничего в мире. Ибо все, что мы имеем: таланты, богатство, здоровье да и саму жизнь,— все это, как имение, взятое блудным сыном у отца, мы расточаем на стране далече, потому что не посвящаем их Богу и прославлению Его. Преподобный Сергий научает нас, как избежать участи блудного сына, а если она постигнет нас, как принести достойное покаяние пред Отцом Небесным.

Вся жизнь Преподобного Сергия была великим покаянием души пред Богом, шествием узкими вратами и тернистым путем к наследованию Вечной жизни. Этот путь заключается в духовном подвиге всей жизни, в духовной брани с грехом, внутреннем очищении, который нам заповедан Самим Господом, проверен опытом множества святых монахов и мирян. Иного пути в Царство Божие нет и быть не может.

Монашеский путь, избранный Преподобным Сергием,— наиболее удобный для этой цели, похвальный пред Богом, но и наиболее ответственный, ибо кому много дано, с того много и спросится. Именно на этом пути Преподобный Сергий достиг высшего совершенства. Душа его еще на земле стала храмом Духа Святого, жилищем и похвалою Пресвятой Троицы, светильником благодатного света. Этот свет не укрылся и в пустыни, но сиял оттуда и до сих пор сияет всей Православной России и всему миру, согревая нас, грешных, теплотою молитв Преподобного и его бескорыстной любовью.

За чистоту его сердца, за смирение души и любовь к Богу вознес Господь его пред людьми, наделив великими дарованиями: и мудростью, и ведением таин Божиих, и даром исцеления, и особо драгоценным даром — нетления его святых мощей.

Непостижимы судьбы Божии: Господь одних избранников Своих живыми взял к Себе в вечные обители, как Еноха и Илию, а другим даровал нетление мощей, положив начало их Вечной жизни уже здесь, на земле, прежде общего воскресения. Преподобного Сергия, причастившегося Вечной жизни еще на земле, Господь оставил здесь, как сосуд благодати Своей, для свидетельства его святости и назидания нам.

И здесь, у его нетленных мощей, открывается нам, сколь велик сей праведник пред Богом, какое это сокровище духовное для Православной России. Здесь является нам в полной мере победа веры и благочестия над неверием и злом; здесь мы наконец понимаем, что значит взять на себя иго Христовых заповедей и научиться от Него кротости, смирению и любви.

И в наше время, столь отличное от древних времен, неся свой жизненный крест, можно и нужно подражать подвигам Преподобного Сергия, если мы ищем спасения, если мы хотим подняться к высотам духа, освободиться от рабства низменным страстям и из отверженных и наемников в доме Отца Небесного стать детьми Божиими. Ибо только дети Божии есть и наследники Его, *сонаследники же Христу, если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться* (Рим. 8, 17).

Празднуя память Преподобного Сергия, мы празднуем переход его из Церкви земной в Церковь небесную, где все святые пребывают в вечной славе и блаженстве с Богом. О таких истинных слугах Божиих сказал Господь: *Кто Мне служит, Мне да последует; и где Я, там и слуга Мой будет* (Ин. 12, 26). По слову Божию, *Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его* (Ис. 64, 4).

И не только на небе, но и на земле Господь воздал Преподобному Сергию сторицею за его подвижнические труды: вся Православная Русь стала его родным домом и бесчисленное множество верующих чтут его своим отцом.

Обратимся же, братья и сестры, и мы к Преподобному Сергию и попросим его, чтобы он, вознося свои молитвы праведные пред лице Божие, научил нас возлюбить Бога и ближних, Отечество наше земное и небесное, как он возлюбил; стяжать добродетели — веру, чистоту, смирение, какие он стяжал, чтобы и нам стать наследниками того Царства вечной славы, в котором он пребывает со ангелами и всеми святыми. *Аминь.*

Протоиерей Стефан ЖИЛА

В Неделю 6-ю по Пятидесятнице

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Братья и сестры! Сегодняшнее евангельское чтение об исцелении расслабленного нам должно быть хорошо знакомо, ибо это повествование имеется у трех евангелистов, а значит, трижды в течение церковного года мы можем слышать в храме об этом событии. Мы веруем, что это не случайно. Очевидно, в благой вести об исцелении в Капернауме содержится нечто крайне необходимое для нашего спасения. Тем более что Святая Церковь избрала эти зачала для двух воскресных и одного субботнего чтений, то есть именно таких, когда в храмы собирается наибольшее число церковного народа.

И вот, принесли к Нему расслабленного, положенного на постели... (Мф. 9, 2). Как нам это понятно! Когда мы молимся о здравии дорогих нашему сердцу болящих, наша душа полагает надежду на исцеление к стопам Того, Кто *взял на Себя наши немощи, и понес болезни* (Ис. 53, 4). Почему же далеко не всегда наша молитва бывает услышана? Почему тогда в Капернауме Господь исцелил расслабленного по вере тех, кто его принес, а сейчас как бы не слышит нас? Неужели в нас стало меньше веры, любви ко Христу, усердия в молитве? Ведь многие из нас предпринимают большие труды для того, чтобы привести болящего в храм, отправляются в паломничества, чтобы в святом месте скорее быть услышанным Богом, готовы на любые жертвы. Чего же нам недостает?

И видя Иисус веру их, сказал расслабленному: дерзай, чадо! прощаются тебе грехи твои (Мф. 9, 2). Болезнь — следствие греха. Попускается она Богом человеку для очищения. Очищение же души совершается покаянием. Покаяние — это поворот человека от греха к Богу. А для этого у человека часто недостает решимости. *Дерзай, чадо!* — сказал Господь. А когда увидел, что переворот в душе болящего совершился, простил грехи. Грех прощен, изглажен, и только тогда возможно исцеление: *Встань, возьми постель твою и иди в дом твой* (Мф. 9, 6).

Дорогие братья и сестры! Если мы хотим, чтобы Господь исцелил по нашей молитве кого-нибудь от телесной болезни, мы прежде всего должны молить о том, чтобы Он даровал болящему веру, привел его в истинное покаяние, научил смирению и терпению. Тогда только может совершиться и исцеление, ибо болезнь будет не нужна, так как она принесла свои духовные плоды.

Многих исцелил Господь наш Иисус Христос по Своему неизреченному милосердию, но цель пришествия Его была иная. Не от телесной скорби пришел Он спасать людей Своих, а от рабства греху. Целью человеческой жизни не может быть здоровье тела, так как жизнь даже здорового тела имеет свой конец. Нравственное же здоровье души, освобождение ее от болезней греховных дает возможность человеку войти в жизнь Вечную.

Будем же более предпринимать усилий для вхождения в вечность, а не только для временного благополучия, ибо *если мы живем духом, то по духу и поступать должны* (Гал. 5, 25). Аминь.

Протоиерей Димитрий СМИРНОВ

Поминайте наставников ваших...

Сегодня Святая Церковь прославляет святых апостолов Петра и Павла. Она воздает им особую честь, называя их всехвальными, первоверховными за то, что они ревностно и больше других Апостолов потрудились во благовестии Христовом.

Святой апостол Петр вместе со своим братом Андреем были первыми, призванными Господом к апостольскому служению. До своего призвания Петр носил имя Симон и занимался вместе с Андреем рыбною ловлей. Избрав их, Господь дал Симону имя Петр, что значит камень. Среди всех Апостолов он отличался особой рев-

ностью и пламенной верой, всегда первым старался засвидетельствовать свою горячую веру в Господа, любовь и преданность Ему. Когда Спаситель спросил Своих учеников, за кого они почитают Его, Апостол Петр ответил: *Ты — Христос, Сын Бога живаго.* Тогда Христос назвал Петра блаженным и сказал ему: *Ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее* (Мф. 16; 18).

За веру и преданность Апостола Петра Иисус Христос приблизил его к Себе, соделав свидетелем великих и славных чудес Своих и важнейших событий Своей жизни (см.: Мф. 17, 1—2; Мф. 26, 36—39; Лк. 8, 51—55). Апостол Петр первым удостоился видеть воскресшего Христа, положил начало проповеди о Нем, Крещению язычников (см.: Деян. 2, 14—41).

Святой апостол Павел не был в числе учеников Господа. Он обратился ко Христу после Его Вознесения на небо. До своего чудесного обращения он носил имя Савл и был воспитан в фарисейском законе. Как убежденный фарисей и ревнитель отеческих преданий, он был гонителем христиан, предавал их на мучения, одобрил убиение архидиакона Стефана (см.: Деян. 8, 1; 9, 1—2). Но благодать Божия коснулась сердца Савла и переродила его, из гонителя Церкви соделала великим благовестником учения Христова, Апостолом языков. На пути в Дамаск его осенил необыкновенный Божественный свет, и он услышал голос Христа: *Савл, Савл! что ты гонишь Меня?.. Трудно тебе идти против рожна* (Деян. 9, 4—5). Савл упал на землю и лишился зрения. В Дамаске по повелению Господню он принял крещение от Апостола Анании, прозрел и начал проповедовать учение Христа.

Апостолы Петр и Павел понесли слова святого благовестия во все концы земли и обратили многие народы ко Христу. Благодаря их апостольским трудам вера Христова распространилась во многих странах мира. Велики их подвиги и труды, ибо из любви ко Христу и для спасения людей они претерпели многие скорби и лишения, беды и гонения и приняли смерть за Христа. Как свидетельствует Предание, оба они окончили свою земную жизнь мученически в один день.

Жизнь, подвиги и учения Апостолов Петра и Павла весьма назидательны для нас, братия и сестры, и являют нам примеры для подражания. Сам Апостол Павел призывает нас подражать ему: *умоляю вас: подражайте мне, как я Христу* (1 Кор. 4, 16). Апостол Павел постоянно подражал Христу, он жил Им, как он сам свидетельствует: *для меня жизнь — Христос* (Флп. 1, 21).

Но в чем именно мы должны подражать Апостолам Петру и Павлу и чему они учат нас? Апостол Павел учит: *Поминайте наставников ваших, которые проповедывали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их* (Евр. 13, 7). Апостолы Петр и Павел, наши наставники, учат нас, как надо веровать и жить, чтобы наследовать Царство Небесное, учат не только собственным примером, но и своими писаниями. Апостол Петр написал христианам два послания, Апостол Павел — четырнадцать. В этих боговдохновенных посланиях мы находим все, что необходимо для утверждения в вере Христовой и благочестивой жизни. Эти послания святитель Иоанн Златоуст называет «неиссякаемым кладезем премудрости». Они читаются за Божественной литургией.

Все мы призываемся подражать первоверховным Апостолам в их вере и любви в меру своих сил и возможности. Вера и любовь Апостолов ко Христу были настолько велики, что Апостол Петр оставил и свой дом, и семью, и занятия, чтобы следовать за Христом, а Апостол Павел всю свою ученость и знания, все блага мира почитал тщетою, и вся его жизнь была направлена на то, чтобы приобресть Христа и стяжать Божию премудрость и силу (см.: Флп. 3, 8).

Должны ли мы, по примеру святых первоверховных апостолов, совершенно отказаться от всех земных благ? Требует ли этого Господь от каждого из нас? Господь Бог сотворил человека и предоставил ему пользоваться всеми земными благами, но из этого не следует, что человек должен злоупотреблять ими и привязываться к ним, забывая о своей душе, о служении Богу и людям и жизни Вечной. *Все мне позволительно, но не все полезно,*— говорит Апостол Павел,— *все мне позволительно,* но *ничто не долж-*

но обладать мною (1 Кор. 6, 12). Господь учит нас искать *прежде Царства Божия и правды Его, а остальное все приложится* (Мф. 6, 33). Царство Божие на земле — это царство веры, любви, правды, мира среди людей, это — Церковь Христова и ее спасительные Таинства, это благодатная жизнь во Христе.

У нас много грехов, много всяких соблазнов и искушений, которые вводят нас во грех. Во имя любви ко Христу мы обязаны оставить свои греховные привычки, возненавидеть грех — причину наших злостраданий, отказаться от гордости, от своего самолюбия и самоугождения и возлюбить источник света и радости — Христа Спасителя. Он — *свет миру* (Ин. 9, 5), источник любви, правды, мира и добра. Пойдем за Ним, исполняя заповеди Его, неся добро людям, живя в мире со всеми, с полной преданностью Ему и с терпением перенося все скорби и невзгоды жизни. И тогда мы будем подражателями Апостолов Христовых.

Обратим, братия и сестры, свое внимание на покаяние Апостола Петра и обращение Апостола Павла. Это примеры, достойные подражания. Апостол Петр согрешил перед Господом — по человеческой немощи он трижды отрекся от Иисуса Христа на допросе фарисеев. Велико было грехопадение его, но и глубоко покаяние. Он каждую ночь в полночь, слыша пение петуха, вставал на молитву, каялся со слезами в своем грехе, умоляя Христа Бога простить ему его малодушие. И Милосердный Господь простил его, восстановил в апостольском звании и повелел ему *пасти овец Своих* (ср.: Ин. 21, 17).

Апостол Павел по обращении своем ко Христу в Таинстве Крещения получил такое обилие благодатных даров Святого Духа, которые содействовали ему во всех трудах, и он больше всех потрудился в деле распространения христианства, и защиты его, и благоустроения Церкви Христовой (ср.: 1 Кор. 15, 10). Он был избранным сосудом Благодати Божией и употребил это избранничество для прославления Христа. Силою благодати Божией Апостолы Христовы привлекали ко Христу сердца людей, а их действия ознаменовывались чудесами. Такова сила благодати Божией!

Братия и сестры! Апостол Петр учит нас, как надо каяться в своих грехах, пример Апостола Павла — свидетельство безграничной силы благодати Божией, содействующей нашему спасению. Эту спасительную силу мы получаем в молитве и Таинствах Крещения, Покаяния и Причащения Тела и Крови Христовой. Благодать Божия действует в нас, но не без нас, а только в силу нашего стремления к очищению сердца и жизни и соединению с Богом. В ответ на это стремление Огонь Божественной благодати невидимо попаляет терние всех наших грехов и очищает душу от греховной нечистоты.

Однако, и получив благодать Божию, мы часто теряем ее и потому бываем немощны и духовно слабы. Это происходит от возвращения к греховной жизни и оттого, что мы не возгреваем ее молитвой, трудом, покаянием, добрыми делами. Искреннее сердечное покаяние во всех грехах возвращает потерянную благодать Божию. Поэтому нельзя забывать грехов на исповеди и скрывать их, нельзя отлагать покаяние на долгое время. Оно должно быть полным, с сердечным сокрушением. Такому покаянию способствует подготовка: молитва, пост, воздержание, прощение обид, воспоминание всех своих согрешений, вольных и невольных.

Запечатлеем в сердцах своих воспоминание о покаянии Апостола Петра и обращении Апостола Павла. Будем подражать им в вере, любви, покаянии, ревности по Бозе, в прославлении святого Имени Его.

Святые первоверховные апостоли Петре и Павле, молите Бога о нас. Аминь!

Протоиерей Алексий ГЛУШАКОВ

Логико-богословский трактат в «Путеводителе» преподобного Анастасия Синаита

Имя преподобного Анастасия Синаита известно русскому читателю, можно сказать, с самого возникновения древнерусской книжности, ибо основную часть «Изборника Святослава 1073 года» — второго по древности из сохранившихся письменных памятников нашей культуры — составляет перевод «Вопросов и ответов» этого Отца Церкви. Традиция переводов его творений (хотя и не очень активная) никогда не истощалась на Руси вплоть до начала XX века, когда было издано несколько таких переводов [1]. В основном это были произведения духовно-аскетического и этического характера, например «Беседа на 6-й псалом», которая выдержала пять изданий (последнее — в 1911 году), выдержки из «Трех слов об устроении человека по образу и подобию Божию» [2]. Но перевод одного из основных полемико-богословских трудов преподобного Анастасия — «Путеводителя», осуществленный Д. Болховитиновым, так и остался в рукописи. Однако если традиция переводов трудов преподобного Анастасия не угасала в России, то хуже обстоит дело с исследованием его творчества: практически нет ни одной серьезной аналитической статьи или монографии. На русском языке имеется только одна безымянная популярная брошюра, пересказывающая некоторые взгляды преподобного Анастасия Синаита [3].

Следует отметить, что и в западной историографии, богатой патрологическими исследованиями, этот Отец Церкви до самого последнего времени также оставался в тени. Работы, непосредственно касающиеся его творчества, можно пересчитать по пальцам [4]. Основная причина столь скудного освещения личности и миросозерцания преподобного Анастасия заключается в том, что до сих пор точно не установлено подлинное авторство многих из одиннадцати произведений, приписываемых преподобному Анастасию, не говоря уже о произведениях, фигурирующих под именем некоего «Анастасия» [5], которые вызывают споры в научном мире.

Основа серьезного изучения наследия преподобного Анастасия Синаита была заложена двумя статьями известного католического знатока патристических текстов (ныне покойного) М. Ришара. В первой из них он установил, что «Путеводитель» имел две авторские редакции: первоначально преподобный Анастасий выпустил в свет это произведение чуть позднее 641 года, а затем переработал его после 681 года, исправив и собственноручно добавив ряд схолий*. Вторая статья посвящена выяснению подлинной рукописной традиции другого произведения преподобного Анастасия Синаита — «Вопросов и ответов» (обе статьи перепечатаны в посмертном сборнике трудов М. Ришара [6]). Дело М. Ришара продолжил католический ученый К. Х. Утеманн. Ему принадлежит заслуга критического издания двух томов произведений преподобного Анастасия Синаита в греческой серии «Корпуса христианских авторов» [7] и отдельно «Антимонофизитских апорий» этого автора [8]. Поскольку обзор содержания второго тома представлен в нашей рецензии на это издание [9], остановимся более подробно на «Путеводителе».

1. «Путеводитель» преподобного Анастасия Синаита: характер и структура произведения

Синайский монах и пресвитер Анастасий за свою почти вековую жизнь (610—701 годы) был свидетелем многих событий одного из самых смутных столетий в истории Византии, которое не случайно считается историками «темным веком» [10, с. 133]. Дестабилизация экономического и социального бытия византийского общества, нашествия аваров и славян, натиск персов, а затем и смертельная угроза со стороны арабов — все это поставило империю ромеев на грань катастрофы. К этому добавились церковные нестроения, связанные с христологическими спорами; начиная с конца IV века они резко возрастали. Если Православной Церкви удалось достаточно быстро нейтрализовать ересь Аполлинария Лаодикийского, то борьба с Несторием была более упорной и длительной. Но и она окончилась для Православия достаточно благополучно: несторианство в течение двух десятилетий было отодвинуто на Восток и больше не представляло серьезной угрозы. Однако не успели утихнуть страсти вокруг бывшего Константинопольского Патриарха

* Схолия — краткое поучение на полях рукописи.

Нестория, отправленного в ссылку, как возникло монофизитство, которое стало самой значительной по масштабам, самой трагической по последствиям для Церкви ересью той эпохи [11, с. 116]. К концу VI века монофизиты перетянули на свою сторону большинство христианского населения двух важнейших областей империи, Сирии и Египта, и возобладали в Армении; в этих районах образовалась особая монофизитская иерархия, не зависимая от православной. Это нанесло удар по самому чуткому нерву «имперского сознания» византийцев, базирующегося на идее «симфонии» гражданской и церковной властей и не допускающего мысли о единстве государства без единства веры. Поэтому с воцарением Ираклия (610—641 годы) в высших слоях византийского общества, как светских, так и духовных, вызревает тенденция к компромиссу с монофизитами, оформившаяся в ересь монофелитства, которая вновь привела к расколу в Православной Церкви [12].

Преподобный Анастасий, подвизаясь на горе Синай, находящейся между Палестиной и Египтом и славной иноческими подвигами, оказался в самой гуще догматических споров и принял в них живое участие. Часто посещая Египет и Палестину, он ревностно вступал в борьбу за правую веру. Плодом этой борьбы явились несколько его полемических произведений, в первую очередь «Путеводитель». Долгое время данное произведение считалось многими исследователями компиляцией некоего анонима, но К. Х. Утеманн убедительно доказал всю несостоятельность аргументов сторонников подобной точки зрения. Следуя по стопам М. Ришара, он констатировал, что входящие в «Путеводитель» трактаты написаны преподобным Анастасием в период между патриаршеством Кира (631—641 годы) и VI Вселенским Собором (681 год). Около 686—689 годов преподобный Анастасий собрал все эти трактаты воедино, переработал и снабдил схолиями. В результате и возникло сочинение «Путеводитель» в его нынешнем виде.

Оно состоит из 24 глав, причем членение на главы не всегда совпадает с входящими в «Путеводитель» трактатами. Первая глава распадается на три части и служит как бы общеметодологическим введением для всей книги: в ней автор разъясняет общие правила и основы богословской полемики. Далее следует интересующий нас трактат, представляющий «собрание логических определений» (глава II). О нем речь ниже. Третья глава содержит «Произведение о православной вере монаха Анастасия», а вторая часть ее кратко резюмирует правила, которых должен придерживаться православный в диспутах с монофизитами. Четвертая глава — послание преподобного Анастасия к «кафолической Церкви в Вавилоне», кратко описывающее историю ересей. Затем идет сводка о Вселенских Соборах (глава V) и изложение возникновения и истории монофизитства с указанием на «аристотелевские истоки» его (глава VI). Седьмая глава объясняет православный смысл учения о двух природах Иисуса Христа, а в восьмой приводятся доказательства из Священного Писания того, что «природа» и «лицо» не являются тождественными понятиями. Продолжая эту тему, девятая глава толкует о различии «природы» и «ипостаси», опираясь на Никейский Символ веры и патристическую традицию. Десятая глава включает в себя запись четырех диспутов с монофизитами, состоявшихся в Александрии; конец этой главы органично смыкается со следующей главой, в которой трактуется формула «единой природы» в употреблении святителя Кирилла Александрийского. Далее следуют аргументы против теопасхизма* монофизитов (глава XII) и полемика против учения Юлиана Галикарнасского и гаинитов** (главы XIII—XIV). В пятнадцатой главе преподобный Анастасий выступает против послания монофизитского Патриарха Александрии, а затем переходит к рассмотрению вопроса о «совоплощении» Отца и Святого Духа с Сыном (главы XVI—XVII). В последующих главах затрагивается проблема употребления антропологической парадигмы в христологии (главы XVIII—XIX), приводятся апории***, направленные против монофизитов (глава XX) и резюмируется предшествующая аргументация (глава XXI). В заключение своего произведения преподобный Анастасий обсуждает герменевтические проблемы «доказательств от Священного Писания и Отцов» (глава XXII) и еще раз возвращается к полемике против гаинитов и тритеитов**** (главы XXIII—XXIV).

Как видно из обзора содержания «Путеводителя», он представляет собой довольно пестрое произведение. Но несмотря на такую пестроту, оно объединяется единством темы борьбы с различными течениями в монофизитстве, хотя попутно преподобный Анастасий делает также полемические экскурсы, направленные против монофелитов, несториан, оригенистов и иудеев. Другими словами, в этом сочинении, словно в зеркале, отразились многие аспекты бурных христологических споров. В основе этих споров лежала сотериологическая проблема, трудно поддающаяся адекватному восприятию,— проблема восстановления «падшего человечества» в лице Иисуса Христа, соединившего в Себе Божественную и человеческую природы. Центральным нервом этой проблемы являлась идея обожения, которая «составляла самое зерно религиозной жизни

---

* Теопасхизм — учение о страдании Бога.

** Гаинитство — одно из течений в монофизитстве.

*** Апория — логическое затруднение, непреодолимое противоречие при разрешении проблемы.

**** Еретическое учение, разделявшее Единое Божество на три самостоятельные ипостаси.

христианского Востока [13]. Поэтому христологическая проблема неразрывно увязывалась с тринитарным учением, экклезиологией, антропологией и прочими частями христианского вероучения [14]. Одновременно «в борьбе с несторианством обнаружилась вся неясность и неточность тогдашнего христологического языка, то есть нетвердость всего строя христологических понятий. Слова путались и двоились и увлекали за собой мысль: у слов есть своя магия и власть. Снова потребовалось великое напряжение аналитической мысли, чтобы выковать и вычеканить понятия и термины, которые не мешали бы, но помогали опознавать и исповедовать истины веры, как истины разума,— чтобы стало возможным без двусмысленности и противоречий говорить о Христе Богочеловеке» [15]. И не случаен тот факт, что именно в период христологических споров возникают такие новые литературные жанры, как «собрания определений» и «антологии христологических апорий», являющиеся своего рода точкой соприкосновения богословия и философии [16]. Мы уже имели случай говорить о широком внедрении методов логического решения богословских проблем в VI веке [17]. И в VII веке такая богословско-логическая работа продолжается (в первую очередь, преподобным Максимом Исповедником и преподобным Анастасием Синаитом), найдя свое завершение в «Диалектике» преподобного Иоанна Дамаскина. Публикуемый ниже перевод трактата Анастасия Синаита (глава II «Путеводителя») является одним из плодов ее. Но прежде хотелось бы привлечь внимание к некоторым общемировоззренческим посылкам этого автора, высказанным им в самом начале «Путеводителя» (глава I), без которых трудно оценить и сам трактат.

2. Общемировоззренческие установки и принципы богословской полемики преподобного Анастасия Синаита

Знаменателен сам зачин сочинения: «Прежде всего следует вести жизнь благочестивую и иметь (в себе) вселившийся Дух Божий» [I, 1, §§ 4, 5]*. Этими словами преподобный Анастасий Синаит утверждает, что основой всякого христианского любомудрия является «духовное делание», и в первую очередь нравственная жизнь. Тема единства «делания» и «созерцания» — постоянный лейтмотив многих святоотеческих творений, и преподобный Анастасий возвращается к ней в своем трактате: «Устроение смертной сущности всех нас, состоящей из разумной и мыслящей души и из сочетания (материальных) стихий, то есть плоти, было дано (нам) от премудрого Творца, дабы благо зиждилось на добродетельной и безупречной жизни, проистекающей от благочестивой веры и соблюдения заповедей. Ибо ни тело само по себе, лишенное души, не стяжает жизни, ни соблюдение заповедей без (сохранения) православия не приносит пользы человеку. Ведь что есть душа для тела, то и православие для духа [I, 3, §§ 3—10]. Таким образом, преподобный Анастасий недвусмысленно подтверждает главный постулат христианского вероучения и мироощущения: делание добрых дел и осуществление заповедей — ничто, если не подкрепляется правомыслием, ортодоксией (и наоборот). Естественно возникает вопрос: в чем же состоит эта ортодоксия и на чем она зиждется?

Преподобный Анастасий прежде всего отвечает такой максимой: «Не следует внимательно исследовать (буквально: «ощупывать») сокровенные истины нашего учения и не следует (вникать) в то, о чем умолчало Священное Писание» [I, 1, §§ 15, 16]. Здесь отчетливо указывается на пределы испытующего разума человека, которому не все подвластно и который не должен преступать своих границ: вторгаться в сокровенные истины, дарующиеся Откровением. Свое наиболее полное воплощение данные истины находят в Священном Писании. Отсюда — другая максима преподобного Анастасия, которая гласит: «Следует со страхом Божиим изучать все Писание, и не со злым умыслом, но в простоте сердечной» [I, 1, §§ 13, 14]. Характерно здесь подчеркивание роли сердца, которое, «по аскетическому преданию христианского Востока, есть средоточие человеческого существа, корень деятельных способностей, интеллекта и воли, точка, из которой исходит и к которой возвращается вся духовная жизнь» [18, с. 105]. И преподобный Анастасий Синаит верен этому аскетическому преданию: только через сердце возможен человеку доступ к высшим истинам Откровения, запечатленным в Священном Писании. Однако Писание, хотя и является главным столпом Истины, не есть единственный столп. На это указывает преподобный Анастасий, говоря: «Следует отметить, что некоторые предания Церковь восприняла устно, как, например, приобщение (Святых Таин) натощак, молитва лицом к востоку; (предание), что Богородица осталась Девой и после Рождества (Христова), что родила Она в пещере и многое другое» [I, 1, §§ 22—26]. Следовательно, наряду со Священным Писанием преподобный Анастасий выдвигает и устное Предание как второй основной критерий правильного понимания истин веры. Но он имеет в виду и третий критерий. Преподобный Анастасий констатирует, что всякий религиозный диспут может преследовать две цели: убеждение посредством изречений Писания и убеждение «посредством действенных доказательств», и последнее более сильно и быстро ведет к постижению истины.

* Здесь и далее римская цифра указывает номер книги, первая арабская — номер главы.

«Должно знать, что если ты приводишь свидетельство (Писания), то еретик или иудей тотчас приводят другое свидетельство. Поэтому тот, кто может (вести беседу) посредством действенных доказательств, выступает навстречу противнику закованным в более крепкую броню» [I, 1, §§ 27—34]. Однако не совсем ясно, что понимает преподобный Анастасий под этими «действенными (реальными, фактическими.— *Авт.*) доказательствами». Одно место «Путеводителя» несколько проясняет данный вопрос. Преподобный заявляет, что еретики и неверующие посрамляются в большей степени «с помощью вещей», чем с помощью слов. Когда, например, речь идет о «спасительных страстях и Кресте Христовом», то в качестве аргументов надо выставлять некие «действительные изображения и рисунки», начертанные на дощечке и снабженные надписью [XII, 1, §§ 21—30]. Такие изображения Распятия с надписью: «Бог Слово, разумная душа и тело» позволяют опровергать еретиков не только «словесно и с помощью Писания», но и «действенно», или реально, с помощью как бы «фактических доказательств» [XII, 3, §§ 6—12]. Еще одно место в «Путеводителе» также проливает свет на интересующий нас вопрос. Автор пишет: «Поскольку предварительному постижению и различению действенных определений присуще быть прочным основанием и незыблемым краеугольным камнем всякой разумной мудрости, то они должны предшествовать настоящему рассуждению, как надежные путеводители» [I, 3, §§ 19—22]. Иначе говоря, в число «фактических доказательств» входят и логические определения.

Стало быть, согласно преподобному Анастасию, православный образ мыслей (ортодоксия) должен базироваться на очень широкой основе: хорошем знании Священного Писания, знакомстве с устным Преданием, умении оперировать «наглядными доказательствами» и прекрасном владении всем инструментарием логики. Знание системы логических доказательств и определений является необходимым условием всякого богословского спора. И недаром преподобный Анастасий называет такое знание «крепким основанием и незыблемым фундаментом всякой разумной мудрости», без него не может быть никакого христианского любомудрия. Одна из схолий в «Путеводителе» увещает читателей: «Пусть любитель знания не остается в неведении относительно того, что трудолюбиво исследующий предлежащие определения легко усвоит и весь смысл (христианских) догматов, который заложен в этих определениях» [II, 8, §§ 83—86*b*]. Своих же оппонентов преподобный Анастасий высмеивает за их философскую несостоятельность: «Они догматствовали о природе, но не ведали, каково определение природы; спорили об ипостаси, но не знали, что такое ипостась». Отсюда все их «догматствование о Христе» превращалось как бы в «ночную схватку», или «битву слепых» [I, 3, §§ 26—33]. Следует, однако, подчеркнуть, что для преподобного Анастасия Синаита свободное ориентирование в системе логических категорий не является плодом «интеллектуальной гимнастики». Одна из его максим гласит: «Должно сердцем познать определения, особенно наиболее нужные» [I, 1, §§ 6—7]. Здесь опять акцентируется роль сердца (или груди, души). Только «сердечное понимание», основывающееся на духовном опыте и немыслимое без единства «делания» и «созерцания», позволяет человеку правильно пользоваться логическим инструментарием. Благодаря такому «сердечному пониманию» логика и становится органичной частью всей совокупности христианского вероучения. Без него любой философский или богословский диспут бессмыслен и превращается в пустое словопрение, почему преподобный Анастасий и говорит: «Не следует вообще вести беседу с непосвященными и неразумными, но должно (вступать в диспут лишь) с теми, кому это необходимо, когда это необходимо и поскольку это необходимо для веры» [I, 1, §§ 11—12]. Следовательно, только на основе веры возможен богословский спор.

Преподобный Анастасий намечает и некоторые принципиальные методы этого спора. Прежде всего «следует обстоятельно познать точку зрения противников и пристально изучить их сочинения, ибо мы можем часто посрамлять (своих оппонентов), исходя из их же собственных слов» [I, 1, §§ 7—10]. Далее: «следует различать как сказанное в качестве определяющего суждения, так и сказанное в качестве суждения нейтрального, в несобственном смысле или простодушно» [I, 1, §§ 18—19]. Эти два высказывания Анастасия Синаита ориентируют участника диспута на пристальное и, по мере возможности, объективное изучение взглядов оппонентов. Согласно преподобному Анастасию, в богословском споре необходимо быть предельно внимательным и к собственным словам: «Нам должно знать и не быть в неведении относительно того, что любое догматическое высказывание нельзя произносить необдуманно и без тщательной проверки», ибо каждое такое высказывание (например, о двух природах, действиях и волях Иисуса Христа) может быть «и благочестивым, и нечестивым» [I, 2, §§ 1—5]. Дает преподобный Анастасий и ряд советов, относящихся к самой процедуре богословского диспута: «Когда мы поставим (своим) вопросом противника в тупик, он будет стремиться к тому, чтобы перевести ход рассуждений на другую тему,— этого нельзя допускать. Необходимо до диспута потребовать клятву от противника, что он не будет идти против своей совести ни в одном произнесенном слове. До вступления в беседу нам следует анафематствовать ложные и предвзятые мнения, которые составляют о нас противники» [I, 1, §§ 38—45].

В «Путеводителе» дается также множество более конкретных советов относительно тех условий, которые должны соблюдаться в споре с монофизитами. Поскольку они имеют скорее прикладной, чем общеметодический характер, мы не будем на них останавливаться. Но и приведенных выдержек достаточно, чтобы представить себе основные мировоззренческие посылки и методологические принципы преподобного Анастасия Синаита. Все вышеизложенное позволяет констатировать достаточно высокий уровень культуры идейных диспутов, характерный для того времени. А данный уровень свидетельствует и о высоком уровне православной богословской науки, отразившемся в рассматриваемом произведении преподобного Анастасия Синаита. Но это была наука, коренным образом отличавшаяся от античной науки и философии.

3. Различие христианского любомудрия и греческой философии по учению преподобного Анастасия Синаита

Данное различие преподобный Анастасий осознает четко и недвусмысленно. Он говорит: «Предание кафолической Церкви ни в чем не следует и не идет за определениями эллинских философов, особенно когда это касается Таинства Христа и учения о (Святой) Троице, но богоподобно приводится в созвучие с евангельским и апостольским каноном. Ибо Таинство Божества превышает физические определения и законы; не различая этого, еретики догматствуют о Боге с помощью общепринятых и натурфилософских понятий, а поэтому впадают в заблуждение. Вследствие чего святой апостол Павел и сказал, что он проповедует Христа *не в убедительных словах человеческой мудрости* (1 Кор. 2, 4—6), поскольку *безумием перед Богом* (1 Кор. 3, 19) является общепринятая философия» [I, 3, §§ 42—53]. Трудно более резко разграничить христианское любомудрие и эллинскую философию, чем это сделал преподобный Анастасий Синаит. Здесь он явно придерживается традиции тех Отцов Церкви, которые начиная с Татиана, Феофила Антиохийского и Тертуллиана [19] подчеркивали принципиальную несовместимость двух миросозерцаний. Впрочем, даже те христианские писатели, которые придерживались более позитивного взгляда на греческую философию, например Климент Александрийский, всегда приоритетное значение придавали Откровению: они приписывали греческой философии лишь чисто пропедевтическую роль, считая, что эта философия сама по себе не может вести людей к спасению [20, с. XXX—XXXIII, 21, с. 52—64]. Следуя данной принципиальной линии, проходящей через всю патристическую традицию, преподобный Анастасий Синаит не просто констатирует несовместимость греческой философии с христианским любомудрием, но и указывает конкретные пути их принципиальной несхожести. К читателю он обращается так: «Заметь, что первое определение этой философии гласит: «(Вещам), противоположным по своему естеству, невозможно вступать в соединение друг с другом; например, огонь не может неповрежденно быть соединенным с сеном. А первое определение нашего спасительного (учения) опровергает это философское определение, провозглашая (сочетание) девства с разрешением от бремени, а также общение и единение Божественного огня с противоположным естеством плоти. Второе определение философии (гласит): «Единственная ипостась, объемлющая в себе все, неописуема; но невозможно говорить, что двоица или троица неописуемы, ибо двоица становится познаваемой, когда описуется единица. А святая Церковь исповедует неописуемого Бога в трех Ипостасях. Опять же Платон говорит: «Отцовство есть предсуществование сыновства». Церковь же утверждает, что Сын прежде (всех) век сосуществовал и был собезначален с Отцом. Зная это, богоносный Василий говорит Амфилохию: «Природа и сущность, по церковному учению, едины». Говоря «по церковному учению», (святой) Отец обозначил тем самым, что по эллинскому (учению) сущность и природа не одно и то же» [I, 3, §§ 54—73]. Высказываясь подобным образом, преподобный Анастасий Синаит дает отчетливо понять, что христианские догматы не вмещаются в категории языческой философии; они *для Еллинов безумие* (1 Кор. 1, 23) и суть неразрешимые антиномии, хотя сами по себе являются лишь антиномиями «чистого разума», находящими разрешение в свете опыта Откровения.

К данной теме преподобный Анастасий постоянно возвращается на протяжении всего «Путеводителя». Так, еще в одном месте этого сочинения говорится: «Кафолическая Церковь Божия догматствует о Христе не по-аристотелевски и по-эллински, но, как часто я говорил, по-евангельски и по-апостольски, не в *убедительных словах* пифагорейской *мудрости* (1 Кор. 2, 4), *чтобы не упразднить креста Христова* (1 Кор. 1, 17). Ибо Аристотель говорит, что природа есть начало движения и покоя, а благочестивое Предание апостолов не исповедует относительно Божественной природы, что она есть либо начало движения, либо конец (его) или покой» [VIII, 5, §§ 113—119]. Характерно здесь противопоставление «аристотелевского» и «христианского», являющееся одним из лейтмотивов «Путеводителя». Верующие не должны воспринимать «Христовы догматы» на манер «эллинских и аристотелевских учений» [VI, 2, §§ 27—31] Еретиков преподобный Анастасий постоянно упрекает в том, что они следуют канонам перипатетической философии [VI, 2, §§ 1—17; XVII, 56—59], или «рассуждают по-аристотелевски, в соответствии с опре-

делением эллинской философии» [IX, 2, §§ 65—67]. Наоборот, «святая Церковь, избегая аристотелевского и эллинского суеословия, верует в (догматы) о Христе по-евангельски и по-апостольски» [IX, 2, § 74—78]. Другими словами, для преподобного Анастасия «аристотелевское» является синонимом «эллинского» (языческого), а поэтому может быть только антитезой христианского. Здесь он опять полностью единодушен с предшествующей патристической традицией, для которой (особенно для святителей Григория Богослова и Епифания Кипрского) Аристотель всегда символизировал ложный путь познания, а его философия представлялась «слишком человеческой» и «слишком мирской» [22, с. 1—34].

Вообще должно отметить, что письменная святоотеческая традиция для преподобного Анастасия Синаита, как и для всех православных писателей, является, наряду со Священным Писанием и устным Преданием, еще одним главным «столпом и утверждением Церкви», по выражению Иринея Лионского [23, с. 120]. «Путеводитель» весь насыщен цитатами из святых отцов, и одно место его весьма показательно в данном плане: «Мы, с помощью Христовой, от младых лет воспринимая по частям от отеческого Предания научение в определениях, видим, как с помощью его все (наши) противники слабеют и обращаются в бегство перед Богом. Поэтому и увещаем (вас) прежде всего радеть о знании определений, особенно тех, которые относятся к догмату о Христе, дабы не быть вам слепыми варварами, хотя бы и варвар беседовал с вами» [I, 3, §§ 34—41]. Данные слова показывают, что преподобный Анастасий Синаит опирался не только на святоотеческое Предание вообще, но и на специфическую отрасль его, которую можно обозначить как «традицию патристической логики». Эта традиция, хотя и впитала в себя некоторые элементы античной логики, является вполне независимым и самостоятельным этапом в развитии европейской логической мысли. В лице преподобного Анастасия, как и прочих представителей патристической логики, христианское «богомыслие» отчетливо самоосознает себя в качестве антитезы античной логики. Здесь еще раз и в новом аспекте «церковный гнозис» противополагает себя «эллинскому мудрованию». В. Н. Лосский сделал одно чрезвычайно точное наблюдение: «Богословие Православной Церкви, а оно всегда богословие сотериологическое, никогда не вступало в союз с философией с целью построения научного синтеза. Несмотря на все свое богатство, у восточной религиозной мысли не было своей схоластики. Если в ней и имеются элементы христианского гнозиса, как у святителя Григория Нисского, преподобного Максима Исповедника или в «Физических и богословских главах» святителя Григория Паламы, эти философские теории всегда подчиняются центральной идее соединения с Богом и не становятся типичными системами. Не оказывая особого предпочтения какой-либо одной философской системе, Церковь всегда вполне свободно пользуется философией и другими науками с апологетическими целями, но она никогда не защищает эти относительные и изменчивые истины, как защищает непреложную истину своих догматов» [18, с. 57]. Пример преподобного Анастасия Синаита еще раз подтверждает верность данного наблюдения. Только осознав свободную независимость, с какой он оперирует методами логико-философского мышления, и поняв органичную включенность этого мышления в общую сотериологическую перспективу христианского вероучения, можно объективно оценить логико-богословский трактат преподобного Анастасия.

Несколько слов следует сказать и о форме трактата. По своему жанру он относится к тем «собраниям определений», о которых речь шла выше. Предшественниками преподобного Анастасия Синаита в данном отношении были Ефрем Антиохийский, Анастасий I Антиохийский, диакон Рустик и Феодор Раифский; одновременно с преподобным Анастасием Синаитом в этом жанре пробовал перо и преподобный Максим Исповедник. Наконец, указанный жанр нашел также отражение в патристическом флорилегии* «Учение отцов о Воплощении Слова» и в ряде анонимных «собраний определений», некоторые из которых еще не изданы [24]. Как отмечает К. Х. Утеманн в своем предисловии к изданию «Путеводителя» (с. CCXXI—CCXXXVIII), рукописная традиция свидетельствует о том, что данный трактат жил не зависимой от «Путеводителя» жизнью: он неоднократно переписывался и перерабатывался. Подобная самостоятельная жизнь трактата, отразившаяся в разветвленной рукописной традиции, позволяет констатировать тот факт, что он не потерял своей актуальности для образованных кругов византийского общества вплоть до XV века. Хотя сам преподобный Анастасий говорит: «Ибо немногие, особенно в нашем поколении, прилагали усердие и труд к тому, чтобы научиться определениям и понять их» [1, 3, §§ 22—25], однако такие «немногие» всегда находились на протяжении многовековой истории Византии и культура богословско-логического мышления здесь никогда не иссякала. Исихатские споры — заключительная драма этой истории — яркий пример тому. Хотя, конечно, эти споры не «могли быть разрешены философскими методами», ибо очень многое в них «принадлежит области непосредственной мистической интуиции» [25, с. 49], тем не менее проблемы логики играли в столкновении защитников и оппонентов исихазма немалую роль.

* Флорилегия — сборник богословских поучений святых отцов.

В частности, в полемике Иоанна Кантакузина с Прохором Кидоном вопросу о силлогизмах уделялось серьезное внимание [26]. Это еще раз свидетельствует о непрерывности традиции патристической логики в Византии.

Перевод трактата осуществлен с издания К. Х. Утеманна. Опускается лишь раздел об этимологии, не имеющей богословско-философского значения. Перевод снабжен небольшими примечаниями, в основном терминологического характера; при этом использовался известный патристический словарь Г. Лампе [27].

ЛИТЕРАТУРА

1. Cyprien Kern. Les traductions russes des rextes patristiques. Guide bibliographique. Chevetogne, 1957. P. 23.

2. Преподобный Анастасий Синаит. Из слова об образе Божием (отрывок). Анастасия пресвитера на горе Синае слово 3-е. Анастасия пресвитера слово о творении Божием по образу и подобию (отрывок). Перевод с греческого студента Валентина Металлова. // Труды студентов Императорской Московской Духовной Академии. Вып. II. Сергиев Посад, 1915.

3. Святой Анастасий Синаит и его духовное учение. М., 1881.

4. Altaner B., Stuiber A. Patrologie. Leben, Schtiften und Lehre der Kirchenväter. Freiburg—Basel—Wien, 1978. S. 525—526, 661.

5. Clavis Patrum Graecorum. V. III. Cura et studio M. Geerard. Brepols—Turnhout, 1976. S. 453—456.

6. Richard M. Opera Minora. T. I—III. Brepols—Turnhout, 1976. S. 29—42, 39—56.

7. Anastasii Sinaitae Viae Dux. Cuius editionem curavit Karl—Heinz Uthemann // Corpus Christianorum. Series Graeca. V. 8. Brepols—Turnhout. 1981; Anastasii Sinaitae Sermones duo in constitutionem hominis secundum imaginem Dei necnon Opuscula adversus Nonotheletas. Edidit Karl—Heinz Uthemann // Corpus Christistianorum. Series Graeca. V. 12. Brepols—Turnhout, 1985.

8. Uthemann K.—H. Antimonophysitische Aporien des Anastasion Sinaites // Byzantinische Zeitschrift. Bd. 74. 1981. S. 11—26.

9. Византийский Временник. Т. 50. 1989. С. 204—205.

10. Herrin J. The Formation of Christendom. Oxford, 1987. S. 133.

11. Шмеман А. Исторический путь Православия. Париж, 1985. С. 116.

12. Сидоров А. И. «Монофелитская» уния по свидетельству «Повествования о делах армянских» // Историко-филологический журнал. № 3. 1988. С. 162—170; Сидоров А. И. История монофелитских споров в изображении Анастасия Синаита (Sermo III) и Псевдо-Анастасия Синаита (Synopsis de haeresibus et synodis, 18—26) // Византийский Временник. Т. 50. 1989. С. 93—105.

13. Попов И. В. Идея обожения в древневосточной Церкви // Вопросы философии и психологии, № 97, 1909. С. 165.

14. Meyendorff J. Initiation á la theologie byzantine. L'histoire et la doctrine. Paris, 1975. P. 45—46.

15. Флоровский Г. В. Византийские Отцы V—VIII вв. Париж, 1933. С. 6—7.

16. Grillmeier A. Christ in Christian Tradition. V. II. Patr I. London—Oxford, 1978. S. 82—87.

17. Сидоров А. И. Иоанн Грамматик Кесарийский (К характеристике византийской философии в VI в.) // Византийский Временник, Т. 49. 1988. С. 81—99.

18. Лосский В. Н. Очерк мистического богословия восточной Церкви // Богословские труды. Сб. VIII. 1972. С. 105.

19. Warkotsch A. Antike Philosophie im Urteil der Kirchenväter. Christliche Glaude im Widerstreit der Philosophien. München. 1973. S. 30—36, 57—63, 88—126.

20. Миртов Д. Нравственное учение Климента Александрийского. СПб., 1990. С. XXX—XXXIII.

21. Bardy G. Clément d'Alexandrie. Paris, 1926. P. 52—64.

22. Runia D. T. Festugiere Revisited: Aristotle in the Greek Fathers // Vigiliae Christianae. V. 43. 1989. S. 1—34.

23. Троицкий В. Очерки из истории догмата о Церкви. Сергиев Посад, 1912. С. 120.

24. Uthemann K.—H. Die "Philosophisehen Kapitel" des Anastasius I. von Antiochien [559—598) // Orientalia Christiana Periodica. V. 46. 1980. S. 306—315.

25. Архимандрит Киприан (Керн). Антропология св. Григория Паламы. Париж, 1950. С. 49.

26. Iohannis Cantacuzeni Refutationes duae Prochori Cydonii et Disputatio cum Paulo Patriarcha latino epistulis septem tradita. Nuns primum editae curantibus E. Voordeckers et F. Tinnefeld / Corpus Christianorum. Series Graeca. V. 16. Brepols—Turnhout, 1987. S. 9—29.

27. Lampe G. W. H. A Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1978.

А. И. СИДОРОВ

Путеводитель

(Избранные главы)

II, 1. С Богом. Различные определения, изрекаемые в соответствии с Преданием и верой Святой Кафолической Церкви. Собирая из Климента и других святых отцов, их следует, с Божией помощью, убедительно изложить до всякого другого научения тому, кто желает защищать учение благочестия...

Для более точного (понимания) Предания должно знать то, что всякий вопрос или тема обсуждения предполагают некие три соподчиненные вопроса, которыми мы ставим в тупик наших противников. Эти вопросы, например, таковы: «Что есть Бог?», «Почему Он называется Богом?» и «Сколькими способами можно мыслить (понятие) Бога?» И когда мы задаем первый вопрос, то ясно, что взыскуем определение вещи; когда задаем второй — требуем этимологии имени; а когда третий — требуем от наших противников ответа на вопрос о том, сколькими способами можно говорить о Боге.

Схолия. Когда ставится первый вопрос, то обнаруживается определение (вещи); когда второй — становится ясной этимология (названия ее), а третий — обозначаются способы (постижения ее).

Приступающий к изложению вероучительных вопросов без знания определений подобен слепцу, предпринимающему путешествие туда, куда он уже прибыл.

Для начала следует вышеназванным образом произвести исследование определений трояким способом и (ответить на вопросы): «Что есть определение?», «Почему оно называется определением?» и «Сколькими способами мыслится оно?» Определение есть краткое высказывание, обнаруживающее в вещи подлежащую сущность. Говорят, что определения являются словно зрением и очами вещей и как бы определяют и замыкают (в четких границах) смысл мысли. Например, вместо того, чтобы говорить: «Человек есть существо, (состоящее) из плоти, души, разума, крови, (материальных) стихий и многого другого», мы даем такое определение: «Человек есть смертное и разумное живое существо, могущее вместить ум и знание».

Имеется бесчисленное множество определений любой вещи, но вследствие нерадивости нынешнего поколения мы приводим лишь некоторые из них, наиболее главные. Кроме того, должно знать и верить, что (человек), не пожалевший труда для изучения определений, в диспутах легко сможет привести к молчанию риторов и велеречивых болтунов. Ибо когда будут заданы вопросы: «Что есть слово?», «Почему оно называется словом?» и «Сколькими способами (мыслится) оно?», то противник будет поставлен в тупик, поскольку не сможет дать определений и, в конце концов, будет посрамлен как невежда.

Определение определений есть Тот, Кто определяет все, а Сам ничем не определяется; таким единственным определением определений является Бог. Ибо Он есть то, что не поддается определению и обозначению. Трудно же определяемое есть то, что познается лишь отчасти, а не целиком, как, например, Древо Жизни. Для людей существуют три (вещи), непознаваемые по (своей) сущности и не поддающиеся определению: Бог, ангел и души — только (Самим) Богом они познаются по сущности.

Наконец, правильно задающий вопросы обращается к противнику так: «Что (есть) предел?», «Что (есть) неопределенное?», «Что (есть) трудно определяемое?» и «Каково легко определяемое?» Легко определяемое есть осязаемое и подвергающееся тлению, как, например, хлеб и тому подобное. Предел есть неодолимая неподвижность. Неопределенное есть единственное нетварное (Существо), то есть Бог. А трудно определяемое есть тварное и незримое (существо), как, например, ангел, душа и демон.

II, 2. Что (есть) Бог? Почему Он (называется) Богом? В скольких смыслах говорится о Боге?

Бог есть беспричинное Существо, всесильная Причина или некая сверхсущностная Причина всякой сущности. Бог есть безымянное и непостижимое для людей Бытие, созидающее всякое (другое) бытие. Ибо Соломон сказал, что Бог есть *несообщимое Имя* (Прем. 14,21); а «несообщимое Имя» есть то, которое не воспринимается слухом или мыслью ни людей, ни ангелов. В скольких смыслах употребляется в Писании Имя Божие? Ясно, что в двух: (когда говорится о Боге) по естеству и (о Боге) — по причастию[1]; (Бог) по естеству есть Творец, а по причастию и по благодати и праведники называются «богами».

Вопрос: Имя Божие является ли сущностным, личностным, действенным, символическим или метафорическим?

Ответ: Ясно, что оно есть действенное, ибо оно не обнаруживает для нас сущность Божию (познать ее невозможно), но (Имя) «Бог» является только доступное созерцанию действие Его.

Что есть Отец? Почему Он называется «Отцом»? И сколькими способами (мыслится) Отцовство в Боге?

Отцом в собственном смысле слова называется беспричинная, нерожденная и рождающая Ипостась. Она называется «Отцом», поскольку либо оберегает все, либо оберегает собственных чад, ⟨...⟩ . Бог именуется Отцом в двух смыслах: по природе и по благодати; по природе Он — (Отец) собственного и единосущного Бога Слова, а по благодати Он — (Отец) и нас, ибо: *Аз рех: бози есте, и сынове Вышнего вси* (Пс. 81,6).

Что есть Сын? Почему Он называется Сыном? И сколькими способами мыслится Сын?

В собственном смысле слова название «Сын» относится ко второй Ипостаси, когда при тождестве (Божественного) естества либо происходит однородное умножение Лиц, либо исхождение[2] этого естества, познаваемое в сродстве. Также в собственном смысле слова о сыне говорится словно о «таковом» (таком же.— *Прим. переводчика*); ибо каков отец по сущности, таков и (Его) единородный сын: от нетварного — нетварный, от смертного — смертный и от человека — человек. Опять же о сыновстве в Боге говорится в двух смыслах: по природе и по благодати; Сын по природе есть Бог Слово, а (сыны) по благодати суть праведники.

Что есть дух? Почему он называется духом? И в скольких смыслах говорится в Писании о духе?

Дух есть тонкое, невещественное, лишенное образа и исходящее бытие. О Духе говорится словно о «всеповелении», потому что как некое повеление он подает знак всему, и все приводится в движение. О нем говорится в Писании в четырех смыслах: духом здесь называется и Святой Дух, и ангел, и душа, и ветер; иногда и ум также называется духом.

Троица есть, согласно естественному порядку, сочетание единиц, а согласно Божественной сущности — бытие, превышающее число[3].

Вечность есть «вечно божественное», или же то, что никогда не начинается и никогда не прекращается. Ведь отнюдь не всякое неконечаемое (существо) является и безначальным: ангелы и души имеют начало (своего) бытия, но не имеют конца (его).

Своеобразием называется то, что подлинно распознается в каком-либо естестве, но никоим образом не наличествует в другой сущности. Например, способность смеяться в человеке, которая отсутствует в любом другом естестве.

II, 3. О природе. Что есть природа? В скольких смыслах говорится о ней? Почему она называется природой?

В соответствии с церковным образом мыслей, природа есть истинное существование вещи, а согласно Аристотелю и прочим эллинам, она определяется многоразличным образом, и в этих (многочисленных) определениях заблудились севериане. По божественному Апостолу, природа есть все то, что существует истинным образом, а не то, что изрекается как плод воображения — об этом мы скажем впослед-

ствии более подробно. Церковь называет природой истинную реальность существующих (вещей), или же воосуществленность[4] их. Она именуется природой потому, что произведена на свет и есть, так же как и сущность (называется сущностью) в качестве сущей и познаваемой в действительности. По церковному учению, природа, сущность, род и вид суть одно и то же, как одним и тем же является артос, псолион и вукин*. Поэтому одним и тем же являются воосуществленное и природное. Как было сказано, для обозначения природы используются четыре понятия: «сущность», «природа», «род» и «вид».

Схолия. Что касается (выражения) «по природе», то, исходя из Ветхого и Нового Заветов, можно сказать, что (слова): «Христос по природе Бог и по природе человек» означают то же самое, что и (слова): «Он, будучи истинным Богом, становится непреложно истинным человеком». И мудрый Соломон говорит о нечестивых людях: *Суетни убо вси человецы естественне, в них же обретается неведение о Бозе* (Прем. 13,1). А божественный Апостол говорит о нас, (в прошлом) язычниках: *И мы все... некогда... были по природе чадами гнева* (Еф. 2,3). Если бы люди нечестивые были по природе и естественным образом суетными, то они были бы и безукоризненными. Ибо те (черты), которые присущи нам от природы и естественным образом, суть безупречные и безукоризненные, поскольку они сотворены в нас естественным образом Богом. Как, например, способность дышать, есть и спать. Тогда обнаружится, что Бог естественным образом сотворил в людях суетность. Следовательно, если бы мы были по природе чадами гнева, то причина этого восходила бы к Богу, сотворившему нас таковыми. Ведь «по природе» означает то, что существует так сущностным образом, как, например, естеству света по природе присуще светить, огонь по природе сотворен (способным) жечь, а земля создана (способной по природе) рождать (плоды). И еретикам предлагается сказать одно из двух: либо что естества суетности и гнева создал Бог, либо что «по природе» означает только сущее в действительности. Поэтому и трудно бросить какой-либо упрек нам, говорящим: «Христос по природе есть Бог и по природе человек», то есть утверждающим, что Он есть «поистине Бог и поистине человек». Таково это предание и определение, которое мы выводим из Ветхого и Нового Заветов. И никакой учитель, ни ангел с неба не могут ни ввести новшество в него, ни разрушить его вовек.

* Названия хлеба. (*Прим. переводчика*).

Об ипостаси. Что (есть) ипостась? Почему (она называется) ипостасью? В скольких смыслах говорится об ипостаси?

Ипостась, согласно церковному и апостольскому преданию, есть лицо или образ[5]; как говорит Павел, Сын есть *сияние славы* Отчей и *образ ипостаси Его* (Евр. 1,3), то есть единосущное лицо образа и ипостаси Отца. Мы говорим о «лицах» и «образах» в отношении Бога как о нетелесных, неописуемых и не имеющих формы. Согласно святым отцам, лицо, или ипостась, есть нечто собственное по сравнению с общим, ибо природа есть некое общее начало в каждой вещи, а ипостаси суть индивидуальные особенности. Например, природа или сущность есть единое Божество, а Ипостасей (в Божестве) три: Отец, Сын и Святой Дух — Три Лица, или Образа, единая же сущность, или род. Когда ты говоришь: «Божество хранит нас», то обозначаешь всю Святую Троицу; а если скажешь: «Сын Божий с нами», то будешь говорить об одной из трех Ипостасей и целом Божестве[6].

Еще раз послушай об этом: Божество означает общее начало, или целокупность сущности; Отцовство — одно Лицо, или Ипостась, Сыновство — другая Ипостась, а Святой Дух — третья. Три ипостасных свойства в Божестве: нерожденность Отца, рожденность Сына и исхождение Святого Духа, ибо ни Отец не является рожденным, ни Сын исходящим, ни Святой Дух рожденным.

Существует пять обозначений для ипостаси: (собственно) «ипостась», «лицо», «образ», «собственное» и «индивидуум».

Опять о природе. Ангельская сущность называется природой, а ипостасями — собственные имена каждого ангела: Гавриил, Михаил, Уриил, Рафаил. И опять же природой является единое и общее человечество, а ипостаси суть Павел, Фома и остальные лица и образы. Природа есть владычица, причина и родительница ипостасей, входящих в нее; они называются «ипостасями», так как подчинены природе[7], источнику их.

Вновь говорим о том же. Если ты скажешь: «Ангел — прекрасная природа», то обозначишь всю сущность ангелов, а если скажешь: «Велик Гавриил», то будешь говорить об одной ипостаси из всех. Фраза: «Человек жалок» (обозначает) целокупную сущность, а Конон,

Симон и Филон суть ипостаси. Когда говоришь: «Птица легка», подразумеваешь всю сущность, а голубь, соловей, павлин и лебедь суть ипостаси. (Слово) «скот» подразумевает всю сущность скотов, а лошадь, лев и собака являются ипостасями, образами и лицами.

Этот канон определений приложим не только к мыслящим, разумным и одушевленным (существам), но и ко всякому неодушевленному, нечувствующему и неподвижному естеству. Например, когда мы говорим: «Сотворил Бог свет», то обозначаем всю сущность светил. Сама данная сущность разделяется на свои ипостаси, и эти ипостаси естества света суть: луна и звезды, Орион, вечерняя звезда, Большая Медведица, утренняя звезда, Рак и остальные. Равным образом дело обстоит и с ветрами: когда говоришь «дух», то обозначаешь все естество ветров, а когда говоришь «Нот», «Борей» и «Липс», то (подразумеваешь, что) они суть ипостаси. Также и огонь есть единая сущность, которая разделяется на ипостаси: светильники, свечи, лампады, духовые печи и горны. Так же, как уже было сказано, и все человечество есть единая сущность, лиц же — множество.

Святую плоть Христа мы называем не лицом, а сущностью, дабы обозначить, что Он воспринял и спас все совокупное естество наше. Ибо если мы назовем ее ипостасью, то окажется, что мы утверждаем, будто Христос воспринял и спас некоего одного человека. Невозможно называть ее ипостасью, поскольку эта плоть неотделима от Бога Слова, ибо ипостасью называется отдельное лицо. Поэтому мы считаем ее не ипостасью, но воипостасным, ибо воипостасное есть существующее, так же как и неипостасное есть то, что не обладает существованием или сущностью; например, сновидение есть несущее, неипостасное и призрачное. И чтобы сказать в виде определения: неипостасное, несуществующее и несущее есть то, о чем часто говорится, но что не распознается ни в сущности, ни в ипостаси, как, например, ад, смерть и болезнь. В свою очередь, воосуществленным мы называем либо само сущее, либо своеобразие, распознаваемое в сущности: например, разумность и тленность есть воосуществленное человека. Равным образом и слово «воипостасное» употребляется двумя способами: либо (оно обозначает) поистине существующее, либо — своеобразие в ипостаси, как, например, нерожденность в Боге Отце, рожденность в Сыне и исхождение в Духе Святом — об этом говорилось выше.

Свойство есть определенная способность каждой природы, которая отличается и отделяет ее от прочих сущностей, о чем и говорит божественный Дионисий: «Ибо тление есть немощь естества и нехватка естественных свойств, действий и способностей».

II, 4. О воле[8]. Что есть воля? Почему она называется «волей»? Сколькими способами она существует?

Воля есть устремленность мыслящей и разумной души к тому, что любезно ей. Ибо очевидно, что все мыслящее является и волящим; воля, так же как дыхание и жизнь, сущностным образом присуща всякой разумной природе. Она называется «волей», поскольку совместно с природой мощно устремляется к желаемому или к получению и обладанию желаемым. Воля рассматривается в трех своих видах, то есть как Божественная, ангельская и душевная; ведь и сами по себе эти три естества являются волящими. Опять же в Писании мы находим высказывания о трех видах воль: Божественной, естественной (или средней) и плотской; последняя обозначает (волю) диавольскую. Боготворная естественная воля человека есть разумное движение желающей части души, которое в соответствии с природой побуждает человека к (соединению) с предметом желания. Божественная же воля у людей есть поспешание прирожденного и разумного желания от того, что соответствует естеству, к тому, что превышает его. А плотская воля есть страстное извращение естественного в противоестественное.

О своеобразии. Что (есть) своеобразие? Сколькими способами (мыслится) оно? Почему называется «своеобразием»?

Этимология (слова) «своеобразие». Оно называется «своеобразием» от «быть особо», существуя вместе с собственной природой вне смеси с остальными сущностями. Или же (оно называется «своеобразием») от «быть вместе в виде», ибо неотделимы от природ и ипостасей их особенности. Своеобразие, или особенность, есть то, что законным

образом и особо распознается в какой-либо природе, но не обнаруживается в другой. Например, в Божественной природе (имеются такие свойства, как) предвечность, нетварность и неописуемость, которые отсутствуют в любой другой сущности; их нет по сущности и в самом Всесвятом Теле Христовом: ведь оно не является ни предвечным, ни нетварным, ни описуемым и никогда не будет таковым. Своеобразием ангельского естества является бесстрастие сущности и неумолчность славословия; бесстрастием называют бессмертность данного естества. Особенностью же человека, в собственном смысле этого слова, является сочетание смертной и бессмертной природ, которое не наблюдается ни в одной другой сущности.

Есть своеобразия естественные, о которых только что было сказано, а есть своеобразия ипостасные; например, белизна, курносость, чернота, увечность, светлоглазость, ретивость, ленивость и тому подобное — они не обнаруживаются равным образом во всех людях. Ведь не все курносы, не все ретивы и не все светлоглазы. Поэтому некоторые называют ипостасью своеобразное сочетание характерных особенностей, о которых говорилось. А естественные своеобразия равным и подобным образом содержатся во всем роде; например, все люди одинаково смертны и разумны, они одинаково дышат и спят, все имеют ногти, обладают способностью ходить и заниматься земледелием.

Акциденцией называется возникающее и исчезающее; например, младенчество, которое возникает и исчезает по мере возмужания. Равным образом преходящими являются здоровье, болезнь, жара и сухость. Говоря просто: все способное изменяться называется акциденцией.

Сущностная воля есть то общее, что одинаково созерцается во (всей) природе. Если плоть Христа, как говорят святые отцы, добровольно не хотела умереть, то когда такого рода воля обнаруживалась бы в Отце и в Святом Духе, это происходило бы потому, что едина воля плоти и Божества[9].

Естественная воля человека, как утверждают святые Василий и Кирилл, есть жизнелюбие; ведь всякий человек любит жизнь и (любит) видеть свет — это общее желание. Что же касается личных произволений[10] в нашей природе, то их множество. Ибо один человек любит вести одинокую созерцательную жизнь[11], другой — строить дома, третий — землепашествовать, четвертый — бороздить моря и остальные испытывают аналогичные склонности. Мы обладаем многими личными произволениями, но одной естественной волей — любовью к жизни. Человек любит жизнь не в силу случайных причин; наоборот, природа (человеческая своей любовью к жизни) указывает, что она любит и ищет то, чем она обладала с начала своего творения,— само бессмертие.

Божественная воля есть повеления Божии. Естественная воля разумной природы состоит в исполнении воли Божией. А плотская воля есть непослушание закону Божиему.

О действии. Что (есть) действие? Почему оно называется «действием»? Сколькими способами (мыслится) действие?

Как говорит святой Григорий Нисский, «действие есть естественная сила и движение каждой сущности, которых лишено только небытие. То, что причаствует какой-либо сущности, разумеется, сопричаствует и действию, делающему явной ее. Ибо истинное рассуждение может определить границы сущностей, зная неложные действия их». Например, мышление есть действие мыслящих (существ), чувство — чувствующих, полет — птиц, плавание — водоплавающих, рост — произрастающих, ползание — пресмыкающихся, свечение — светящихся, сжигание — воспламеняющих, течение — жидких, зрение — зрячих и рождение — рождающих. Говоря вообще, естественное действие всякой природы есть то, что обозначает и определяет ее: когда оно прекращается, то вместе с ним разрушается и гибнет природа. Ведь с прекращением жара тухнет огонь; когда живое существо лишается движения, оно гибнет; а когда (человек) перестает мыслить, то гибнет мыслящее и рассуждающее (начало его) души. Поэтому мы и говорим о двух волях и действиях во Христе, дабы нам не высказываться о неодушевленном теле и неразумной душе Его. Ибо действием одушевленного тела являются ходьба и труд, а действием разумной души — волящая, рассуждающая и желающая мысль ее.

Не только в одушевленных и движущихся (существах), но и в неодушевленных и неподвижных (тварях) обнаруживаются естественные действия. Об этом свидетельствуют скаммония и (другие) очищающие (растения), обладающие слабительным действием, гидроаргира, производящая смертельное действие, и цикута, также губительная. Удивительно, что некоторые весьма различные природы, лишаясь своих естественных действий, часто порождают другие действия. Например, раскаленный камень теряет свое охлаждающее действие, но приобретает (поскольку его нельзя погасить) способность жечь тело. Равным образом и кедр, когда его обжигают в огне, лишается (своего) растительного, возрастающего и порождающего действия, но ему дарується целительное и уничтожающее червей действие.

Для тех, кто со знанием дела и рассудительно подходят к рассмотрению и суждению о названиях сущих, не составляет труда обнаружить, что большинство наименований всякой существующей вещи соотносится с действием, а не с естеством[12], ибо они имеют имена, производимые от собственных действий. Для доказательства этого следует начать с самого названия и имени Бога. (Слово) «Бог» представляет нам не саму непостижимую и безымянную сущность Творца, но Бог (так именуется) вследствие своего созерцающего действия. Равным образом (слово) «ангел» обнаруживает не саму сущность и бытие природы ангелов, но происходит от возвещающего действия и ангельского служения их. Точно так же и человек называется «человеком» не от сущностного своего качества, но потому что он, устремляя взгляд свой вверх и именуемый «вверхглядящим», единственный из всех живых существ, глядящих в землю, возводит очи горе — поэтому по причине своего «вверхглядящего» действия он и называется «человеком». Другие же говорят, что он именуется «человеком», так как из всех живых существ, ходящих согнутыми и с опущенной вниз головой, он один обладает действием прямохождения.

Если два названия сущностей Христа (я имею в виду наименования «Бог» и «человек») происходят от своих естественных действий, то почему некоторые не стыдятся отрицать два действия в Нем? Они, даже если не приводить никаких свидетельств из Писания и Отцов, посрамляются самими этими наименованиями Христа, то есть обозначением Его как «Бога и человека». Ибо, как мы только что говорили, почти всякая природа именуется от сущностного действия своего. Например, «дева», или «умерщвленный огонь»[13] происходит от «умерщвлять разжигание плоти». И опять же, когда мы говорим «голубь», то обозначаем не естество этого живого существа или качество плоти его, но совершаемое (им) действие — ведь название «голубь» происходит от «быть устойчивым в полете». И другие наименования соотносятся с действием, а не с естеством. В частности, «олень» происходит от «поражать змей», «ласточка» — от «трясти клювом при щебетании», «змей» — от «некогда говорящий или обращающийся с речью к Еве», «антилопа» — от «зорко смотреть, или видеть», «горлица», или «сохраняющая плод» потому, что она «сохраняет свой род» и никогда не вступает во второе супружество; «соловей» — от «всегда петь», летом и зимой; «коршун» — от «кружить на высоте»; «лошадь» — от «поражать супруга»; «эллебор» — от «поражать или убивать пищу», ибо «пища» называется «едой»; «орел», или «вечный год» — от «часто обновляться» и «много жить»; «птица» — от «напрягать крыло»; «река» — потому что она напояет; «поток» — потому что «течет зимой»; «природа» — от «производить на свет ипостаси»; «трава» — от «идти вверх» и «цветок» — от «двигаться или устремляться вверх».

И душа называется «душой» от собственного действия, ибо «дышать» значит «животворить»; поэтому от животворящего действия происходит название души, поскольку она животворит тело.

И можно найти бесчисленное множество других (сущих), если не сказать все, которые получают наименования по своим действиям, ибо действие есть сила природы.

Не одно и то же «действие», «действующий» и «результат действия». Ведь действующим называется само сущее, или реальность сущности. Результат действия есть завершающий итог действия действующего; например, результаты действия Бога суть небо, человек, ангел и всякая тварь. Действие

же называется «действием», поскольку оно есть и проявляется в деяниях. Оно мыслится двояко: как духовное и как чувственное. Чувственное есть то, что зримо, ощущаемо, слышимо и подвержено тлению; умопостигаемое же есть нетленное и вечное, а мыслящее есть то, что созерцает незримые умозрения. Действие называется действием еще и от (глаголов) «действовать» и «совершать».

Не одно и то же «воля», «волящее» и «желаемое». Ибо воля есть мыслящее стремление мыслящей сущности; волящее есть само то, что обладает волей, а желаемое есть объект любви.

II, 5. О соединении. Что есть соединение? Почему оно так называется? Сколькими способами оно мыслится?

Соединение есть общность в сочетании разделенных вещей. Оно называется соединением, потому что «сгоняет вместе» или «собирает воедино» вещи. Можно говорить о пяти видах соединения: смешивающем, например соединение вина и воды, делимом, например соединение человека с человеком, относительном, например соединение народов в вере, аттрибутивном[14], например соединение золота с золотом, единение же Христа превышает все эти (виды соединения) и называется ипостасным. Ипостасное единение есть сосуществующее соединение двух природ в утробе Пресвятой Богородицы. Ведь ни тело, ни душа не существовали там до Бога Слова, но одновременно (стали существовать) плоть и Бог Слово; одновременно Бог Слово и одновременно разумная и одушевленная плоть возникли в Нем. И, как мне кажется, наше зачатие есть прообраз единения Христа: сосуществующим образом сочетаются (при зачатии) душа и тело, ибо ни тело не существует само по себе, ни душа не предсуществует телу.

О единосущном. Что есть единосущное? Почему оно называется «единосущным»? Сколькими способами (мыслится) единосущное?

Единосущное есть то, что неизменно существует относительно той же самой сущности и действия; например, человек — относительно (сущности) человека, ангел — (сущности) ангела, животное — (сущности) животного, пламя — (сущности) пламени; все они суть единая сущность в различных ипостасях. Единосущным называется то, что стяжало подобную сущность и силу. Для обозначения единосущного используется пять понятий: (собственно) «единосущное»; «однородное», «сродное», «одноприродное» и «одноплеменное».

Единосущное есть (также) то, что в большей или меньшей (степени) потенциально (входит) в ту же самую сущность. Например, камень треснутый и камень срезанный, финиковое дерево и эбеновое дерево, плоть рыбы и плоть верблюда.

Инородное же есть то, что во всех отношениях не подобно другому. Например, огонь и вода; человек, Бог и ангел; глина, солнце и трава. Некоторые называют «полусубстанциальной»[15] мертвую плоть, отделенную от жизни. Иноприродное, инородное и разнородное есть то, бытие чего принадлежит к иной сущности.

Схолия. Говорится о каждом из двух, то есть о том и этом, или об обоих.

Новшество есть то, что полностью отошло от закона общей природы и не уподобляется никакому человеческому обычаю. Это определение следует знать, поскольку существуют такие (люди), которые неправильно мыслят о преобразовании[16] (человеческой природы) во Христе. Ведь если Он и преобразил (человеческое) естество, родившись не от семени (мужского), однако после рождения мужал в меру возраста, (испытывал) все телесные (недуги), поглощал пищу и выделял ее, подвергся обрезанию, перемещался с места на место, обладал внешним обликом и членами (тела); у Него росли волосы, зубы и ногти; Он лепетал по-детски и как дитя ходил; всем этим (Христос) обладал не по преобразованию (человеческой природы), но по подобию нам *во всем, кроме греха* (Евр. 4,15), как говорит Павел.

О душе. Что (есть) душа? Почему она называется «душой»? В скольких смыслах говорится о душе?

В Ветхом Завете о душе говорится двояко: как о душе разумной и о душе неразумной — душе скотов и прочих одушевленных (тварей). Разумная душа есть сущность мыслящая, безымянная,

непознанная, разумная, животворящая и сохраняющая тело. Она есть сущность тонкая, нематериальная, безвидная, образ и отпечатление Божие. Она называется душой от «дышать» или потому, что своими действиями животворит тело.

Неразумная душа есть жизненное и согревающее действие крови, приводящее в движение (тело) посредством материального духа. Душа же скотоподобная есть вещественная, действующая, ощущающая и сохраняющая тело сила.

Размышляющий ум есть созерцающее чувство бессмертной и мыслящей души. Ум есть нетелесное зрение, неутомимо проникающее во все (сущие вещи). Сколько видов ума? Мы говорим, что три: Ум Божий, ангел также является умом, и еще наш ум.

Схолия. *Кто познал ум Господень?* (Ис. 30,13; Рим. 11,34; 1 Кор. 2,16).

Умопостигаемое есть то, что мыслится умом; мыслящее же называется так от «зреть мысли».

О теле. Тело, согласно внешним (философам), есть все то, что обладает тремя измерениями, то есть имеет длину, ширину и толщину. Согласно же церковному (учению), оно есть все то, что приведено в бытие из небытия. Ибо *есть тела небесные и тела земные* (1 Кор. 15, 40), и тела небесные не обладают толщиной. Следует знать, что всякая плоть называется телом, но не всякое тело именуется плотью: ибо и звезды называются «небесными телами», но не именуются «плотью небесной».

О теле говорится двояко: о теле материальном и теле тонком. Материальное тело осязаемо и подвержено тлению, тонкое же тело неосязаемо и его нельзя потрогать. Плоть есть сочетание стихий. Она есть сущность текучая, состоящая из крови, флегмы, желчи и (жизненного) сока; или же — из воздуха, земли, огня и воды, то есть из теплого, холодного, влажного и сухого. Солнце порождает теплую и жизненную стихию, воздух — стихию холодную, земля — сухую, а вода — влажную. Стихия есть сущность простая, четвертая доля (всего) творения. Стало быть, когда ты слышишь слова Павла: *ныне уже не знаем ... Христа по плоти* (2 Кор. 5, 16), то знай, что плотью он здесь называет тленную (сущность). Ибо он не говорит: «Ныне уже не знаем Христа по телу», но «по плоти, то есть (утверждает), что (Христос не пребывает) уже в текучей сущности.

О чувстве. Чувств у нас пять: зрение, слух, обоняние, вкус и осязание. Чувственное есть все то, что подпадает под какое-либо из этих пяти чувств. Чувствилище есть целокупный орган (нашего) тела, наблюдающий за чувствами. Чувствующее есть всякое живое существо, обладающее чувством страха и смерти. А умопостигаемое есть то, что недоступно (восприятию) наших пяти чувств.

О тленном. Что есть тленное? Почему оно называется «тленным»? В скольких смыслах (говорится) о тлении?

В Божественном Писании говорится о тлении в двух смыслах: телесном и душевном. Например: *и виде Господь Бог землю, и бе грехом растленна* (Быт. 6, 12); опять же говорится о людях: *растлеша и омерзишася в беззакониих... и начинаниих своих* (Пс. 52, 2; Пс. 13, 1). Наконец, когда ты слышишь слова учителя, что Тело Христа было нетленным до Креста, понимай это так, что оно было нетленным и чистым относительно греха, но не в смысле своей тонкости или чуждости нашим телам. Ибо нетленное в собственном смысле слова есть бесстрастное, нематериальное и неосязаемое; оно есть то, что не может быть повреждено другой сущностью, что совершенно неизменно, неуязвимо и ни в чем не испытывает недостатка. А Всесвятое Тело Христово страдало, ему наносились раны гвоздями и копием, из него истекали кровь и вода, и оно из живого стало мертвым.

Схолия. Некоторые говорят, что Всесвятое Тело Христово было тленным в возможности, то есть могущим воспринять тление, но в действительности оно и во гробе оставалось нетленным благодаря Божеству Слова.

Тленное есть все то, что может воспринимать смерть и отделяться от жизни. Как говорит святой Дионисий, «тление естества есть немощь и недостаток естественных свойств, действий и сил».

Уничтожение есть полная гибель; истребление[17] же — когда одна сущность уничтожается другой, как, например, тело червями.

Вид[18] как сочетание составных частей называется видом, или сущностью; составными частями вида считаются ипостаси, или доли его.

Человек есть разумное, прямоходящее и обладающее широкими ногтями живое существо; или — разумное, материальное и способное смеяться живое существо; или — живое существо, одновременно и неизреченно сочетавшееся из противоположных сущностей; или — разумное и смертное живое существо, способное вмещать ум и знание. Толкование этого определения: «живое существо», поскольку оно отличается от неодушевленной твари; «разумное», поскольку отличается от неразумной сущности; «смертное», поскольку отличается от бессмертного бытия ангелов; «способное вмещать ум и знание», поскольку оно по благодати создано по образу Божиему.

Схолия. В Писании говорится о человеке в четырех смыслах: о Боге как человеке, об ангеле как человеке, о сатане как человеке и, наконец, о внутреннем и внешнем человеке в нас.

Ангел есть разумное, славословящее, огненное и неусыпающее живое существо.

II, 6. О вере. Что есть вера? Почему она называется «верой»? Сколькими способами (мыслится) правая вера?

Вера есть добровольная убежденность.

Схолия. Вера есть то, что существует внутри (человека). Она называется верой от «быть убежденным в чем-либо». Правая вера понимается в двух смыслах: есть вера *от слышания* (Рим. 10, 17), или от проповеди (благовествования), и есть более прочная вера, которая является *осуществлением ожидаемых* (Евр. 11, 1) благ. Верой *от слышания* могут обладать все люди, а вторую веру стяжают только праведные.

Православие есть неложное мнение о Боге и твари; или — истинная мысль обо всем; или — представление о сущих (вещах), как они есть на самом деле.

О слове. Что (есть) слово? В скольких смыслах (понимается) оно? Почему называется «словом»?

О слове говорится в трех смыслах: есть воосуществленное Слово, или Бог Слово; есть внутреннее слово у ангелов и у нас, когда оно произносится мысленно; наконец, есть слово, изрекаемое языком. Слово называется так от (глагола) «говорить». Произнесенное слово есть вестник мысли.

Христианин есть истинное и разумное жилище Христово, построенное из благих дел и благочестивых догматов.

Еретик есть сикофант и порицатель истины, а ересь — ложное мнение о несущем.

II, 7. «**Непреложное**» есть то, что всегда остается одинаковым. «Естественное» есть либо то, что находится в естестве, либо происходящее в соответствии с общим и всецелым обыкновением, либо то, что, как истинное, истинно и познается. «Противоестественное» есть либо то, что Бог создавал не таковым, (каковым оно стало), либо вообще не создавал, например грех и смерть. «Сверхъестественное» есть нечто, усвоившее себе то, что превосходит естество; например, брак соответствует естеству, блуд противоречит ему, а рождение Христа превосходит его. «Обожение» есть восхождение к более высшему (состоянию естества), а не умаление или изменение его. «Домостроительство» есть добровольное снисхождение великого (Бога), совершаемое ради спасения некоторых. «Быть обоженным» означает «быть возведенным в большую славу», но не предполагает изменения собственного естества. «Смешение» иногда означает соединение, а иногда — слияние.

«Скорбь» есть потребность желания, а «желание» — движение жаждущего начала души[19], «жаждущее» есть и «волящее». Поэтому Христос добровольно воспринял достохвальную скорбь[20] в волящую часть (Своей) души. Скорбь называется «скорбью» от «исчезновения». И Христос подлинно скорбел о гибели Иуды, иудеев и Иерусалима (ср.: Лк. 19, 41—44), а скорбя, оплакал их с искренним чувством, явив Себя Человеколюбцем по природе. «Беспокойство» есть некое мрачное расположение души, возникающее при неудаче в достижении чего-либо желаемого. «Возмущение» есть действие яростной части разумной души. «Робость» есть сжимание души в самой себе; она возникает при ожидании чего-либо из нежелательного.

«Самовластное» есть не подвластное

никому, ибо то, что находится под чьей-либо властью, не является самовластным. А если самовластное есть подлинно свободное и беспрепятственное господство над тем, что дорого, то самовластие мыслящей души есть беспрепятственное устремление и движение нашего жаждущего (начала) к добродетели или пороку. Поэтому там не происходит приражения[21] ко злу или добродетели, где не может быть познано самовластие души. Ибо каким образом обнаружится самовластное произволение, когда отсутствует противоположное приражение?

Схолия. Данные определения должны быть отмечены; они относятся ко Христу и к тому, что связано с Ним. Только один ум Христов и всесвятая душа Его были невосприимчивы (ко злу) и не изведали никакого лукавого приражения, ибо *образ раба* (Флп. 2, 7) обуздывался и находился под владычеством Бога Слова, ипостасно соединенного с этим образом. Поэтому и человек, мысленно постигаемый в Спасителе, сказал: *Я ничего не могу творить Сам от Себя* (Ин. 5, 30). Ибо Он, превосходя пределы и законы нашего естества, был рожден (по человечеству) без семени (мужского), существовал как тело и душа Бога и, обоженный, охотно подчинялся (каждому) мановению Владыки.

«Качество» есть воосуществленная сила; например, влажность (присуща) воде, жар — огню, твердость — камню и сухость — земле. «Качество», «свойство», «различие» и «особенность» обозначают одно и то же.

Четырехчастно тело, состоящее из четырех стихий наподобие некоего космоса. Душа же трехчастна, символизируя[22] в теле Святую Троицу, которой надлежало быть явленной в мертвом мире, словно в некоем теле, и Боговедением оживотворить его. Душу называют трехчастной, поскольку она обладает своими частями, посредством которых и образуется, словно при помощи неких умных стихий. Имеются в виду разумное, желательное и яростное (начала). Посредством разумного начала она размышляет о добродетели, посредством желательного — любит Бога, а посредством яростного — гневается на бесов и мужественно противостоит им. И как бытие тела немыслимо без четырех стихий, так и душа немыслима без (своих) трех частей, благодаря которым она образовалась.

Об отношении. Природа есть госпожа, матерь, источник и бытие[23] всех (вещей). Все же остальные (вещи), происходящие из природы, принадлежат к «относительному». Ибо ипостаси, сыновство, свойство, качество, простота и все прочее происходят из природы, имея ее в качестве причины и отправной своей точки; поэтому они принадлежат к «относительному», завися от природы, как своего корня. А от них уже происходят воля и действие.

«Утверждение» есть мнение или суждение, высказываемое о чем-либо, например, когда мы говорим: «река берет начало» или «правитель входит». «Отрицание» есть опровержение утверждения; например, «река не берет начало» или «правитель не входит». «Суждение» высказывается не только относительно дурного, но и относительно благого, ибо оно есть всякое определяющее пояснение относительно любой вещи; например, что Бог — благ по природе, диавол — коварен, лиса — хитра, хорек — вороват. «Неточное высказывание» есть все сказанное кем-либо не в качестве определения, но по простоте (сердечной) и беззлобно; оно не может быть возведено в закон или определение. Например, тогда плевали в лицо Христа (Мф. 26, 67) — на основании такого высказывания мы не можем называть святое тело Христа «особым лицом»[24], но (считаем его) естеством.

II, 8. Об этимологии...* О том, что «домостроительно»[25]

Слово «домостроительно» в отношении Христа может мыслиться тремя способами. Во-первых, как «ради домостроительства», например, когда мы говорим: «домостроительно Христос был вскормлен грудью, был дитятей, возрастал, спал и голодал», то есть высказываемся о домостроительстве Его по естеству плоти. Опять же мы говорим «домостроительно», когда происходит нечто не совсем должное, но что происходит, однако, по снисхождению и ради спасения некоторых. Например, когда Павел обрезал Тимофея (см.: Деян. 16, 3), желая привлечь иудеев, поэтому он и очищался вместе с ними (см.: Деян. 21, 24 и 26). Обрезание Христа подобным же образом произошло домостроительно (см.: Лк. 2, 21), дабы не явился Он в качестве расторгающего закон (см.: Мф. 5, 17).

* Значительная часть этого параграфа опускается. (*Прим. переводчика*).

И домостроительным является то, когда (Христос), будучи с утра голодным, подошел к смоковнице и, (не найдя на ней плодов), засушил ее (см.: Мф. 21, 18—20); или когда Он пришел ночью к ученикам, шествуя по водам (см.: Мф. 14, 25; Мк. 6, 48; Ин. 6, 19), (делая Он это) ради некоего сокрытого Домостроительства.

Еретики же отказываются мыслить «домостроительное» такими способами, а говорят, что под «домостроительным» следует понимать происшедшее призрачным и кажущимся образом[26].

Схолия. Следует знать, что сложные природы, поскольку они сложные, являются легко расторжимыми, по словам великого Григория: «Сложность — начало распадения». Поэтому тела людей и животных легко подвергаются тлению и смерти, поскольку они состоят из четырех естеств и стихий, которые как бы противоположны друг другу и восстают одна на другую. А вещи простые и несложные весьма устойчивы и до конца пребывают нерасторжимыми, например душа человека, солнце, свет, светила, воздух, воды, огонь, дух и все простые, единственные, беспримесные и несложные (вещи). Вследствие чего растения и деревья, как состоящие из четырех стихий (я имею в виду из земли, воды, солнца и воздуха), не пребывают нестареющими, нетленными и неувядающими, но умирают, как и тела. Таким же образом и земля составляется: сделай кирпич из земли и воды — и он легко распадается.

Опровержение общеизвестного положения всех монофизитов, гласящего, что нет природы неипостасной

Вопрос православного: «Говоря о двух рождениях относительно Христа, то есть о рождении Его прежде (всех) век от Отца по Божеству и о рождении в последние времена от Девы по человечеству, прежде ответьте нам: бывает ли рождение[27] безыпостасным? Тогда мы скажем, есть ли природа неипостасная.

Ведь в собственном смысле слова «рождение» есть добавление ипостаси. Стало быть, как происшедшие в единой ипостаси Бога Слова два рождения не произвели добавления ипостаси к Нему, так Он не воспринял добавления лица из двух соединенных по ипостаси природ. Поэтому когда еретики, стремясь привести в замешательство нас, вопрошают: «Есть ли природа неипостасная?», им следует отвечать таким вопросом: «Есть ли рождение безличное?» Ибо там, где (происходит) новое рождение, там становится известным и добавление лица.

Перевод с греческого А. И. Сидорова

ПРИМЕЧАНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА

[1] Понятие σχέσις в патристической лексике имеет множество значений (обладание, положение и т. д.). В христологическом приложении оно часто противопоставляется ουσία или φύσις, оно также обозначает связь или отношение по благодати между Богом и человеком. В данном случае преподобный Анастасий Синаит указывает на то, что человек называется «богом» по благодатному сопричастию с Богом.

[2] Термин πρόοδος (исхождение, выхождение) христианскими писателями (Оригеном, Афанасием Александрийским и т. д.) употреблялся, помимо прочего, и для обозначения рождения Сына от Бога Отца.

[3] Другими словами, категория числа не приложима к сфере Божественного бытия, которое есть ὑπεράριθμος ὑπαρξις (бытие, превышающее число). Поэтому для преподобного Анастасия Синаита, как и для некоторых других отцов Церкви (Григория Богослова, Григория Нисского), понятие σύνθεσις (сочетание) относится к области тварного бытия (κατὰ τὴν φυσικὴν ἀκολουθίαν, соответствует природной последовательности).

[4] В данном случае преподобный Анастасий Синаит буквально повторяет определение Климента Александрийского. Термин τὸ ἐνούσιον (воосущественное) в этом конкретном контексте обозначает субстанциальное бытие; чуть ниже преподобный отождествляет его с «природным».

[5] Или: «начертание, изображение отпечаток» (χαρακτηρ).

[6] Под ὁλην την Θεοτητα (целым Божеством) понимается единство божественной сущности, которая наличествует целиком в каждой из трех Ипостасей.

[7] Буквально: «находятся (стоят) под природой».

[8] Преподобный Анастасий Синаит употребляет термин Θελημα, который имеет три основных значения: 1) объект воления, 2) способность или акт воли и 3) результат воления. В данном контексте подразумевается в основном второе значение.

[9] Используется reductio ad absurdum: признание монофелитами единой воли Христа ведет к признанию «человеческого воления» во Святой Троице.

[10] Под γνωμικὰ Θεληματα, вероятно, следует подразумевать «ипостасные воления», присущие каждому индивидууму.

[11] Буквально: «быть (или жить) одному, быть особым; скорее всего, преподобный Анастасий имеет в виду монашескую жизнь.

[12] Буквально: «действенные, а не естественные, наименования».

[13] Как и многие этимологические экскурсы у преподобного Анастасия Синаита, данная этимология строится на созвучии и игре слов. Поэтому слово παρθενος (дева он сополагает с неологизмом πυρθανος (погасший огонь).

[14] Буквально: «положительном», но, думается, здесь подразумевается несущностной характер соединения.

[15] Преподобный Анастасий Синаит использует редкое ἡμιουσιον определение «полу-сущностной»; в патристической лексике оно встречается только у него.

[16] В данном случае так представляется лучшим перевести термин καινοτομία (новшество), который здесь обозначает воплощение Бога Слова, выходящее за рамки естественных законов.

[17] Преподобный Анастасий Синаит приводит определения понятий, производных от «тления»:

[18] Используется термин μορφὴ, который обычно обозначает форму или внешний образ вещи. Анастасий же отождествляет его с ουσία (сущностью), называя «тканью» (ὑφη), в которой сплетаются воедино части или ипостаси.

[19] Как и многие отцы Церкви, преподобный Анастасий Синаит использует здесь понятие, заимствованное из платоновской в психологии. Под επιθυμητικον μέρος τῆς ψυχῆς (желательной частью души) часто понималась та часть души, которая вместе с θυμικὸν (яростным началом) относится к неразумному началу ее. Преподобный Анастасий же ниже соотносит τὸ θυμικὸν и τὸ επιθυμητικὸν с разумной душой. Кроме того, «жаждущее (или желательное) начало» он отождествляет с το θελητικὸν, мысля «волящее» в данном случае не как сознательное и разумное побуждение, но скорее как инстинктивное побуждение.

[20] Под την λυπην την επαινετὴν (достохвальной скорбью) понимается та скорбь, которая присуща человеческому естеству и не связана с греховным состоянием души.

[21] Понятие προσβολὴ (приражения) имело в аскетической литературе специфическое значение. По словам С. Зарина, «первый толчок к началу того психического явления, которое может окончиться возникновением в душе страсти, носит у аскетов обычно имя προσβολὴ (переводимое в славяно-русской подвижнической письменности словами «приражение» или «прилог»). Этим термином обозначается такое представление какого-нибудь предмета или действия, соответствующих одной из порочных наклонностей природы человека, которое или под влиянием внешних чувств, или вследствие своей связи с психологической работой памяти и воображения, по законам ассоциации, входит в сферу сознания человека» (см.: Зарин С. Аскетизм по православно-христианскому учению. Т. 1. Книга II. СПб., 1907. С. 250). У Анастасия Синаита данный термин имеет не негативное, но нейтральное значение («приложение» и ко злу, и к добродетели). «Самовластие» человека в том и состоит, что он может подавлять одно «приражение» и способствовать другому.

[22] Буквально: «прообразуя, служа прообразом» (προτυποῦσα).

[23] Используется понятие οντοτης, обозначающее принцип бытия или субстанциальную основу его.

[24] Под πρόσωπον ἰδικον подразумевается лицо, принадлежащее человеческой природе Христа (несторианский тезис: «две природы — два лица»).

[25] Слово οικονομικῶ в патристической лексике имеет несколько значений: 1) «благоразумно, предусмотрительно, расчетливо»; 2) «относительно» и «постепенно, соответственно способности»; 3) «умышленно, нарочно»; 4) «дипломатично, применяясь к обстоятельствам» и 5) «промыслительно» (соотносясь часто с Воплощением Бога Слова).

[26] В другом месте «Путеводителя» (XIII, 4, 85—91) автор уточняет, что под еретиками, придерживающимися подобного понимания «домостроительного», следует подразумевать манихеев.

[27] В данном случае преподобный Анастасий употребляет термин τόχος (имеющий и значение «дитя, отпрыск»), отождествляя его с γέννησις.

Митрополит Вениамин (Федченков)

На рубеже двух эпох

Генерал Врангель

Я озаглавливаю эту главу именем одного человека потому, что он был действительно центральной личностью, воодушевлявшей белое движение. Был до него генерал Деникин, но то время, гораздо более продолжительное, не было окрашено его именем. Говорили: «деникинцы», «белые», «кадеты», но редко «генерал Деникин». А здесь про все движение обычно говорилось кратко: «генерал Врангель» или еще проще: «Врангель».

Как помним, читатель, мы оставили его отправившимся в изгнание в Константинополь, где он и жил до отречения от власти генерала Деникина. В приказе об избрании ему преемника бывший главнокомандующий Вооруженными силами Юга России сам указал и имя генерала Врангеля, который должен был возвратиться на выборы из ссылки. Англичане дали миноносец, но была такая качка, что сердцу Врангеля грозила опасность, и миноносец вернули обратно, а повезли его в Крым на крейсере или дредноуте. То был конец Великого поста, за неделю до Пасхи 1920 года.

К этому времени Белая Армия потерпела полное крушение, и остатки ее в несколько десятков тысяч человек кое-как перебрались на Крымский полуостров. Невольно приходит на ум известная сказка о старике Мазае, который спасал на лодке зайчиков с затопленного весенним половодьем островка. От огромнейших пространств, занятых белыми, остался теперь только маленький квадрат Крыма по двести верст в длину и ширину. Недаром у нас ходил анекдот, будто Троцкий пренебрежительно так отозвался о нем:

— И что такое Крым? — маленький брелок от цепочки часов на моем животе! Не больше!

Но не так думали мы, белые, то есть многие из нас. Казалось бессмыслицей продолжать проигранную борьбу, а ее решили опять возобновить. И мало того, еще надеялись на победу. Мечтали, и среди таких наивных был и я, о Кремле, о златоглавой Москве, о пасхальном трезвоне колоколов Первопрестольной. Смешно сейчас и детски наивно. Но так было. На что же надеялись?

Оглядываясь теперь, двадцать три года спустя, назад, я должен сказать — непонятно! Это было не только неразумно, а почти безумно. Но люди тогда не рассуждали, а жили порывами сердца. Сердце же требовало борьбы за Русь, буквально «до последней пяди земли». И еще надеялись на какое-то чудо: а вдруг да все повернется в нашу сторону?! Иные же жили в блаженном неведении — у нас еще нет большевиков, а где-то там они, далеко. Ну, пожи-

---

Продолжение. Начало см.: ЖМП, 1993, № 2, 3, 4, 5, 6.

вем — увидим. Небось?.. Были и благоразумные. Но история их еще не слушала: не изжит был до конца пафос борьбы. Да и уж очень не хотелось уходить с родной земли. И куда уходить? Сзади — Черное море, за ним — чужая Турция, чужая незнакомая Европа. Итак, попробуем еще раз! А может быть, что и выйдет?.. Ведь начиналось же «белое движение» с 50 человек, без всякой земли, без денег, без оружия, а расползлось потом почти на всю Русскую землю. Да уж очень не хотелось уступать Родину «космополитам-интернационалистам», «евреям» (так было принято думать и говорить про всех комиссаров), социалистам, безбожникам, богоборцам, цареубийцам, чекистам, черни. Ну, пусть и погибнем, а все же — за родную землю, за «единую, великую, неделимую Россию». За нее и смерть красна! Вспомнилось и крылатое слово героя Лавра Корнилова, когда ему задали вопрос:

— А если не удастся?

— Если нужно,— ответил он,— мы покажем, как должна умереть Русская Армия!

Исторические события, как большого, так и малого размера, двигаются, по моему мнению, не столько умом, сколько сердцем, стихийно. А когда этот дух испарится, движения умирают. Так бывает в жизни каждого человека, так же совершается и в жизни народа. А разве малая пташечка не бросается безумно на сильную кошку, защищая своих птенчиков? У нас еще есть клочок земли, есть осколки армии, и мы должны бороться! Мы хотим бороться! Мы будем бороться! И притом ясно, что наше дело хорошее, правое, святое, белое дело! И как не бороться за него до последней капли крови?!

И снова вспоминается мне та кучечка безусых юнцов-аристократов у костра возле Перекопского вала, которая с грустью и явным уже маловерием спрашивала меня во тьме ночной:

— Батюшка, неужели мы не победим? Ведь мы же за Бога и за Родину!

— Победим, победим, милые! — утешаю их я, и сам не вполне уже веря в нашу победу.

Одно было ясно: победим или не победим, но белую борьбу нужно довести до конца, а он еще не наступил. И только после потери этого последнего клочка родной земли один корреспондент при армии, И. Раковский, напишет книжку «Конец белых»[1].

И пусть этот конец оказался печальным, пусть белые даже неправы исторически, политически, социально. Но я почти не знаю таких белых, которые осуждали бы себя за участие в этом движении. Наоборот, они всегда считали, что так нужно было, что этого требовал долг перед Родиной, что сюда звало русское сердце, что это было геройским подвигом, о котором отрадно вспомнить. Нашлись же люди, которые и жизнь отдали за «единую, великую, неделимую...» Не раскаивался и я, как увидим дальше.

Много было недостатков и даже пороков у нас, но все же движение было патриотическим и геройским. Не случайно оно получило имя «белое». Пусть мы были и сероваты, и нечисты, но идея движения, особенно вначале, была бела. Христиане мы плохие, христианство — прекрасно.

Для конкретного примера расскажу сейчас, как и почему оказался в рядах «белого движения» лично я. Тогда читателю яснее будет психология всего движения.

...Еще в Москве, во время церковного Собора, многие (большинство членов и я) радовались так называемому корниловскому движению, когда он с армией шел при Керенском на Петроград. И мы молча печалились, когда дело кончилось провалом, а генерал Корнилов заключен был в Быховскую тюрьму, откуда и бежал под видом текинца (туркмена.— *Ред.*) на Дон к генералу Алексееву.

Потом я втайне сочувствовал и подпольному набору добровольцев, пробиравшихся туда же. И в глубине сердца я уже беспокоился, что стою в стороне от этих героев. Но никто меня не принуждал принимать участие в начавшемся движении, и по человеческой немощи я, как и очень многие военные, интеллигенты, духовные, укрывался за́ словом «нейтралитет». Кроме того, слишком уж несравнимы были силы: вся Советская Русь и горсточка храбрецов. «Безумству храбрых поем мы славу!» (Неточно. У Горького — «поем мы песню».— *Ред.*) — писал Максим Горький в «Буревестнике» о погибших революционерах. Однако пусть «красный»

читатель отнесет эти слова Горького и к белым безумцам, тогда лишь он может понять и врагов.

Про себя же лично скажу еще, что меня всегда тянуло к народу, простому народу. Среди моих приятелей на Московском Духовном Соборе были почти все крестьяне, которые иногда избирали меня выразителем своих проектов (например, против умножения поводов к разводу), сочувствовали мне два-три матроса и солдата, представители фронта. ⟨...⟩

Понятно, что я и пошел по более легкой дороге, пассивной, и даже не совсем искренной, вынужденной лояльности к новой власти. Так прошли 1917, 1918 и 1919 годы. Совесть все больше и больше начинала беспокоить меня: что же я сижу в тылу? Братья мои, русские, сражаются, борются, жертвуют жизнью, а я отмалчиваюсь? Пусть не правы те или другие или все, но не хуже ли мне отсиживаться в тылу, по пословице: «Моя хата с краю, ничего не знаю». Конечно, хуже, бессовестней. Да, я как-то должен принять участие.

В это время (после моего ареста и освобождения) большевики ушли из Крыма. Но я совершенно искренно могу сказать, что и тогда, и после чрезвычайка не имела ни малейшего влияния на мое решение. Не только не было мысли о мести красным, но я даже считал, что они были правы, подозревая в контрреволюции и посадив меня в чеку, противника своего. И только совесть все тревожила и толкала душу: ты должен что-нибудь делать!

И тут подвернулось по пословице: «На ловца и зверь бежит» небольшое событие, подтолкнувшее меня на решение. В Ялте во время одного моего посещения пришел ко мне содержатель кинематографа и автор одной картины под заглавием «Жизнь Родине, честь никому». Он попросил меня посетить его театр и посмотреть эту картину, которую он поставил специально для меня одного. Взяв с собой протоиерея Александро-Невского собора (чудной архитектуры и росписи!) отца Н. Владимирского, я пошел. Потушили огни, началось представление. Там изображалась борьба белых против красных. Разумеется, красные изображались бандитами (а красные всегда называли противников белобандитами, как известно): пьянство, разврат, дебош, жестокости, кощунства — вот облик красных. Наоборот, белые изображались благородными героями, бескорыстными патриотами, жертвенными мучениками, религиозными борцами. Вот, помню, представляется красивый барский особняк в цветущем саду. Нежная мать, кажется, вдова. У нее оправляется от ран после немецкого фронта молодой, красивый, нежный, милый сын. Никто их еще не трогает, но душа его рвется на борьбу за родину. И старушка-мать соглашается. Они молятся перед иконами. Она со слезами благословляет единственного сына на крестный путь. Он тайно пробирается на белый фронт. Переплывает под пулями красных большую реку с каким-то важным докладом к генералу Алексееву. Потом сражается с беззаветной храбростью. Не помню уж, убивают ли его, или он продолжает борьбу, но только я в темноте почти все время плакал. Слезы лились дождем. Сладкие слезы. И тогда в меня остро встало решение: грешно и стыдно сидеть мне в тылу! Я должен принять участие! Я приму его!

Через несколько дней я был в Симферополе на каком-то банкете военных. И там, вместо речи, рассказал про кинематограф, закончив заявлением, что и я решил работать с ними активно, но еще не вижу как?

Всякому понятно, что я встал на сторону белых, а не красных. Все белое было мне знакомо своим прошлым, а главное — религиозным. Прошло еще с полгода, пришел к власти генерал Врангель, и он сам просил меня возглавить духовенство армии и флота Русской Армии[2]. Мое желание сбылось: я вошел активным членом в белую семью героев. Я тоже не думал о конце или победах, как и другие, а шел на голос совести и долга. И в этом душевном решении не раскаиваюсь и теперь. Пусть это было даже практической ошибкой, но нравственно я поступил по совести. И мне тут не в чем каяться.

Подобным образом, вероятно, и даже много лучше, чувствовали и рассуждали вожди и прочие добровольцы. Потом в армию влились уже и политические противники коммунистов, и насильно мобилизованные крестьяне, и обозленные корыстные защитники старых привилегий, и просто охотники, каких немало бывает во время революций. Но первоначальники белые были люди долга и чести. Ну, конечно, не святые. А разве на другой стороне были святые? А разве третьи, нейтральные, были лучше этих грешников, но жертвовавших собой?

Мы все это еще увидим скоро на деле.

Итак, Врангель на английском дредноуте спешит к берегам невольно покинутой земли, а Деникин через тот же Константинополь отправляется, кажется, сначала в Англию, а потом и во Францию, где и сейчас еще живет под немецкой пятой. Остатки Белой Армии перебрались в Крым. Первая моя встреча с ними была, к сожалению, очень болезненная. Опишу ее, как было. Тут все характерно!

Это было под Вербное воскресенье, кажется, 21 марта по старому стилю. По заведенному старым и опытным благочинным протоиереем Баженовым обычаю вербы раздавались не на самой всенощной, после чтения Евангелия, а перед службою. Это делалось для того, чтобы избежать беспорядка, шума и толкотни при раздаче освященных верб. В Симферополе в соборе, наоборот, намеренно устраивали шумное торжество: священники священные вербы пучками бросали в толпы народа на все четыре стороны, и там поднимался радостный шум, все бросались получать святую свежую веточку. Не знаю, откуда такой обычай на юге? Не от греков ли?! Но размеренный, аккуратный, спокойный протоиерей Баженов не выносил никакого, даже и святого, беспорядка и установил совершенно произвольно крестный ход вокруг храма, когда тихо и мирно раздавались всем вербочки, а потом начиналась также спокойно служба. Так было и на сей раз. Я, как архиерей, прибыл уже после этой раздачи, и началась всенощная. Вдруг в храме раздались невероятные крики, вопли, точно произошло землетрясение или иная какая катастрофа. Женщины и дети от западной стороны храма бросились в диком смятении вперед, иные вскочили, в безумном состоянии, даже в алтарь, через царские врата. Никто ничего не понимал, только все дико кричали. Я вышел на архиерейское возвышение посередине храма и изо всех сил голоса потребовал замолчать. Раз, два, три: стало тише. «Совсем перестать!» — грозно потребовал я и запел «Царю небесный». Народ подхватил и успокоился. Службу продолжали. Я вызвал в алтарь церковного старосту: в чем дело?

Оказалось, там, при входе, разыгрался следующий скандал: два офицера-добровольца тоже пришли в храм. Но они были совершенно пьяны. При входе они увидели, что все стоят с вербами, а на ступеньках сидел нищий без вербы. Спьяна они обиделись за него — почему не дали ему вербу? Что им объяснил нищий, не знаю, но защитникам чести и правды показалось, что тут виноваты старшие — духовенство и староста. Не смея потребовать отчета от священнослужителей, офицеры направились к свечному ящику, где стояли староста и помощник его:

— Почему нищему не дали вербы?

Что уж староста ответил им, не знаю. Может быть, он видя их пьяными, сказал им что-нибудь горькое или даже сделал замечание? Но только они вынимают из кобур свои револьверы и угрожающе направляют их на старосту и других лиц у ящика будто с намерением тут же расстрелять их. Эту картину увидели ближайшие богомольцы и пришли в неописуемую панику, которая передалась немедленно всем.

А офицеры уже ушли.

Я написал официальную жалобу на такой дебош и послал ее старшему генералу Драгомирову[3]. Ответа не последовало.

Но после и я подумал, что не нужно было мне поднимать эту историю. Тут не было злого умысла или сознательного кощунства, а просто все случилось по пьяному делу. В басне Крылова про повара-грамотея тоже было сказано: «Он — набожных был правил, а в этот день по куму тризну правил», а по сему случаю напился пьяным. Но он делал выговор коту совершенно приятельски, не пугая кота, так, что тот продолжал и при поваре «убирать» курчонка. А тут устроили целый скандал. Разве что одно можно было поставить в извинение добровольцам — они потеряли почти все! Армия, вооружение, конница, завоеванные области — все, все было утеряно. Поневоле можно было прийти в отчаяние, а отсюда очень близко и до безобразий: «Э-э! Все равно теперь!» Но и тут они, однако, не забыли Бога, а пришли-таки в храм, завтра большой праздник!

Какая путаница в душах! Но нельзя не сознаться при сем извинении офицеров: в этом дебоше проявилось несомненно и моральное разложение, и дерзкое своеволие, и неуважение к святыне, и пренебрежение к простонародию.

Даже сама защита будто бы обиженного нищего является не чем иным, как озорством. Пословица говорит недаром: «Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке».

И невольно вспоминаются другие подобные случаи, о которых говорилось раньше: и пьянство Май-Маевского в Харькове, и избиение редактора «Прибоя» в Севастополе, и курящие штабные барышни в кожаных тужурках, и кража одеял женского училища, и 119 убитых! Нет, в описанном церковном скандале отразилась какая-то внутренняя гнилость добровольцев — «белое» оказывалось не везде и не у всех чистым, на это движение легло уже много пятен. Можно ли еще их отмыть? Генерал Врангель попытается... Он уже прибыл в Севастополь.

Не помню, в то же Вербное воскресенье или в понедельник было собрание высших военачальников под председательством, кажется, генерала А. М. Драгомирова. Всего было, помнится, 18 человек. Просился даже и я, чтоб мне позволили принять участие для поддержки генерала Врангеля, но мне правильно отказали. Они не хотели давать повода к идее о всяких «выборных началах», о «демократических» новшествах. Им был ближе и понятнее старый порядок назначения, особенно в военных делах. Говорили, будто некоторые из состава собрания протестовали даже вообще против всякой выборности, и только указ генерала Деникина вынуждал их принять этот путь. Такая психология характерна, она показывает, как крепки еще были старые порядки в душах (добровольцев.— *Ред.*) Белой Армии. Разразившаяся революция не сломила их.

На собрании генералов присутствовал, конечно, и генерал Врангель. И я на всякий случай привез из монастыря ту самую икону Божией Матери, которую обещал дать ему, когда он возвратится в Севастополь. В это время у меня в севастопольском доме присутствовал архиепископ Полтавский Феофан, о котором не раз упоминалось выше. В Крым съехалось тогда несколько архиереев-беженцев. Все они разместились по монастырям — Херсонскому, Георгиевскому, Инкерманскому.

Вдруг слышу, к архиерейскому моему дому (теперь я уже жил не у Пономаревой, а в приходском доме при Петропавловском соборе) подъезжает автомобиль. Звонок. Открываю. И предо мной вырастает фигура генерала Врангеля с его адъютантом И. М. Покровским.

Кто не видел его, тот не может представить себе исключительной силы впечатления, производимого его фигурой и внутренним духом. Необычайно высокий и необыкновенно тонкий, в кубанско-казацкой черкеске, перетянутой поясом, с рукой, покоящейся на кинжале, в мягких длинных сапогах — он сразу приковывал к себе внимание. Умные глаза, спокойное открытое уверенное лицо (совсем бритое), естественность поведения дополняли доброе и сильное впечатление. Но самое главное, что особенно важно было нам потом,— это его способность воодушевлять и подбадривать своих сотрудников. Не раз, бывало, перед лицом неудач мы опускали голову. Помню, на заседании Совета Министров, в котором принимал участие и я от имени Церкви, мы все были чем-то подавлены. Но вот приезжает с фронта Врангель и прямо на то же заседание. Мгновенно у всех поднимается дух, мы снова начинаем верить в успехи, уже улыбаемся: «Все идет отлично». Но на этот раз генерал приехал без улыбки.

Поздоровавшись с нами обоими по установленному обычаю, то есть приняв благословение, он повел такой разговор (припоминаю мысли, а отчасти и слова по возможности точно):

— Владыки! Я приехал к вам, как к архиереям. Прошу вас высказать ваше церковное мнение. Сейчас во дворце идет заседание генералов по вопросу о выборе главнокомандующего. Назвали мое имя. Я соглашаюсь, но при условии предоставления мне широких полномочий ради пользы дела. Они же хотят каких-то ограничений, совещаний. Я заявил, что не согласен на это, встал и вышел с заседания, предоставив им одним договариваться. И вот решил использовать этот промежуток времени для визита к вам. Но сначала узнайте положение вещей. По человеческим соображениям, почти нет никаких надежд на дальнейший успех добровольческого движения. Армия разбита. Дух пал. Оружия почти нет. Конница погибла. Финансов никаких. Территория ничтожна. Союзники ненадежны. Большевики неизмеримо сильней нас и человеческими резервами, и военным снаряжением. Что вы скажете?

Несмотря на такую безотрадную картину, мы оба без колебаний ответили ему, что нужно брать командование, делать, что можно, а в остальном положиться на волю Божию.

— Ну, хорошо! — подкрепил он наш ответ.

Тогда я напомнил ему, что обещал преподнести икону, она здесь. Он стал на одно колено, по военному обычаю, а архиепископ Феофан, как старший, благословил его. Генерал поцеловал икону, передал ее на руки впущенному теперь адъютанту Покровскому и стал прощаться с нами. Но перед самым выходом в коридор он неожиданно снова остановился, обратился к углу, в котором висел образ Спасителя, и, подняв к Нему лицо свое и устремив взор, начал молча молиться: перекрестился раз, помолчал, перекрестился другой, тоже задержался, третий так же. А потом сказал вслух:

— Ну, Господи, благослови!

И, провожаемый нами, вышел к автомобилю. На меня эти три креста его произвели большое впечатление. Благословение иконою было обычным приемом, а это его собственная молитва говорила о его личной вере, просьбе о помощи Божией и предании себя и всего дела в руки Промысла. Спустя два-три месяца я говорил в Мелитополе речь на площади и рассказал об этом случае. Стоявший рядом пожилой бородач-крестьянин перекрестился и сказал:

— Ну, слава Богу!

Тем временем собрание генералов согласилось на условия Врангеля, и он стал главнокомандующим.

25 марта (если не путаю дней), в день Благовещения, был парад войскам. Отдохнули, подчистились, они производили бодрящее прекрасное впечатление. Генерал, стоя у подножия памятнику адмиралу Нахимову, произнес воодушевленную речь, начав ее словами: «Орлы!»

Говорил и я о вере в победу и об избранности генерала Петра Николаевича Врангеля. Настроение у всех было приподнятое. Снова загорелась надежда.

Главнокомандующий пожелал, чтобы на место возглавителя духовенства армии и флота вступил я. До меня эту должность исполнял еще бывший при царе военный протопресвитер отец Г. И. Шавельский[4], который к этому времени успел уже разочароваться в успехах движения и высоком уровне добровольцев, и его необходимо было заменить иным лицом, с верою в лучшее будущее.

Наш Архиерейский Синод согласился на желание генерала и назначил меня епископом армии и флота. Это был первый случай за 220 лет (со времени Петра I), что во главе духовенства стал архиерей. Государственные военные власти прежде не хотели этого потому, что с протоиереем легче было обходиться, чем с архиереем. Тут сказался и дух господства государства над Церковью. Но избрание меня архиереем армии и флота тоже не означало улучшения церковных воззрений теперешнего правительства. Это было личным делом главнокомандующего, по личной симпатии ко мне. Важно отчасти было и то, что я пользовался любовью у севастопольцев, а это весьма нужно было и для военного дела. Так судьба меня поставила очень близко к самому центру «белого движения» в последний период его.

Потом, как я уже отмечал, я был избран представителем от Церкви и в Совет Министров. Мое положение там было особое: я, когда это было нужно, высказывал мнение Церкви, не будучи обязан даже голосовать с прочими министрами. Председателем Совета Министров был потом Кривошеин[5], бывший министр земледелия при царском правительстве.

После Пасхи войска сразу стали готовиться к наступлению. А я перед этим поспешил познакомиться с ними на фронте. И в первый раз попал в гущу военной среды. И глубоко разочаровался. Даже был потрясен открывшейся передо мной действительной картиной.

Впрочем, я был предупрежден об этом еще раньше одним из добровольцев. В день парада, 25 марта, ко мне приезжал с визитом генерал Богаевский[6], редкой духовной красоты человек, скромный, умный, деликатный, выдержанный и храбрый в деле. Светлое впечатление оставил он после себя и таким был в эмиграции до самой смерти. Он был одним из первоначальников «белого движения» и сначала командовал партизанским отрядом, состоявшим из адвокатов, инженеров,

журналистов, а главным образом из учащейся молодежи, студентов, гимназистов и кадетов различных военных корпусов, отчего и пошло название Добровольческой армии — «кадеты».

А вскоре после него ко мне заявился совершенно необычный визитер в офицерской форме и с большой растрепанной темно-русой бородой, что теперь почти не встречалось у военных, не в пример эпохе царя Александра III, вводившего русский стиль и в бороду.

Пришедший сначала обратился в угол, где висела икона, и наложил три размашистых, до самых плечей, креста. Наши офицеры никогда этого не делали, как известно. Но не успел я удивиться, как гость бухнулся мне в ноги. Что такое? Офицер, существо обычно щепетильное, и вдруг кланяется в ноги духовному лицу, которое никогда не пользовалось особым почетом и любовью у военных или аристократов! Тут опять невольно сказывался принцип господства государства над Церковью: первое — выше второй, военные и дворяне — представители государства, и потому им не пристало выражать свое уважение низшему классу, попам, а уж «унизиться» до крестов при входе и земных поклонов — дело почти неслыханное в истории за сотни лет! Говорю без преувеличения. Со времени Димитрия Донского, просившего коленопреклоненно (думаю, так обычно рисовали его) благословения у святого Сергия на рать с Мамаем, я решительно не помню ни одного подобного факта. Ни одного.

Обычно в военной среде офицеры называли полковых священников фамильярным именем «батя»: «Ну, как, батя, дела?» Или во время игры в карты: «Эй, батя, ходи». В лучшем случае, если священник держал себя независимо, относились к нему корректно, но холодно. И таких не любили. Я совсем не думаю осуждать офицерство за такую вольность. Осуждать людей — самое неумное занятие, будто бы на их месте мы были бы лучше. Всему в истории есть свои глубокие длительные причины. И офицерские привычки не со вчерашнего дня появились, нужны были два столетия — со времен Петра Великого, чтобы они воспитались и укрепились. Но, к чести офицеров, нужно сказать, что они очень редко были безбожниками, хотя это скорее было доброй традицией и законом военного достоинства, атеисты — это революционеры, социалисты.

...Я, удивленный, в замешательстве, поднимаю гостя, и он рекомендуется умело:

— Владыко! Я не принадлежу к господствующей Церкви! Я старообрядец. Но я почитаю и православную иерархию. Благословите! Моя фамилия — Рябушинский.

Известные московские богачи. Ученые купцы.

Тут я понял все: он не православный офицер. Старообрядцы же твердо хранят религиозные устои: пусть даже внешне, но держат их, а этим держат и свое старообрядчество, не сливаясь ни с православными, ни тем более с безбожной интеллигенцией. В последние десятилетия и у них пошло разложение, но не так, как у наших интеллигентов. Я совсем не хочу ставить старообрядчество выше Православия по существу; наоборот, я на опытном знакомстве с ними убедился, что у них мало благодатного духа любви, смирения и много самомнения, осуждения и даже озлобления. И вообще их благочестие — внешняя скорлупа. Например, помню такой случай. После объявления свободы вероисповедания в 1905 году, после долгого времени запрещения, были открыты в Москве старинные храмы Рогожского и Преображенского кладбищ староверов[7], как обычно и неверно называли их в народе. Я зашел посмотреть одну из этих церквей. Высокие ступени вели в нее. Многоглавый, ярко-красного цвета храм со старинными темными иконами понравился мне. Но, странно, я ощутил какую-то духовную мертвенность и потому недолго задержался внутри. Выхожу обратно и вижу на паперти древнюю-древнюю, маленькую, сгорбленную, худенькую старушечку лет 75—80. Мы все любим детей и стареньких. Я невольно улыбнулся ей ласково и, помню, сказал ей: «Здравствуй, бабушка»,— я был одет в рясу и клобук православного покроя. Для нее я был «никонианин», по имени Патриарха Никона, преследовавшего старообрядцев. «Никонианин» же — это почти слуга антихриста. И понятно, что вся моя ласка была для нее хуже пули: это — «искушение». И она, взглянув на меня с неприкрытой злобой, не ответив ни слова, повернулась задом и пошла внутрь храма...

«Боже, какая она жалкая и бесплодная!» — подумал я...

Да, всякий раскол оставляет в уме страшные следы отчуждения, злобы и вражды.

Раскол по природе своей есть дело нелюбви и плод гордости! Так было всегда, это же самое мы видим и на современных раскольниках-эмигрантах, отделившихся от Русской Матери Церкви из-за большевиков. И все расколы как коренящиеся в глубине души изживаются ведь трудно и долго. Через 28 лет будет 300 лет, как отделились старообрядцы, и пока мы не видим признаков примирения*. Правда, и наши отцы триста лет тому назад поступили круто и недостаточно любовно и осторожно, что не были снисходительны к обрядам, вещи второстепенной. Легко разрушить, разбить единство, а как трудно восстановить его!

После революции 1917 года одно время наметилось (по слухам) сближение старообрядцев с православными, потому что и те и другие оказались гонимыми и страдающими: по учению старообрядцев, «антихристова» церковь, то есть Православная, должна быть не гонимой, а господствующей, как и было при царях. Это перепутало все понятия у старообрядцев: раз обе гонимые, так, значит, обе истинные, следовательно, нужно бы соединиться теперь. И будто бы были какие-то попытки или сдвиги в душах, но ничем не кончилось. Я давно спрашивал Митрополита Сергия, справедливы ли эти добрые слухи? И он ответил, что пока все остается по-прежнему, мира нет, живут братья по вере чужими друг другу. И я думаю, что главнейшая причина этой отчужденности лежит в духовной области, в безблагодатности отклонившихся от истинной Церкви раскольников! Как бы ни были мы, православные, плохи сами по себе, но Церковь наша — истина, и в Ней живет Святой Дух. Когда же раскольники отходят от Нее, то они лишаются и той благодати, того оздоровляющего действия, какое есть в истинной Церкви, а потому болезнь раскольников не излечивается, а все больше углубляется. Поэтому та древняя старушка не может прямо посмотреть на истину, как не может уже выпрямиться ее старенькая сгорбленная спина. Она легко может отвернуться даже от искренней улыбки вашей, не в состоянии даже улыбнуться в ответ, какая грусть!

Может быть, Мать Церковь что-то должна еще сделать, чтобы растопить этот леденящий холод их. Не знаю. А давать легкомысленные рецепты лечить долголетнюю болезнь могут лишь всезнайки, сельские фельдшеры. Остается, кажется, лишь молиться о соединении всех да кротко переносить и будущие страдания, это скорее сблизит нас. А если и это не поможет — буди воля Божия! «Не я управляю миром»,— еще и еще раз вспоминаются слова на горе около сельского храма при виде «иллюминации» помещичьих усадьб.

В заключение этих дум о старообрядчестве вспомню интересные наблюдения над ними Алексея Ухтомского. Я еще был студентом Санкт-Петербургской Духовной Академии и познакомился с ним в квартире ректора, епископа Сергия (ныне Митрополита Московского). У него, как и у брата его, тогда уже епископа, Андрея (епископ Андрей и после революции все путался в этом увлечении людьми старой веры, кончил чуть ли не отрывом от Церкви), была странная симпатия к старообрядцам. Есть, говорят, люди, которые любят будто бы есть приготовленную дичь, уже немного начавшую гнить. И в нашем высшем обществе давно наблюдалось такое тяготение к чему-нибудь оригинальному, новому, с душком. Например, в начале XIX века явилось там стремление к мистицизму. Он — в здоровом виде — был и есть в Православии, даже является сущностью нашей веры. «Стяжание благодати Святого Духа», как говорил современник тех движений преподобный Серафим Саровский. Но высшим классам подай что-нибудь иностранное, заманчивое, обольстительное, особое! Отсюда увлечение мистиками западными: Сведенборгом, Эккартехаузеном[8] и др. Отсюда полухлыстовские кружки Татариновой[9] времен Александра I. После, при Александре II, увлечение английским сектантством лорда Редстока[10], после — Фесслера[11] и т. д. Сюда же относится и Распутин. От этого же и увлечение Бонч-Бруевича[12] (при Ленине) сектантами вообще.

Вот подобным образом у некоторых аристократов-народников была тяга и к старообрядцам. И Алексей Ухтомский, он был ассистентом на кафедре (кажется) физи-

* Поместный Собор Русской Православной Церкви в 1971 году утвердил постановление Патриаршего Священного Синода от 23(10) апреля 1929 года об упразднении клятв Московского Собора 1656 года и Большого Московского Собора 1667 года, наложенных ими на старые русские обряды и на придерживающихся их православно верующих христиан, и постановил считать эти клятвы, *яко не бывшие*.

ки в Санкт-Петербургском университете, чувствовал к ним сентиментальную нежность, не видя их. Митрополит Сергий, как человек духовно здоровый, угощая его чаем, благодушно при нас, студентах, вышучивал его. Ухтомский мило улыбался и повторял свое. Но однажды он решил проверить свое увлечение. Отправился в керженские леса и стал обходить раскольнические скиты и беседовать со старцами.

Когда он возвратился в Санкт-Петербург, посетил Митрополита Сергия и сообщил ему свои выводы о них. Первое — при всей строгости и внешней уставности он не нашел там внутреннего благодатного духа благочестия. А второе — если же он встречал подобных благочестивых старцев, то они оказывались более или менее кроткими и уже теряли всякую вражду и нетерпимость к господствующей Церкви, даже, наоборот, относились к ней с любовью и почитанием. Алеша, так называли мы его, отрезвел от увлечения.

Вот такой же отчасти был и Владимир Павлович Рябушинский, посетивший меня в день парада, 25 марта. После благословения он сел и сразу, без всяких предисловий, каким-то срывающимся голосом сказал:

— Владыка! Мы погибаем! Мы погибаем!

И мгновенно разрыдался громко, с надрывом. Слезы вообще трудно выносить. А когда здоровенный бородатый мужчина рыдает неудержимо, становится даже жутко. Будто бы дикий буйвол плачет.

— Что с вами? Что с вами? — утешаю я его.

А он рыдает и рыдает. Слезы обильным градом катятся по его щекам и бороде, но ему не до них. Он лишь повторяет безутешно:

— Мы погибаем! Мы погибаем!

— Расскажите, в чем дело? — недоумевающе спрашиваю я.

— Владыко святой! Мы такие же большевики, как и они! Только они — красные большевики, а мы— белые большевики!!

И он опять рыдает. Я тогда еще верил в белое движение и что-то утешительное стал говорить ему, но мои слова не западали ему в душу. Я ведь не знал еще белых, а он проделал с ними все кампании и видел все в натуре. Немного успокоившись, Владимир Павлович начал мне вскрывать темные стороны белых. Что я мог возразить ему?! Сейчас я не помню ни одного слова моего, так они были пусты и бесцветны.

Но он и сам все же искал утешения или оправдания и потому в заключение беседы сказал, но не твердо, а вопросительно, будто не веря самому себе, а лишь желая верить:

— А как вы думаете? Может быть, мы еще можем покаяться? Вот у меня есть друг, тоже офицер, профессор университета Даватц. Он все говорит: «Да, мы тоже разбойники, как и те, но только мы висим на правом кресте от Христа и можем раскаяться, а они — левые хульники, непокаянные!» Вы думаете, мы раскаемся?

Я совершенно не помню, что ответил ему. Что-нибудь пустое, бледное. Мы распрощались. После я встречался с ним в Париже. Он оказался прав — «белое движение» погибло. Занимался он там выставкой икон и проч., но уже был оторванным листком, как и другие эмигранты. Одет был в красивый светлый костюм, бородка была расчесана (а может быть, и подбрил он этот «образ Божий», как иногда выражаются старообрядцы про брадобреев?), весь он был чистенький и даже улыбался любезно. Но мне был дороже тот мужиковатый русский растрепанный человек, который рыдал как вол, опечаленный и уязвленный в сердце. А сердце его было русское, народное.

Но странно, его признание Белой Армии гибнущею не вошло в мою душу. Человек всему учится опытно.

После Пасхи я выехал на фронт. Мне для этого был дан специальный вагон маленького размера, которым я мог пользоваться в любое время, стоило лишь сказать по телефону начальнику станции «Севастополь»; и его прицепляли к нужному поезду. И это радовало меня и моего секретаря — отдельный вагон. Боже, какие мы дети и в сорок лет! А еще думали сломать ход истории.

Приехал я, с пересадкой на лошадях, к Перекопскому валу. Был вечер. Я посетил штаб Корниловской дивизии, командиром которой был высокий отчаянный молодой генерал Туркул[13]. Походил по избам близлежащей деревушки (имя

ее позабыл), разговаривал с солдатами, а особенно с офицерами. И сразу я был поражен духом добровольцев. Да это были действительно отчаянные герои! Да, они любили Россию и безумно складывали за нее свои буйные головы! Да, я могу представить их в так называемой психологической атаке, когда они шли церемониальным маршем, без единого выстрела, против вдесятеро сильнейшего неприятеля, который терял мужество перед бесстрашием офицеров и иногда бежал в панике от них!

И на этот раз они говорили о своей бесстрашной решимости. Один полковник, командир танка, совершенно спокойно рассказывал, что он был ранен уже четырнадцать раз, а завтра выйдет на сражение первым. И улыбался, куря. Он был почти уверен, что погибнет. Действительно после я узнал, что в его танк попал снаряд и он с другом сгорел в нем. И такие герои были почти везде!

Но он в этот же вечер, накануне смерти, совершенно открыто, почти цинично насмешливо заявил мне, что ничуть не верит в Бога. Бывшие тут с ним другие офицеры нимало не смутились его заявлением, будто и они так же думали?!

Я, по новости, пришел в ужас. Тогда чем же они отличаются от безбожников-большевиков? Выхожу на улицу. Встречается в военной форме солдат-мальчик лет 13—14. Были и такие. С кем-то отчаянно грубо разговаривает. И я слышу, как он самой площадной матерной бранью ругает и Бога, и Божию Матерь, и всех святых! Я ушам своим не верю. Добровольцы, белые — и такое богохульство! Боже, неужели прав Рябушинский: «Мы — белые большевики, мы погибнем!»?

Иду дальше. Слышу почти анекдот, но так запомнилось. Одна женщина потеряла корову и пожаловалась начальству. Искали ее и не нашли. Оказалось, ее спрятали не то в чулан, не то даже в ванную комнату, а потом зарезали. Я и сам сейчас не верю этой басне, но вот рассказывали же такое.

После, когда наша армия заняла северную часть Таврической губернии, я невдалеке от фронта, под прекрасным зеленым бугорком сидел с одним весьма благочестивым офицером, с чистой бородкой золотистого цвета. Мы, конечно, говорили о том, что же будет?

И вдруг он сказал такую фразу, я запомнил ее точно:

— Где же нам, маленьким бесенятам, победить больших бесов — большевиков?

И это сказано было не для красного словца, а спокойно, с глазу на глаз.

Сам Врангель в приказах твердил: что «святое дело нужно делать чистыми руками». Значит, была же нечисть!

Везде матерная брань висела в воздухе. Несколько позже я обратился к главнокомандующему с настойчивой просьбой принять решительные меры против этой разлагающей гнусности.

— Хорошо! Заготовьте об этом приказ по армии от моего имени.

Я поручил написать проект моему помощнику по флоту протоиерею Г. Спасскому[14], человеку талантливому и давно знавшему военную среду. Приказ был написан сильно и коротко. Последние две строчки приблизительно говорили: «И пусть старшие показывают добрый пример младшим в решительном искоренении этого ужасного обычая!»

Понес его генералу. Прочитал, согласился.

— Только вот,— говорит,— не лучше ли выпустить последние строчки?

— Почему?— возражаю,— ведь это же правда, что и они ругаются похабно?

— Да! Но неудобно в приказе говорить это о командирах, подорвется дисциплина.

— Хорошо, выпустите.

Он зачеркнул эти строки. Осталось ему отдать в печать и распространить по армии. Жду неделю, другую. Нет моего приказа. Иду к председателю Совета Министров А. В. Кривошеину:

— В чем дело? Почему нет приказа против матерщины?

— Провалили ваш проект.

— Как провалили? Кто?

— Генералы! — был короткий ответ его.

У меня даже захолодело в душе. Генералы говорили, будто бы без этой приправы не так хорошо слушают солдаты их приказания. Да и привычка въелась глубоко в сердце и речь. Одним словом, провалили. И будь же тому, что вскорости после

этого, не знаю как, по радио, что ли, дошли до нас слухи, будто Троцкий издал строжайший приказ по Советской Армии — вывести беспощадно матерщину!

Такое тяжелое впечатление получил я от первого знакомства с нашей армией. И только одно светлое воспоминание унес я от Перекопа — ту группочку безусых розовых мальчиков, которые у тлеющего костра спрашивали меня ночью:

— А что? Мы победим? Ведь мы за Бога и Родину.

Когда я вернулся с фронта, то доложил нашему Синоду, а потом и генералу Врангелю буквально так:

— Наша армия героична, но она некрещеная!

Вывод, в сущности, ужасный.

Что делать? Синод, архиереи — мы были бессильны и совершенно неавторитетны в глазах военных.

— Э-эх! Ну, что там говорят попы! — сказали бы нам в ответ.— Одной бесплодной проповедью больше, и только!

Авторитет, а он действительно был тогда, имел лишь Врангель — его любили, ему верили, его боялись. Но вот результат — и он почти ничего не мог сделать. Разложение духа было уже глубокое. Так мой наивный вопль замер в воздухе и после этого первого доклада, а потом — и в случае с бранью. Через несколько месяцев я подведу итог и письменно доложу о нем Совету Министров. Но будет уже поздно. А точнее сказать, было еще слишком рано.

Что это? Отдельные ли незначительные случаи? Или тут вырисовывалась уже общая картина? Мне бы хотелось верить первому, хотелось верить в чистоту белых риз. А иначе на что мне надеяться? Сил военных горсточка — всего 15—20 тысяч! Что это такое перед миллионами советской страны? Да еще после страшных поражений и бегства добровольцев со всех фронтов, когда авторитет и страх перед белыми пропал? Невольно начинало закрадываться в душу сомнение: не конец ли приходит? Не последняя ли страница пишется белыми?

Этот итог и пришлось мне, уже в июле, выслушать в откровенной форме от писателя Ивана Александровича Родионова. Имя этого человека не всем известно, а между тем от него осталась поразительная сильная книга, изданная около 1907—1908 года, «Наше преступление»[15]. Казак родом, он имел поместье в Псковской губернии и описал нравы местных крестьян. Там есть такие потрясающие картины морального разложения и совершенно невероятных форм богохульства крестьян, что я, читая лекции в Санкт-Петербургской Академии, для характеристики современной нашей паствы не мог пред взрослыми студентами цитировать некоторые страницы с кощунствами. А то была фотография с подлинных фактов.

Родионов говорил, что это наше интеллигентное преступление, мы внушали народу безбожие и прочее!

После он написал еще книгу «Жертвы Вечерние», как дети-кадеты в Белой Армии отвечали своими поздними жертвами за ранние грехи своих отцов. И еще написал стихи про Москву Белокаменную.

Генерал Врангель вызвал его из Турции, предложил ему стать во главе печатного дела. Он отказался. По прежнему еще знакомству с 1906—1907 годов по делу Распутина он зашел ко мне с визитом. Я угостил его обедом. С жалостью спрашиваю, почему отказался? «Видите,— ответил он,— чтобы победить большевиков, нужно одно из двух: или мы должны задавить их числом, или же духовно покорить своей святостью. Еще лучше бы и то и другое. Вот здесь хоть и благочестивы, но не святы. Ну а о количестве и говорить не приходится. Поэтому дело наше конченное, обреченное. И я отказался от напрасного подвига».

Я ему что-то говорил об успехах армии. Тогда белые разбили Жлобу[16] с его частью Красной Армии. Но Родионов не придавал этому эпизоду никакого значения.

Сам он был человеком крутого нрава, железной воли и даже физической силы. Вероятно, подковы легко мог гнуть и ломать. При этом был глубоко религиозным и церковным христианином, даже приучился к непрестанной Молитве Иисусовой.

После разгрома белых, когда я тоже приехал в Константинополь, его уже не было там, он перебрался в Берлин. Я написал туда ему письмо: вы-де оказались

пророком о Крыме, а что же теперь думаете о дальнейшем? Он отвечал: «Много дум в голове, но писать не буду, потому что люди учатся лишь опытом, и притом собственным!»

После он приезжал в Париж, там исповедовался и причащался. Все больше молился. Скончался, кажется, в Германии, оставив одного или двух сыновей, не знаю — от первой или второй жены. С первой он разошелся из-за своего тяжелого характера.

Но мы еще верили в успех. Еще не изжит был дух борьбы белых. И нужно было довести дело до последнего конца. Начались военные операции.

Говорить много о военных действиях нет нужды. История Добровольческой (со времени генерала Врангеля ее стали называть Русской) Армии в этот последний период «белого движения» отнюдь не определялась сражениями. Правда, в Сербии мне пришлось слышать доклад одного из добровольцев-офицеров, Туган-Барановского, который объяснял неудачи наши именно какими-то неверными военными действиями: вот если бы не так, а так... да если бы не то, а это... тогда бы... Скучно все это было. И Родионов был прав, когда говорил о массивных фундаментах движения: или колоссальной армии, или каких-либо духовных причинах, способных воздействовать на массовую психологию миллионов земли Русской. Потому и я, лишь для красочности моих записок, вспомню о нескольких моментах, оставшихся в моей памяти.

Впервые мне пришлось отведать огня при посещении мною штаба одной из дивизий. Только я вошел в сельский домик, где был штаб, как через каких-нибудь пять минут раздался страшный взрыв на том дворе. Мы выскочили. Оказалось, снаряд влетел сюда и несколько лошадей, стоявших тут, были разорваны. Моя лошадь стояла на улице и осталась цела. Немедленно — признаюсь со страху — мы с секретарем вскочили в нашу телегу и рысью обратно, подальше от фронта! Но снаряды ложились то слева, то справа, поднимая десятисаженные взрывы земли. Было жутковато. Однако уцелели. Две-три сажени левее — и весь штаб дивизии со мною был бы убит. Случайность?..

В другой раз генерал Врангель поехал на Джанкойский фронт, ближе к Азовскому морю. Красные наступали тремя цепями. С левого боку от них и значительно впереди шел бронепоезд. Все это было нам видно. Наши наступали тремя цепями и тоже с бронепоездом, шедшим впереди. Друг друга угощали гранатами. Генерал Врангель и мне предложил «прогуляться». Сказали мы краткие речи и пошли. Прошли третью цепь, потом вторую. То слева, то справа рвались гранаты. Еще издалека слышался визжащий лет: «гу-у!» И не знаешь, куда она угодит? Вдруг справа: «ба-ах!» между рядами. Идем дальше, еще «гу-у-у!», «ба-а-ах!» Я никак не могу удержаться, от страха непроизвольно вскрикиваю и непременно пригибаюсь к земле.

— Ну, как вам, Владыка, не стыдно кланяться всякой гранате? — шутит Врангель, быстро шагая на своих длинных ногах, так что мы едва успеваем скоренько следовать за ним.

Сам он шел совершенно спокойно. Так же спокойно, по видимости, вели себя офицеры и ряды солдат. Привыкли, что ли, они? Или скрывали чувство страха? Вероятнее — привыкли. Прошли мы и первую цепь. Впереди, довольно далеко, был наш бронепоезд, а навстречу ему двигался красный. Точно два быка впереди своих стад сходились они в бой. Генерал Врангель хотел пройти и туда. Но генерал Слащев очень ласково, но твердо отрапортовал, что Врангель у нас один главнокомандующий и рисковать собою не имеет права. Врангель послушался. Вот в этот раз я и видел Слащева в валенке на одной ноге и в сапоге на другой. Но все же он был красив и привлекателен!

Мы воротились. Не знаю, чем кончилось это сражение войск. Потом белые прорвали фронт красных и отогнали их за Днепр на западе, за Александровск (после) на севере и до Азовского моря на востоке. Чем объясняется такое отступление Красной Армии, не могу понять. Кажется, в то время советские войска были заняты войной с поляками и не могли выделить больших сил на юге.

Один раз в поле белые войска очень искусными маневрами разбили наголову кавалерийскую армию, тысяч 18 шашек, предводимую каким-то Жлобою, едва ли не простым матросом. И об этом говорили как о большой победе.

Была одна высадка на Кубань, возле Таманского полуострова. Разведчики обещали, что казаки поддержат теперь, они-де увидели, что такое большевики. Но это оказалось почти провокацией — никакой поддержки не было, лишь погибли тысячи добровольцев и отступили обратно. Но об этом молчали у нас.

Взяли к осени и г. Александровск. Но я не чувствовал в народе веры в нас. Например, в этом городе я служил в соборе литургию. В конце я предложил кому-либо из местного духовенства прочитать воззвание нашего Синода. Но батюшки, смиренно и робко улыбаясь, просили меня самого прочитать. Я понял, что они боялись остаться без нас, когда мы снова откатимся назад. Они, ясно, не верили в нашу победу. После литургии устроили крестный ход. Народу с нами шло немного, а по бокам стояли рабочие, явные враги наши. Они не снимали шапок перед крестным ходом и открыто злобно улыбались в наш адрес: «Подождите-де, и вам скоро придет конец!» Я это читал на их лицах совершенно отчетливо. Да, народ тут не с нами опять!

А в это время из-под Днепра, или с Запорожской Сечи, изредка летели снаряды, разрываясь очень высоко в воздухе и оставляя после себя беленькие облачка. Враг был рядом. И притом он мог постоянно грозить нашему левому флангу, отрезав его от основной базы в Крыму.

Еще помню службу в одном большом селе Мелитопольского уезда. Только мы начали служить молебен о победе нашей армии, как вдруг поползли слухи: красные окружают село. Наспех кончили молитвы. И я — на повозку. А Дроздовская дивизия совершенно спокойно стала готовиться к сражению. Генерал Витковский, весьма симпатичный и, казалось мне, мягкий, с женственным лицом человек, давал нужные приказания своей части для отражения врага. Я тогда удивился его непостижимому для меня спокойствию, точно на парад он шел.

Вот и все, что я помню о военных действиях за пять месяцев. В сущности, почти ничего. Победа над Жлобою была случайным успехом. Меня больше интересовали общие настроения народа. Я не в территориальные успехи верил, а в народ — если бы он повернулся стихийно, тогда иное дело! Как же он чувствовал? И что мы давали ему?

Всего легче это можно и нужно было бы видеть из тех деклараций, которые обыкновенно пускались среди народа пришедшею властью. Как Деникин, так и Врангель выпустили такое обращение: «ЗА ЧТО МЫ ВОЮЕМ?» Оно было краткое, строчек в двадцать. Не помню сейчас, что там говорилось вообще. Лишь два пункта запомнились. Первый — о вере, второй — о хозяине.

Как помнит читатель, генерал Деникин отклонил пункт «за веру», чтоб быть искренним. Генерал Врангель снова вставил его. Не потому, чтобы он был более религиозен, чем тот, а потому, что этот пункт теперь казался и более патриотическим, и отличал белых от красных безбожников, и более привлекал народ. А еще была случайная причина. Какими-то путями к генералу Врангелю прошел один крестьянин Костромской губернии. Ему был показан проект обращения. Крестьянин сей удивился, что ни слова не сказано о вере, и дал совет непременно внести этот пункт. После этот крестьянин посетил и меня. Не он ли сам рассказал мне об этой подробности? Как сейчас помню его скромное лицо с русой бородой, серыми спокойными глазами, коричнево-серый пиджак и русский картуз. Симпатичный.

Но в декларации не сказано было о православной вере, потому что в Крыму было много татар-магометан и других. Отразилось ли это обращение на массах? Не думаю. К этому пункту привыкли еще в дореволюционное время и не обращали на него особого внимания.

Гораздо более тревожно встречен был другой пункт — о хозяине. Декларация по вопросу о будущем политическом строе стояла на «непредрешенческой» позиции. И генерал Врангель заявил, что этот пункт решит «хозяин земли Русской». Но кто он такой? Сразу всякому бросалось в глаза, что тут разумеется царь. Да и слово «Хозяин» печаталось с большой буквы. Откровенно сказать, я и сам думал так же точно. Дело в том, что тогда была у многих вера в царя. Нам казалось, стоило лишь ему стать во главе, и все как-то волшебно устроится. Будто вся беда лишь оттого, что царя нет. Таково уж было обаяние его за 300 лет. Но и вообще люди истосковались по единой сильной власти.

Что думал сам Врангель, не знаю и сейчас. Может быть, и он мечтал о его воз-

вращении? Не знаю, но почему-то думаю, это было у него. Некоторые (например, митрополит Антоний Киевский) открыто потом высказывали мне враждебные подозрения, будто Петр Врангель с моей помощью стремился в Бонапарты под именем Петра IV. А мне и в голову это не приходило. Не верю, чтобы генерал мечтал о такой карьере. Кажется, митрополита Антония разжигали крайне правые, Марков[17] и другие, которые очень не любили генерала Врангеля за его широкую позицию. После, в Сремских Карловцах, в Сербии, на лекции К., выбывшей недавно из России, когда зашла речь о династии Романовых, генерал Врангель в последовавшем обмене мнениями бросил горячую фразу, которая страшно поразила даже его сотрудников-генералов: «Россия — не Романовская вотчина!»

Нужно, впрочем, сказать, что Врангель всегда был шире и свободнее многих из сотрудников своих, но разумел ли он в 1920 году под хозяином царя, не могу сказать. Когда же неопределенное слово вызвало разнотолкования в обществе и армии, он вынужден был дополнительно разъяснять в печати, что под хозяином разумеется сам народ земли Русской. На этом и успокоились.

Что касается прочих пунктов воззвания, то они не остались в моей памяти. Думаю, потому что не были яркими и оригинальными. Кажется, был и нравственный пункт, что святое дело освобождения Родины нужно делать чистыми руками ⟨...⟩

Доселе я, как епископ Севастопольский, считался народным архиереем. Но как только я выступил сотрудником «белого движения», тотчас же на меня посыпались с разных сторон обвинения: он ушел от нас к ним! Я должен был говорить по этому поводу специальную проповедь с крыльца Александро-Невского храма на Корабельной стороне. «Для Церкви,— разъяснял я,— и белые, и красные, если только они верующие, одинаково приемлемые, следовательно, я, работая с белыми, не ухожу от народа». Но, по-видимому, мое толкование не успокоило сомнений.

Другой случай. Я сам с печалью видел, что вокруг генерала Врангеля собрались бывшие высшие классы: министры, губернаторы, генералы, сенаторы, аристократы, немного промышленников и членов Думы и... не из крестьян и рабочих. И я прямо высказал свою печаль и опасения генералу Врангелю, а потом и Кривошеину. И быть же тому, что как раз после этого моего доклада премьер-министру входит его секретарь Котляровский, ничего не знавший о содержании нашей беседы, и сообщает, что сейчас по радио передавалась агитационная речь Троцкого по этому же вопросу. «Всем, всем, всем! Кто собрался вокруг Врангеля? Графы, князья, помещики, генералы, нет народа» и т. д.

Нас всех поразило такое совпадение — белый архиерей и красный комиссар говорили одно и то же. Да, безусловно, нужно сознаться, что «белое движение» было в конце концов движением классовым, а не всенародным, не рабоче-крестьянским. Я это говорю не для того, чтобы винить кого-нибудь — историю винить легко, но не всегда это умно и справедливо,— а лишь чтобы объяснить процесс белого движения и отношение к нему со стороны народных масс.

Для этого я сейчас расскажу об этом характерном случае обращения с этим самым народом.

Однажды в мой дом в Севастополе пришла группа селяков, человек 15. Это были простые землеробы. Но во главе их были интеллигентные братья Акацатовы. Кто они такие, я и по сие время не знаю. Слухи об одном из них ходили разные. Человек на многое способен, говорили потом о нем. Но мне это совершенно не важно. Такая большая группа не вмещалась в мою приемную комнату, и я попросил их в столовую, где было больше места и стульев. Сели. Характерно при этом, что каждый из них хотел занять место как можно более укромное, в уголке, а сесть — на краешек стула. Увы! Так приучены мы были все в бедности и бесправии. И я сам, когда уже был ректором семинарии, все опасался ходить в парадный подъезд по зеленому ковру лестницы. Тем более — мужички. Этот «хозяин земли» своей.

— Чем могу служить? — спрашиваю.

Акацатовы могли бы, конечно, говорить. Вероятно, они были наняты селяками как адвокаты. Но они предпочитали, чтобы народ заговорил первым. Известно, что они чрезвычайно стеснялись выступать. Наконец кто-то начал.

Оказывается, они ходоки по общему делу землеробов. И все добиваются дойти до

самого Врангеля, но им это никак не удавалось до сих пор. Вот кто-то и направил их к архиерею как к приятелю генерала.

А в чем дело ваше?

Они туманно мне начали объяснять что-то о хлебе, о мануфактуре, о валюте. Я — невежда в этих делах, а они — неважные ораторы. Так я почти ничего и не понял.

— Чего же вы желаете от меня?

— Так что нам бы повидать генерала Врангеля.

— Хорошо, я попрошу его.

У меня как епископа армии был правительственный телефон. Звоню. Отвечает главнокомандующий. Объясняю ему, что группа делегатов от крестьян хочет иметь у него прием. Генерал отвечает, что очень рад, но у него все время расписано по часам. Вот только завтра, в воскресенье, он может видеть их во время обедни. Благодарю и вешаю трубку. Объявляю просителям решение. Но они еще не собираются уходить, точно чего-то дожидаются. Видно, во время телефонного разговора они о чем-то еще уговаривались.

— Ну, вот и все. Завтра в Малом дворце в 10 часов утра будьте там.

Сидят. Смотрю на них недоуменно.

— А еще мы желали бы просить вас...

— О чем?

— Не можете ли вы завтра вместе с нами быть у генерала Врангеля?

— Зачем?

Улыбаются стеснительно. Потом объясняют, что со мною они были бы как-то спокойнее и смелее у главнокомандующего. Милый, милый и смиренный народ! Ах ты, «хозяин земли»! У себя на родине всех боишься, как заяц!

— Но ведь я ничего не понимаю в ваших делах?!

— Нам это и не нужно. Вы только с нами там постойте. Нам с вами легче.

— Хорошо. Но только у меня завтра в этот самый час литургия в соборе. Я служу.

Они заминаются. Понимают трудность моего положения, а у Врангеля им со мной было бы «способнее». Я быстро соображаю, что должен помочь народу. «Вместо поздней литургии отслужу раннюю в 6 часов утра и к 10 часам утра буду свободен»,— подумал я про себя.

— Но я должен опять попросить разрешения у главнокомандующего быть с вами.

— Уж попросите.

Звоню. Генерал отвечает мне:

— Владыка, вы знаете, я всегда рад видеть вас.

Это верно, он всегда бывал любезен со мною, кроме одного раза, о котором расскажу после как знаменательном и поучительном случае. Однажды при своей жене, прекрасной умной женщине Ольге Михайловне, родившей ему троих детей, генерал с улыбкой говорит:

— Владыка, что вы так редко захаживаете ко мне?

— Знаете, премудрый Соломон давно сказал: «Не учащай и к другу»[18].

Я воротился в столовую и порадовал своих гостей.

На другое утро без пяти минут десять часов мы встретились около Малого дворца и через крыльцо все вместе вошли в небольшую приемную. Год назад с этого самого крыльца меня выводили из чрезвычайки напоказ народу. Но странно, я в тот раз даже не вспомнил о ней, и лишь теперь она пришла мне на ум. Народ тогда поддержал меня, а теперь я хлопочу за него. Прежде я боялся, а теперь селяки боятся. Как меняются времена в жизни!

Небольшая приемная помещалась налево от входного коридора. Как только мы вошли в нее, селяки в своих кожухах и свитках устремились в задний угол. Все, бедные, стесняются везде и чувствуют себя неловко, будто всем мешают. Да, да, читатель, это все было, было! Нечего нам, господам, возразить против факта.

Я тоже пошел с ними в угол. Но на полдороге остановился. В зале, в правой стороне, уже ждали приема несколько военных, может быть, полковники, а то и генералы. Вообще, начальство, господа. Я сделал им общий поклон. И вдруг мне стыдно сделалось, что я иду к мужикам, а не к этим чистым панам. Я задержался в середине приемной с намерением подойти к военным, заговорить с ними или хоть сесть среди них. Но, к счастью, заговорила совесть: «Если же и мы, духовные, оставим народ свой, то к кому же ему кинуться? Начальства он боится, неужели бросить его и нам?»

И усилием воли, да не сразу, я решительно повернул себя к селянам, вошел в их группу и стал о чем-то говорить с ними. Им сделалось легче.

Через пару минут из двери направо, где был кабинет главнокомандующего, стремительно вышел к нам генерал. В своей обычной казачьей черкеске и на этот раз с белой папахой в руках, высокий, он стал перед народом. Без всякого преувеличения можно сказать, что он тогда для своих гостей был то же, что и царь. Не в имени же дело. А они — подданные. И подданные лояльные. Ничего революционного не было в этих свитках. Старая, смиренная, покорная Русь стояла опять с мятыми шапками в руках и просила. Только просила. Не грозила, не ставила ультиматума, только кротко просила. А ведь уже был четвертый год революции! И все же они были мирны. Эти «хозяева земли»...

Генерал, по обычаю, подошел ко мне как к архиерею под благословение, щелкнул громко верхушкой правой руки о левую ладонь, а после моего благословения он не донес даже до уст своих благословляющей моей руки. Опять не в осуждение говорю, а жизнь была такой: все одна форма, внешность, а внутреннее сознание превосходства светской власти над Церковью.

Затем он стал обходить всех селяков и энергично здороваться с ними за руку. А я думал: «Это совсем не необходимо». Народ наш разумный, он знает цену начальству и потому не огорчился бы ничуть, если бы обошлось и без рукопожатий. Даже наоборот: эта вольность не полезна ни начальству, не нужна и народу.

Вспоминается анекдот про А. Ф. Керенского. Входя в царский московский дворец, он будто бы тоже подал руку швейцару в знак равенства, но тот не знал потом, что же ему теперь делать с ней? И кажется, сразу же потерял уважение к всероссийскому правителю — нет, это не настоящий!

В это время в коридоре мимо входной двери проходил секретарь по гражданским делам Котляревский, о коем я уже упоминал в рассказе о радио Троцкого. На одну или две секунды он задержался против приемной, увидел эту картину «здорованья», как говорили в залах, и улыбнулся. А я случайно поймал эту улыбку и понял ее так: «Глядико-сь! Залетели и вороны в барские хоромы! И зипуны — тут же, где и паны!»

Грустно стало мне, Боже, Боже! Мы еще до сих пор не понимаем, что ведь вся сила в народе: будет он с нами — и мы спасемся, не будет — мы без него — нули. А ты улыбаешься!

А Котляревский промелькнул и исчез. Не нужно думать, что он был какой-нибудь дурной человек. Наоборот, и тогда, и сейчас я вспоминаю о нем как о симпатичном и порядочном чиновнике, знающем свое дело. Но такое уж было время, господствовали господа. А «хозяин земли Русской» не знал, куда руки свои девать! Не случайно произошла революция. Это не «бунт презренной черни», как любят иногда ссылаться правые деятели на Пушкина, а кончилось терпение народное. Всему мера, и она (чаша терпения) переполнилась, вероятно. Вспоминаются слова Тургенева: «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись».

А Россия — это по преимуществу простой полуторастомиллионный народ. Мы — господа, интеллигенты, духовенство — лишь тоненькая корочка на этом огромном пространстве, занимающем шестую часть земли. Но странно, эта корочка считала себя хозяином. Мне и прежде не очень нравилось, когда царь говорил «мой народ», «мои подданные», «моя армия». Будто бы действительно все это принадлежало ему. А уж теперь, после революции, и вовсе не место было старым воззрениям на народ. Но не скоро выдыхается прежний дух, складывавшийся веками. Не будем винить, а лишь поймем все.

Поздоровавшись со всеми, генерал Врангель, точно извиняясь, обратился ко мне со словами:

— Вот, Владыка, собирался в церковь пойти, а тут все дела.

— Эти дела — сейчас ваша служба, а в церкви мы молимся за вас.

Тогда он обратился к селянам с обычным вопросом, просто, но энергично и с властностью, ему свойственною:

— Чем могу служить?

Они совершенно растерялись. Повторяю, перед ними стоял такой же царь. Да если и не царь, а генерал — все равно высокое лицо. Большая же часть просителей прошли солдатскую школу, а для них генерал — это недосягаемая величина. И бук-

вально не могли начать ни слова, точно онемели.

Он спрашивает их снова. И опять тягостное молчание.

— Владыко! — обращается он ко мне,— в чем дело?

— Я хорошо не знаю, они сами объяснят. А я лишь привел их к вам.

Тогда уж один из них, помоложе, розовый блондин, с великим трудом стал объяснять суть их просьбы. Она заключалась в следующем. Армия, как это и понятно, брала от крестьян продукты принудительно, но на все были установлены твердые цены. Народ понимал неизбежность такого порядка вещей и не возражал. Но установленная такса была слишком низка, по их мнению. Я уже не помню цифр, но что-то за воз пшеницы они могли купить лишь пять аршин ситца (тогда уже был недостаток в мануфактуре), вместо 50—100 по прежним расценкам. Но не в цифрах дело. Я пишу о настроениях, и мне не важны точные данные.

Главнокомандующий понял, что речь идет о валюте, и обратился к селянам с вопросом:

— А вы были у моего министра по финансовым делам, Колбанцева?

— Были-и! — грустно ответили они.

— Что же он вам сказал?

— Говорит, так что иначе нельзя.

— Ну если он сказал вам это, что я могу сделать?

Эти слова окончательно подбили крылья селянам — как нельзя? Ты же — глава! Ты — царь сейчас, а говоришь — не можешь? Этого не вмещало сердце верноподданных, всегда веривших в силу и правду царя-батюшки. И я также подумал: никак нельзя было подрывать главнокомандующему собственный авторитет подобным «не могу». Но слово было уже сказано.

Однако чуткий генерал понял, что он обескуражил селяков, и решил поправить ошибку:

— Ну, хорошо, я узнаю, в чем дело, и если что можно будет, то прикажу!

Но было уже поздно, и притом опять «если». А им! Им теперь оставалось уходить домой без валюты и без надежды. Генерал снова начал жать им крепко руки. Последним оказался я. Как сейчас помню, мне хотелось выйти с огорченными селянами, точно и от меня отбирали задешево пшеницу. Но генерал остановил меня:

— Владыка, зайдите ко мне! — И я, не простившись с моими друзьями, повернул за ним в кабинет. Там за столом сидел генерал П. Н. Шатилов, друг и наперсник главнокомандующего. Это хороший человек, честный, способный, преданный России и Врангелю. Он курил папиросу. Главнокомандующий был некурящий. Мы поздоровались. (Кажется, через рукопожатие.)

— Садитесь.

Я сел против них.

— Ваше Высокопревосходительство, разрешите мне сказать!

— Пожалуйста!

— Вы знаете, кто у вас ныне был?

Он вопросительно посмотрел на меня.

— У вас было ныне все ваше мужицкое царство. Вы думаете, было лишь пятнадцать человек, нет! Крестьяне думают в общем, как один, так и все. И эти пятнадцать разнесут по всей занятой вами Тавриде о нынешнем приеме. Что же они скажут своим землякам? То, что вы пожали им руки? Поверьте, это совсем было необязательно. И не это ценят практичные мужички, а дело. Что же вы им обещали? Сказали сначала, что ничего не можете, а потом пообещали рассмотреть вопрос и, может быть, что-нибудь сделать. Но вы сами видите, как ваши подданные пошли понуро: они шли с надеждой к вам, а ушли разочарованные. Прежде они боялись вас.

— Чего бояться?

— Боялись начальства. И не только они, а вот и я боюсь. Не вас, правда, боюсь, а вот и Павла Николаевича боюсь, и других ваших генералов боюсь.

— Да что вы, Владыка? Пашу боитесь? А, Паша!

Тот, покуривая, улыбался неопределенно.

— Да, и его боюсь. Боюсь потому, что не знаю, что именно думает он не только обо мне лично, но и вообще о всем духовенстве, о всей Церкви? Ведь высшие классы привыкли свысока смотреть на духовенство, это мы всегда чувствуем. Мы лишь внешне признаемся. Вы лично иное дело. Но прочие, не знаю, как смотрят на нас. А уж если я, архиерей, боюсь вас, то что же говорить о мужиках? Потому ведь они и

попросили меня сопровождать их к вам. И вот печальный результат — и генерал не помог! Простите, Ваше Высокопревосходительство! Но я много раз говорил вам: вас знает и любит армия, вас немного видели горожане, но вас совершенно не знает народ, и вы ни разу еще не встретились с ним с глазу на глаз. А что мы без народа?

Он выслушал без всякой обиды и сказал:

— Хорошо, Владыка! Вот как-нибудь поедем с вами по селам. Подождите. Посмотрим на расписание дел: понедельник — занят, вторник — занят, среда — тоже. Вот в четверг свободен сравнительно. Поедем!

— Слушаюсь!

Увы, прошел один четверг, второй, пятый, десятый, так он и не собрался повидаться с народом, «хозяином» земли Русской. Такое было время, таково было «белое движение». История сразу не меняется.

Еще могу припомнить о смертной казни. Временами арестовывали большевиков и после суда иногда расстреливали их. Было несколько случаев, когда обращались к моему посредничеству. Однажды буквально в полночь прибежали две молоденькие женщины, жены схваченных большевиков, и с рыданием просили моего заступничества. В другой раз днем пришел высокий корявый рабочий старик лет 65, ломая над головой свои мозолистые руки, с каким-то отчаянным воплем молил меня за арестованного сына и все повторял:

— Да что это такое? Что эта такое? О-ой! Что такое делается! Ой-ой-ой! Ой-ой-ой!

Обычно я утешал их, обещал хлопотать, на другой день шел к генералу. И были случаи помилования. Но однажды он в присутствии своей жены Ольги Михайловны сказал нам в полушутку:

— У меня два главных врага: это жена и Владыка. Вечно просят за каких-нибудь мерзавцев. Да поймите же сами, что не для удовольствия же я утверждаю смертные приговоры. Необходимость заставляет. Если не казнить сейчас одного, потом придется казнить десять. Или они нас будут казнить в случае их успеха.

Скоро был издан специальный общий указ: впредь не обращаться к главнокомандующему с просьбой о помиловании. Там, конечно, не упомянуто было ни обо мне, ни о жене. Но, кажется, указ был направлен больше всего против меня.

Думаю, едва ли этот указ можно считать народным актом. Разумеется, без этого никогда не обходилось ни одно правительство, в частности, а может быть в особенности, и советское. Но казнимы были преимущественно рабочие, и, следовательно, они могли эту тяжелую долю власти ставить в вину белым. Впрочем, рабочие хорошо знали, что и красные были не более снисходительны и нежны. Лично я думаю, что не было бы большой беды, если милость к виновным была бы щедрой, особенно по просьбе архиерея.

Таково было отношение к народу.

Возьму теперь политико-экономическую сторону. О монархизме я уже говорил. В некоторых кругах была вера в царя. И я сам считал это признаком хорошего нравственного тона. Иногда даже и в проповедях упрекал «благочестивых» братьев и сестер, что они настолько еще слабы, что даже не смеют думать о восстановлении монархии, а не только говорить. А у меня был свой печатный орган «Святая Русь», правительство оплачивало его издание, а редактором я назначил ученого-священника отца Нила Малькова, годом моложе меня по Санкт-Петербургской Академии, а потом бывшего там профессором по апологетике. В этой газете мы с ним и начали пропускать иной раз статейки за царя и монархизм. Как-то однажды я описал встречу мою в Крыму с бывшим министром юстиции, кажется Добровольским, и высоким чиновником при Святейшем Синоде, Остроумовым. Оба, уже беленькие старички, сидели у меня тихо, мирно, деликатно. А я смотрел на них и умилялся — отмирающие осенние листья. Хорошие были люди. Жалко их было. Умирающие могикане — смиренные, послушные, почтительные, идейные, кроткие — о них я поделился своими впечатлениями в газете.

Через несколько дней меня вызывает по телефону главнокомандующий и довольно сурово приказывает, чтобы впредь не писать о монархии. Оказалось, когда наша газета попала на фронт, то среди белых инородцев поднялся сразу протест: «Опять назад? Опять старый режим?» А красные тотчас же воспользовались нашим монархизмом и повели пропаганду против нас. Пришлось свои умиления сократить, а монархические статьи и совсем прекратить. Пробный шаг

показал, что на монархизме играть положительно невозможно и даже опасно.

Какова же была наша политическая программа? Неизвестная! Сначала победить большевиков, а там сама страна решит этот вопрос. Значит, предполагалось нечто вроде Земского собора времен воцарения Михаила Федоровича Романова. Об Учредительном собрании говорить было нельзя. Это — революционный термин, а мы в общем — правые, антиреволюционеры. И говорить за Марусю Спиридонову или Чернова с Керенским было дурным тоном, опасным делом — это все очень сродни большевикам, против которых боролись белые.

В этом отношении времена́ Врангеля были значительно правее деникинских. Там имели силы некоторые кадеты, а у нас октябристы были на подозрении. Единственным человеком из левых кругов был шумевший прежде член Думы от Саратовской губернии Аладьин. Сам генерал Врангель настолько был широк, что искренно допускал всякое сотрудничество с попутчиками, невзирая на их прошлую революционную деятельность. Но кажется, сей знаменитый Аладьин, с которым встретился однажды я (он понравился мне), был среди нас, как белая ворона. Разумеется, и он ничего не сделал, как и все мы. Потом как-то сплыл с горизонта без особенной нашей печали о нем.

Близким сотрудником главнокомандующего по иностранным делам был действительно известный человек, Петр Струве, бывший марксист и пропагандист социализма, а теперь противник Ленина и коммунизма. Вот и все «либералы». За границей мы нашли неожиданную поддержку в лице революционера и разоблачителя провокаторов (Азефа и др.) Бурцева. В своем парижском органе «Общее дело» он горячо ратовал за поддержку генерала Врангеля в борьбе против большевиков, пока мы сами не пожаловали к нему в Париж.

Итак, в политике мы хотели сделать последнюю ставку на царя. Думали, что народ теперь захочет восстановления монархии. И жестоко ошиблись в нем. Лично мне самому пришлось это услышать от одного, притом бывшего, богатого землемера. Как-то мне нужно было выехать на фронт. Крестьяне поставляли нужные подводы. Трясемся мы с одним эдаким рабом Божиим лет пятидесяти на телеге. Лошадкам все режимы одинаковы: трусит не спеша.

Дай, думаю, заговорю с ним о царе. Мы одни в поле. Он, наверное не побоится сказать слово за монархию. Мужичок, по всему видно, богобоязненный, смирный. Спрашиваю: «Что думаешь про царя? Не лучше ли было при нем?» Он немного помолчал. Ясно было, что я подсказываю ему ответ — за царя. Но, к моему удивлению, «хозяин» после раздумья сказал, что у него нет охоты на это. Я увидел какое-то полное равнодушие к вопросу. Не только он не защищал монархию и царя, но и не спорил против них, точно это был прошлогодний снег. Было и прошло, и быльем поросло! Куда ж делось мнимое царелюбие нашего народа? И было ли оно?..

Мне показалось, что народ наш смотрит на дело совсем просто, не с точки зрения идеалов политической философии славянофилов и не по рецептам революционеров, а также и не с религиозной высоты догмата Церкви о царе-помазаннике, а с разумной практической идеи-пользы. Была бы польза от царя, исполать ему! Не стало — или мало — пусть уйдет! Так и с другими властями — кадетскими, советскими. Здоровый простой взгляд.

Мой возница, видимо, не ожидал теперь этой пользы от царя и без борьбы и сомнений теперь легко выбросил сей пункт из своего сердца и ума. Пришлось мне спросить в другой раз у рабочего: «А что ты думаешь о царе?» Он тоже совершенно хладнокровно ответил: «А что мне царь? Вот я остался после родителей сиротой, и никто не подумал обо мне. И ни школы никакой мне не дал он, ни мастерству не научил. С малолетства пришлось идти на работу к еврею, девятнадцать лет у него прожил. Хороший был человек».

А рабочий был и остался хорошим прихожанином Церкви, даже долгое время был председателем одного церковного общества. Вот поди и пойми «царелюбца», как мы представляли себе обычно крестьянина. Совершенно так же, думаю, практически расценивает он и всякую другую власть, в частности советскую: полезна? — поддержим, нет? — и от нее отойдем в удобный момент. После смутного времени нужны были Романовы, призвал их, даже на «вечные времена», в письменной грамоте клялся им в верности и за себя, и за потомков. Наступили другие условия — он отказался от них, а о клятве 1613 года даже и не слыхал. Знал

присягу, но и ее порвал. А царь Николай II добровольным отречением за себя и наследника, а потом Михаил Александрович своим отказом от короны сняли с народа и эту последнюю присягу.

И сего возницу интересовал несравненно больше совсем другой вопрос. Какой же? Забыв сразу о бывших царях, он стал мне с добродушным юмором рассказывать по-украински о современных трудностях. Я запомнил доселе такие слова его: «Вот сначала помещиков-богатеев обобрали, духовенству трудно стало, потом дошли и до нас, зажиточных селяков. У меня было десять пар волов (пять или десять, не помню уж я), лошадей, всякой худобы (скотины) там. И тоже отняли. Вот осталась лошаденка да пара волов. Ну, а теперь и до бедняков добрались».

И он благодушно, совсем без злобы на обобравших его, улыбнулся. Потом, подумав немного, добавил: «И гляжу я, гляжу на все теперь и думаю: вся премудростию, Господи, сотворил еси!»

Пока генерал Врангель предложит ему свою крестьянскую реформу. Напишу об этом.

Там, где восстанавливалась власть белых, тотчас же механически восстанавливалась и частная собственность как старая хозяйственная система, противоположная большевистской. Такое сравнение было не в пользу добровольцев. Но при генерале Деникине еще не ясно было, в какую сторону склонится борьба? И потому народ держался осторожной позиции: при красных пользовался землей, при белых возвращал ее собственникам. Но когда Добровольческая армия была разбита на всех фронтах и у белых остался лишь крымский клочок, когда ясно наметилась победа советов, то волей-неволей пришлось думать о земельной реформе в радикальном смысле, чтобы соблазну большевистских даров противопоставить выгодные обещания со стороны белых. Генерал Врангель созвал для этого специальное совещание в Малом дворце. Кроме того, были и другие военные. Между ними выделялся смелыми суждениями начальник штаба генерал Махров. После, во Франции, он открыто печатно защищал Советскую Армию и говорил о силе, технической оборудованности и дисциплине ее. Главным докладчиком был Глинка, бывший товарищ министра земледелия при А. В. Кривошеине. Был и я, и еще один адвокат, представитель «крестьянского союза». Начались длинные нудные обсуждения вопроса. Генералы Врангель и Махров настаивали на радикальной форме его разрешения, к ним присоединились и мы с адвокатом. Но милый и благочестивый старец Глинка упорно и методично восставал против этого. Его мотивы были такие: во-первых, «собственность священна» и Добровольческая армия, как стоящая на моральной основе, не может ступить на путь принудительной экспроприации и «черного передела»; во-вторых, насильное снятие собственности есть большевистский способ, а белые — противники их; в-третьих, будто и сам народ считает такой путь и греховным, и государственно беззаконным, и просто непрочным. Иное дело — приобретение им этих земель в собственность за установленную цену при легких условиях выплаты ее. Говорилось даже, будто мужику нужна «бумага» на владение землею за «печатью».

В результате остановились на последнем проекте, как компромиссном. Заявлялось, что земля переходит во владение народа на правах частной собственности, само государство выплачивает владельцам ее стоимость, народ имеет дело уже не с частными собственниками, а с правительством, владение закрепляется государственными актами.

Так мне вспоминается суть этой реформы. Закон о ней был быстро отпечатан и распространен по всей Тавриде.

Я немедленно поехал по северным хлеборобным уездам, чтобы узнать, как понял народ эту реформу. И, воротившись, доложил Врангелю, что народ отнесся почти равнодушно. Никакого подъема и движения я не увидел. И понятно: реформа была компромиссной и запоздалой. Будь она дана царем в 1903—1905 годах, когда в Думе, как я писал, обсуждался Кутлеровский проект о принудительной передаче земли крестьянам, народ ухватился бы за нее обеими руками. А теперь, когда крестьяне фактически уже владели ею, когда помещики разбежались, когда советская власть утвердила землю за обрабатывающими ее, подобная реформа по существу своему не могла, конечно, вызвать восторга. Ко всему этому нужно еще прибавить великое сомнение народа в успехах последних остатков белых армий. А если так, то много ли стоили все наши обещания в глазах тех, кому мы дарили то, чем

сами еще не владели крепко? Всякому было понятно, что наши реформы больше отзываются пропагандой, чем государственным актом.

А это уже было к осени. Наш фронт начинал снова гнуться и трещать под натиском красных. В тех же северных уездах в эту самую поездку я узнал, что в некоторых пунктах казачьи части отступали перед противником. Я сам видел на железнодорожных станциях нервность и растерянность молодых военных комендантов, грозивших жестокими мерами за непослушание им. При этом они хватались уже за револьверы, висевшие на их поясах.

— Ну, опять началось! — подслушал я нечаянно разговор между двумя машинистами. И тон этих ни в чем не повинных людей был недружелюбный к белым.

И какой мог быть подъем от нашей реформы? Когда же я прямо ставил этот вопрос селянам, то они сначала хмуро отмалчивались, а потом отделывались какими-нибудь неопределенными отзывами. Ясно, что земельная реформа наша провалилась. А скоро развалится и военный фронт.

Никаких других реформ я не помню, потому что их и не было, возвращались к старым привычным формам жизни — это было гораздо легче, но бесплодней.

Дальше я могу сказать несколько слов об иностранной политике нашей. Конечно, я не специалист и тайн закулисных не знал, но кое-что доходило и до меня.

Поездка нашего министра Струве[19] в Париж к президенту Мильерану[20], противнику Советов, кажется, увенчалась успехом: нам была обещана помощь.

Англичане продолжали понемногу снабжать армию вооружением, как и при генерале Деникине.

Были возобновлены официальные сношения с поляками, чтобы вместе бороться против красных, которые тогда угрожали Польше разгромом. Представителем Врангеля туда был назначен генерал Махров, которого, кажется, не очень-то долюбливали высшие круги белых за его демократичность и самостоятельность, хотя и он был одним из способнейших военных людей и живым человеком вообще. И когда генералу Врангелю некоторые говорили, что союз с поляками есть измена России, он отвечал известной формулой Кавура[21] с изменением конца: «Хоть с дьяволом, только бы против большевиков!» Но как только поляки с помощью Франции и под предводительством начальника ее штаба генерала Вейгана разделались с большевиками, то немедленно бросили и своего союзника Врангеля, которого прежде хотели использовать лишь в собственных видах. Это очень разозлило Врангеля, как припоминаю. А освободившаяся от войны с поляками Советская Армия, после Рижского мира с Польшей[22], направилась теперь на юг, чтобы добивать белых. И это предрешило военный исход, силы были неравны.

Были еще какие-то заигрывания с Врангелем немцев, приславших в Крым своих тайных посредников. Я только слышал об этом. Но или условия были неприемлемыми, или главнокомандующий не верил им и не хотел продавать им Россию, но успеха они не имели. А между тем вражда против большевиков была у многих из белых такая, что они действительно были готовы дружить теперь с немцами, забыв все прошлое, всю войну, Брестский мир и прочее.

Лично я тоже не чувствовал злобы против немцев и, право, готов был опереться и на них, если бы это от меня зависело. Нужно сознаваться в этом: что было, то было. Такова была тогда жизнь.

Потом, уже в Америке, мне пришлось от одного образованного русского человека, бывшего офицера американской армии, слышать что соглашение Врангеля с Польшей было прямым предательством и, может быть, содействовало даже разгрому Белой Армии. Но нужно было жить в России, а не смотреть на нее из далекой Америки, чтобы понять психологию нас, белых! Как в данный исторический момент (1941—1943 годы) всем союзникам хочется уничтожить Гитлера, так и тогда некоторые люди горели одним желанием: разбить большевиков!

Припоминаю несколько фактов еще из эпохи генерала Деникина. Как известно, болгары и тогда были с немцами. Однажды я в магазине встретил болгарина-офицера и говорю ему с откровенным упреком:

— Как же это вы, братушки-славяне, которых Россия освободила своей кровью от турецкого ига, теперь воюете против нас?

— Мы,— совершенно бесстыдно ответил мне по-болгарски упитанный офицер,— реальные политики!

То есть где выгодно, там и служим.

Противно стало на душе от такого бессердечия и огрубелости!

При Врангеле, впрочем, была попытка организовать в Болгарии добровольческий отряд на помощь нам. Приезжали даже какие-то два ходока — военный и священник. Посетили они и меня. Но так из этого ничего и не вышло. Да были ли за ними какие-нибудь массовые силы?

Немало тогда присасывалось авантюристов или просто увлекающихся людей. Однако пусть история знает, что какие-то единицы из болгарского народа стыдились братоубийственного предательства. Известно, что митрополит Софийский Стефан протестовал против участия болгар в первой войне на стороне немцев и вынужден был удалиться за границу, в Швейцарию, до окончания борьбы. Есть слухи, что и сейчас он против соглашения с Гитлером. Была еще горсточка галицийских добровольцев, но во главе их стоял офицер авантюристического склада, как мне показалось при знакомстве с ним в Крыму, а после и в Европе.

Не очень-то легко было Врангелю устанавливать дружественные соглашения и с домашними «иностранными» державами»: с «Всевеликим войском Донским», с кубанскими и терскими казаками. Революционный центробежный откол частей бывшей единой империи изживался весьма трудно. Даже потеряв свои территории, атаманы, кроме прекрасного донского генерала Богаевского, все еще дышали ревностью по самостоятельности. Не сразу сговорились с ними. Наконец генерал Врангель по телефону попросил меня прибыть в Большой дворец и отслужить благодарственный молебен — столковались-таки! Где-то доселе хранится у меня фотография объединенных вождей. Точно где-нибудь среди индейских диких племен Америки!

Вот что значит революция! Легко разбить посуду, как трудно потом склеивать. И поймешь теперь, почему националисты-добровольцы боролись за «единую, великую, неделимую Россию». Это было здоровое течение в данном пункте. Потом и большевики пойдут по тому же пути объединения ослабевших разболтавшихся частей одного организма.

Еще мне нужно бы говорить об Украине, но тогда она была снова под советской властью, а не с Врангелем. А о временах Директории, Скоропадского и Петлюры я буду говорить в дальнейшем отделе об Украинском Церковном Соборе 1918—1919 годов.

И здесь пока этим заканчивается «иностранное обозрение».

Теперь мне нужно сказать еще о моральном и религиозном фронте врангелевского движения. Отчасти я уже говорил об этом. Не высока была и мораль: не белыми были, а серостью. Генерал старался по возможности подтягивать всех, и отчасти ему это удалось. Никаких оргий в тылу, о коих я писал прежде про деникинское время, уже не было.А если бы они завелись, то, несомненно, были бы подавлены Врангелем беспощадно. И здесь не может быть двух мнений, к чести главнокомандующего! История должна сказать ему слово благодарности за это, как еще и за другое, о чем скоро будет речь.

Что касается самой Церкви, то и мы не могли сделать ничего особенного в пользу победы над красными, хотя мы и желали этого.

Авторитет Церкви вообще был слабый. Необходимо сознаться в этом. Голос наш дальше храмовых проповедей не слышался. Да и все движение добровольцев было, как говорилось, патриотическим, а не религиозным. Церковь, архиереи, попы, службы, молебны — все это для белых было лишь частью прошлой истории России, прошлого старого быта, неизжитой традиции и знаком антибольшевизма, протестом против безбожного интернационализма. А горения не было ни в мирянах, ни даже в нас, духовных. Мы не вели историю, а плелись за ней, как многие иные, потому не имеем никаких оснований жаловаться на паству по пословице: «Каков поп, таков и приход», и наоборот.

Желая придать больший авторитет Церкви и нашему Синоду, генерал Врангель «выписал» с Афона митрополита Киевского, известного Антония (Храповицкого). Был с ними и митрополит Одесский Платон, потом уехавший в Болгарию, а оттуда вторично в Америку, и архиепископ Полтавский Феофан, и епископ Таврический Димитрий и др. Среди членов Синода от духовенства и мирян были члены Московского Собора 1917—1918 годов известный профессор С. Н. Булгаков (бывший марксист, теперь протоиерей), граф Н. Н. Апраксин, о коем я упоминал раньше.

Все люди ученые, будто бы умные. Но почти бессильные. Ни Гермогенов, ни Палицыных среди нас не оказалось. И выписка митрополита Антония ничуть не помогла делу. Да, мы оказались бряцающим кимвалом[23], которого никто почти не слышал. Нечего нам сваливать вину лишь на других.

Впрочем, за шесть месяцев правления Врангеля можно отметить несколько отдельных эпизодов или попыток Церкви тоже сделать что-нибудь внушительное, особое для поднятия духа.

Прежде всего из Сербии выписали Курскую чудотворную икону Божией Матери[24]. С ней приехал епископ Полтавский Феофан в сопровождении монахов, прекрасных певцов. Когда пароход прибыл в Севастополь, навстречу иконе вышел чуть ли не весь город, человек около семисот тысяч, преимущественно рабочие люди. Подъем был необычайный! За эти три года революции люди намучились и хотели чуда. Вышел навстречу генерал Врангель с Кривошеиным. Что у них было на душе, не знаю. Вероятно, не горели, не знали, собственно, что полагается в подобных случаях делать.

Я тихо подсказываю генералу:

— А вы бы взяли и тоже понесли икону!

Он смиренно повиновался, с Кривошеиным взял ее, и несли в необыкновенной толчее народной массы. Сначала ее принесли к нему в Большой дворец — он же был у нас почти как царь. Тут встретил икону генерал Шатилов и другие. Почти все поклонились иконе. Многие до земли, а Паша не смирился, лишь сделал несколько спешных крестов. А он был ближайший друг генерала.

Потом начались службы по всем храмам. Это были дни торжества и религиозного подъема. Затем икону повезли в Ялту и другие города. Народ массами встречал ее везде. Была старая Русь! Затем я один повез ее на фронт в отдельном вагоне. Первым встретил меня генерал Туркул с конвоем. Был парад и молебен, стояли шпалерами войска в какой-то деревне на площади. Что было на душе у военных вождей, опять не знаю. Признаюсь: не очень я верил в их ревность по вере. Помню, как в Александровске, при крестном ходе (о чем я говорил раньше) в штабе стояли офицеры за окном и небрежно курили, смотря на процессию с абсолютным равнодушием, думали, что их никто снаружи не замечает. А я отлично видел. Так и здесь: не знаю, не знаю. Кажется, что это больше делалось для того, чтобы поднять дух в солдатах, среди которых теперь были уже и мобилизованные селяки, и даже пленные красноармейцы. Дай Бог, чтобы я ошибся, но, кажется, было именно так. После падения белых икону возвратили снова в Сербию, где она пребывает и доселе. Иногда возили ее по русским колониям Европы. Репин нарисовал известную картину — встречу этой иконы народом возле Курска: впереди полицейские, потом какие-то толстые купчины, горбун на костылях, вонзившийся верующим пронзительным взором в Пречистую, несомую в раззолоченном балдахине, и народ, народ, народ... Сотни, тысячи, десятки тысяч народа... Пыль над бесчисленной толпою...

Между прочим, среди прибывших с ней монахов был казначей Курского монастыря архимандрит Аристарх. Он после жил в Сербском монастыре Петковице при моем правлении. И спокойно рассказывал, что большевики, захватив Курск, требовали от него денег. Это было в храме на клиросе. Он действительно не имел денег, о чем и заявил им. Те не верили и хотели тут же расстрелять его. Но архимандрит спокойно стоял на своем, ожидая смерти. Те отступили.

Эта Курская икона ознаменовалась уже в недавнее время тем, что когда злоумышленники под ее балдахин в монастыре подложили взрывчатую бомбу, то весь он был разрушен, а святая икона осталась невредимою.

Вторым важным событием были так называемые дни покаяния. По постановлению нашего Синода, на 12—14 сентября (старого стиля) было назначено всеобщее покаяние в грехах[25]. Было поручено протоиерею отцу Сергию Булгакову составить особое послание. Там среди разных наших грехов поминалось и об убийстве царской семьи с невинными детьми. Эти три дня в городе Севастополе денно и нощно (например, во Владимирском соборе на горе) шли богослужения и исповеди. А на праздник Воздвижения Креста Господня причащались. Настроение было молитвенно-покаянным. Но к концу этих дней я получил от какого-то ревнителя благочестия жалобное письмо:

— Владыка, где же наше начальство? Почему никого из них не видно в храмах?

Неужели лишь рабочим нужно каяться, а не им?

И дальше в том же роде.

Я потом передал содержание письма Врангелю, да еще, кажется, и при жене. Он ответил нам:

— Владыка! Мы тоже верующие. Но у нас иное было воспитание в семьях и школах, мы не афишировали нашей религиозности, даже стеснялись показывать ее. Нас тоже можно понять, да и дел масса.

Тут есть правда. Сам генерал — я это знаю,— исповедовался и причащался. Не могу забыть и тех трех крестов его, какими он молился перед принятием главного командования.

Вот чтения этого самого послания нашего Синода и боялись духовные отцы в Александровске. Как же не бояться, если мы там каялись и в вине цареубийства?! Большевики им этого не простили бы. Впрочем, известно, что Патриарх Тихон отслужил панихиду по убиенной семье в самой Москве[26]. По крайне мере, так писал о нем за границей протоиерей Рождественский в воспоминаниях о нем. Я не знаю этого доподлинно.

Наконец, можно было для любопытства вспомнить об одном оригинальном проекте, который молва приписывала мне. Не видя конца междоусобной резне, предложено было устроить грандиозный крестный ход чуть не в миллион человек и пойти с молитвами на север. И вот тогда-де проснется же совесть и люди примирятся.

Такого детского проекта я ни тогда, ни теперь не мог бы предложить здравым людям. Но он действительно был и даже рассматривался на заседании Синода. Автором его был небезызвестный протоиерей Востоков, экзальтированный и самомнительный проповедник. Но, разумеется, Синод благоразумно отверг этот фантастично-сентиментальный проект. Большевики расстреляли бы этих мечтателей, и только. Да и наша власть не согласилась бы на осуществление его, будучи ответственной за народ. Однако слух об этом крестовом походе какими-то путями распространился по селам, и, когда я приехал в Малую Белозерку, селяки меня спрашивали: будет ли этот крестный ход? Видимо, намучившись, они хотели какими угодно путями добыть мир. Или хоть помечтать о нем.

В заключение характеристики «Врангелевской эпопеи», как выражались некоторые о его времени, я хочу пожаловаться на общую духовную бедность нашу. У нас почти не было руководящих идей, как не было их, конечно, и при Деникине.

Можно не соглашаться с большевиками и бороться против них, но нельзя отказать им в колоссальном размере идей политико-экономического и социального характера. Правда, они готовились к этому десятилетия. А что же мы все (и я, конечно, в том числе) могли противопоставить им со своей стороны? Старые привычки? Реставрацию изжитого петербургского периода русской истории и восстановление «священной собственности», Учредительное собрание или Земский собор, который каким-то чудом все-таки разъяснит и устроит? Нет, мы были глубоко бедны идейно. И как же при такой серости мы могли надеяться на какой-то подвиг масс, который мог бы увлечь их за нами? Чем? Я думаю, что здесь лежала одна из главнейших причин провала всего «белого движения» — в его безыдейности! В нашей бездумности! Если бы мы глубоко всмотрелись в исторический процесс, изучили его, поняли, тогда... Тогда, вероятно, мы просто отказались бы от этого антиисторического движения на него. Но мы не хотели думать, не могли думать: шли по инстинкту, по привычке, ощупью.

Я уже упоминал, что среди интеллигентов в Севастополе образовалась какая-то группа мыслителей, которая задалась прямой целью именно осмысливать исторические процессы момента. Они даже составили подробный устав о «Думной Думе» и через нее представили его главнокомандующему. И тогда, и теперь мне кажется, что нужно было бы приветствовать подобное явление, поддержать этих людей, воспользоваться ими для общей пользы. И что же? Генерал, прочитав, положил краткую, но сильную резолюцию: «Не подходит»... Почему «не подходит», я и доселе не понимаю. Военные всегда думали, что история на них стоит, на силе войск, на стратегии вождей. Глубочайшая ошибка! Историю двигают идеи и страсти, а пушки уже потом стреляют.

И вот теперь, когда идет вторая мировая война, много ли задумываемся мы о коренных причинах ее? Что делается идейного для преодоления противни-

ков? Старая история... Я в Нью-Йорке несколько раз поднимал вопрос о создании кружка любителей философии и истории и всегда встречал упорную лень и нежелание задумываться над основными вопросами. А после уж бывает поздно.

Между тем среди общества времен Врангеля были не одни эти «думные думцы», а и другие. Например, через меня к нему прошло несколько проектов о спасении России. У меня даже была особая папка с ироническим (и я был подобен своей среде) названием «Спасители». Помню, один инженер или агроном доказывал в огромном докладе (смешно даже писать), что весь секрет в постройке множества элеваторов. Или мы уж тогда начинали с ума сходить? Другой спаситель, простой рабочий с Корабельной стороны, написал с грамматическими ошибками большущий устав о социалистическом переустройстве общества и верноподданнически преподнес его через меня вождю антисоциалистического движения Врангелю. Между прочим, хорошо помню, что в этом проекте предполагалось даже особое расписание пищи и непременно с бутылкой хорошего кваса на человека. Я не шучу. 〈...〉 Третий убеждал надеяться на чудо! Сказано же в Евангелии, что если будешь иметь веру с зерно, то и гору можешь сдвинуть. Но в общем все мы очень мало думали про глубины исторического движения. Не думал лично и Врангель. И потому один из офицеров сказал мне про него однажды: «Нет, и Врангель не сокол и не жених России! А мы не были даже дружками его... Беднота!»

Хотя я и сам не знал несомненного выхода, но все это беспокоило меня и побудило написать доклад премьер-министру Кривошеину. В нем я охарактеризовал общее положение наше с точки зрения религиозной, моральной и народной. И пришел к выводам, что по всем этим пунктам мы не стоим на должной высоте. Народ не считает нас своими. Далее я спрашивал: можем ли мы измениться? Опыт трех лет борьбы показывает — нет! А если так, то мы должны сознаться, что спасителями Родины быть не можем.

— Как вы думаете,— спрашивал я,— можем ли мы еще измениться? Я не надеюсь.

— Я тоже не надеюсь,— холодно и спокойно согласился Кривошеин.

— А если так,— закончил я чтение своего доклада,— то нам нужно готовиться к отплытию, а Бог будет спасать Родину какими-то другими путями.

Через полтора-два месяца мы с ним действительно плыли от родных берегов в Константинополь. События конца развернулись таким образом.

Освободившаяся от борьбы с Польшей Красная Армия надвинулась на нас с северо-запада, около днепропетровского села Каховки, и с се́вера. Белые вынуждены были отступать, несмотря на всю храбрость свою.

В тыл прошли слухи, что на фронте неладно. Архиереи, члены Синода, полушутя, но со страхом говорят мне:

— Пойди узнай у своего Врангеля: каково военное положение?

Я пошел. Генерал ходил по кабинету Большого дворца. Спрашиваю.

— Отлично! Только чудо может помочь большевикам. Перекоп и Джанкой неприступны!

Возвращаюсь к архиереям, утешаю их: все прекрасно! Они благодушно разъезжаются опять по монастырям, где жили.

Проходит еще месяц. Слухи все ухудшаются. И тут вдруг в октябре наступили небывалые на юге морозы. Наша армия не была подготовлена к ним. И пришли известия, что мы отступаем под натиском красных, которыми командовал Фрунзе.

Синод снова собирается.

— Пойди спроси у Врангеля!

Иду... Ходит нервно, но сдержанно.

— Каково положение?

— Конец! Только чудо может помочь нам! — кратко отвечает генерал.

— Как же вы недавно говорили, что чудо может помочь большевикам?

— Ну, что же? Разве я буду открывать всем карты? Положение безнадежное, силы неравны. Я ожидал этого с самого начала, как помните. Теперь остается надеяться лишь на чудо. Ну, а достойны ли мы чуда, это, Владыка, вам, как архиерею, лучше полагается знать, чем мне,— с ласковой шуткой сказал он.— Нужно укладываться для немедленной эвакуации. Так и скажите Владыкам.

Я сказал. Переполох. Недовольство Врангелем. А в сущности, чем он виноват? Ничем. Лишь один архиепископ Полтавский Феофан улыбался загадочно. Он чтил одну больную старицу в Ялте, О., вдову священника, как прозорливую. А она предсказала ему и другим, что бежать из Крыма не придется. Двум молодым юношам, сыновьям князя Т. и С. Н. Б., предсказывала, что они даже увидят златоглавый Кремль. И они бесстрашно лезли на врагов. Но князь Т. был убит в первом же сражении за Перекоп. Искали мы среди трупов и сына С. Н. Б., но не нашли. Оказалось, что он был взят в плен и после возвратился к родителям в Кореиз, недалеко от Ялты. Архиепископ Феофан верил в предсказания.

Скептически настроенный к разным ясновидящим, митрополит Антоний сказал: «Ну, если пророчица окажется права, пойду пешком (30 верст от Севастополя) в Ялту и поклонюсь в ноги ей!» Увы! Идти не пришлось. А архиепископу Феофану я все же посоветовал тоже готовиться к отъезду. И он чуть не в последний час сложился и уехал на пароход с другими архиереями.

Перед концом генерал Врангель созвал высших своих сотрудников, министров, генералов, а также и митрополита Антония со мной. Спокойным твердым тоном он сказал коротенькую речь, которую начал словами: «И для героев есть предел!» И объявил, что все кончено. Пароходы для армии и граждан, желающих эвакуироваться, готовы, о чем он еще с июля благоразумно дал соответствующие приказания.

Нужно было мобилизовать все суда, способные плыть через Черное море. Обеспечить их топливом, водой, пропитанием и надежным составом обслуживающих людей. Распределить суда по разным портам от Керчи до Евпатории, заранее дать расписания военным частям, где кому садиться, и самому уехать последним. Этим заведовал, кажется, скромный генерал Шатилов.

— А теперь слово за морским министром, адмиралом Кедровым!

Он был еще молод, но умен, энергичен и знал свое дело. Тот сообщил нам еще некоторые подробности. Оставался вопрос лишь о погоде.

— По морской науке в ноябре полагается лишь два-три-четыре дня спокойных, остальные — бурные. И я за это уж не ручаюсь, не от меня зависит.

К счастью, все пять-шесть дней пути по Черному морю была неожиданно спокойная погода. И то говорили после, будто бы (не ручаюсь) два каких-то малых судна, перегруженные людьми, утонули. Дай Бог, чтобы то было неправдой!

— Куда же мы едем? — спрашивают Врангеля.

— Пока в Константинополь, а дальше — совершенно неизвестно! И я ничего не могу обещать. Просил и французское правительство, и славян, но пока согласия на прием нас не получено.

Заседание было коротким. В тот же день началась посадка на суда. Эвакуация была проведена очень хорошо, за исключением лишь Феодосии, и то по вине воинских частей. Одна из них, которая должна была по расписанию идти к своим транспортам на Керчь, боялась быть отрезанной большевиками и потому тоже бросилась кратчайшим путем на Феодосию, где таким образом столкнулась двойная группа войск. Все не могли попасть. Часть, и большая, говорили, чуть не до десяти тысяч, осталась будто бы на берегу и ушла в горы, а потом была перебита. Во главе чрезвычайки тогда стоял известный жестокий Бела Кун, венгерский еврей. После он участвовал в организации революции в Будапеште.

У нас в Севастополе эвакуация прошла безукоризненно. Рассказывали, что, отходя на свой небольшой пароход «Лукулл», генерал Врангель, прощаясь на пустой Графской пристани с оставшимися, спросил, нет ли еще желающих... Ответом ему были слезы и молчание. В последние часы, уже к вечеру, ко мне стали заявляться какие-то подозрительные лица: один татарин просил простить его, другой незнакомец просил принять по «очень важному делу» и т. д. Я чувствовал неладное и отказывал. А когда уже стемнело, я, надев вместо клобука простую священническую шляпу, ушел на пристань. Меня провожал прекрасный мой духовник, архимандрит Дионисий, спокойно оставшийся на волю Промысла Божия.

Незадолго перед отплытием прибежал ко мне мой помощник протоиерей Г. Спасский за советом: не остаться ли ему в России?

— Как вы думаете и чего хотите? — спрашиваю его.

— Я-то желал бы остаться, чтобы ни случилось. Но моя матушка истерически протестует.

— Послушайтесь матушки и смиренно уезжайте.

После назначил его заведующим духовенством флота, который ушел во французскую Бизерту, имя это теперь стало известно всему миру. Потом он переберется в Париж, и мы еще встретимся с ним. И разделимся.

Когда я садился на катер, присланный за мною с броненосца «Алексеев», справа пылал огромный пятиэтажный дом со складами американской помощи, подожженный хозяином, чтобы не оставлять добра большевикам. А налево, в открытом море, высился и играл огнями броненосец, к которому прыгал по волнам мой катер.

Дул свежий ветер. Но небо было, помнится, чистое. Меня подняли на судно, потом на блоках втащили и катер. Я уходил с Родины невесть куда. Вот уже скоро двадцать три года, как я не видел ее.

Была ночь...

Перед снятием с якоря меня вызвали на палубу. Мои близкие знакомые, жена вице-губернатора О. В. О. и семья Р. с нянькой-старушкой, побоялись остаться у большевиков[27]. Наняли за бешеные деньги (сначала были в России «керенки», потом на юге России выпустили «колокольчики») лодку и подплыли к борту броненосца, ссылаясь на мое имя. Я немедленно дал распоряжение поднять их и водворил всех в мою каюту. Судно тихо отплывало.

На другое утро было лишь серо-зеленое безбрежное море и серое облачное небо. Было серо и на душе...

На палубе мне бросилась в глаза следующая картина. Какая-то красивая полная дама водила прогуливать свою собачку. Прошедший мимо матрос злобно посмотрел на эту прихоть и хотел отшвырнуть болонку ногой. Но дама подняла скандал. А я подумал: неужели и ради таких вот добровольцы проливали свою кровь? Не стоила она этого! Не любит она ни народа, никого и ничего, кроме себя самой и своих прихотей...

Еще я заметил, как увязавшаяся за нами сова то садилась сослепу на палубу, то опять с испугу поднималась и летала над волнами, потом от усталости падала в воду, с усилием вспархивала снова, снова падала. Так и пропала в волнах. И зачем она улетела из Крыма? А мы потихоньку плыли и плыли от родных потерянных берегов...

Позже, в Европе, мне пришлось услышать о некоторых подробностях вступления Советской Армии в Крым.

Белые в порядке отступили в назначенные места, кроме Керчи, как я говорил. Красные нигде не наседали на них, опасаясь засад. И оружие, и кони, и все прочее брошено было на произвол судьбы. И жалко было, говорят, видеть бродивших лошадей, тоскливо ржавших по своим уплывшим временным хозяевам. Скоро найдутся иные.

Мой духовник, отец Дионисий, недолго пожил в архиерейском доме. Его как заведующего моим подворьем арестовали и посадили в тюрьму. Привели на допрос.

— Признаешь нашу власть?

— Всякую власть велено признавать.

— Как ты смотришь на нас?

— Как на наказание Божие за грехи наши.

— Ага! Наказание? Ну, вот и посиди тут. А в наказание — чистить клозеты.

— Слушаю. Только дайте побольше тряпочек. Это все можно потом отмыть.

Прошло еще несколько недель.

— А теперь как смотришь на нас?

— Не иначе, как на наказание Божие за грехи наши!

— Ну, еще посиди в наказание.

И сидел смиренно старец, чистя клозеты. Увидели красные его кротость и лояльность, выпустили. А он в шестой версте от Севастополя снял в аренду дачку с землей, собрал несколько послушников монастыря и опять занялся с ними молитвой и работами на огороде. Большевики его не трогали. Может быть, все это было несколько иначе, но такие рассказы привезла одна женщина, прибывшая в Софию.

Таврический архиерей Димитрий, родом грузин, из фамилии князей Абашидзе, тоже остался, хотя ему, несомненно, грозила смерть. Большевики пришли к нему в Симферополе в дом. Он встретил их с повышенной храб-

ростью. Кто-то из них угрожал ему револьвером, а архиерей, будто бы ухватившись за оружие, сказал вызывающе:

— Ну, стреляйте, стреляйте! — Не тронули и его. После он ушел на покой в Киево-Печерскую Лавру и принял схиму, а управление епархией передал епископу Никодиму, беженцу из Киева. Остался в Крыму и автор покаянного послания, протоиерей отец Сергий Булгаков. Но через два года он вместе с несколькими другими десятками интеллигентов был выслан советской властью в Европу, за границу, как вредный для Советского Союза человек. Так наступил конец белых...

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Раковский Г. Н. Конец белых, от Днепра до Босфора; возрождение, агония и ликвидация. Прага, 1921.

[2] Русская Армия была образована в мае 1920 года из реорганизованных Вооруженных сил Юга России, эвакуировавшихся в Крым в январе — феврале 1920 года.

[3] *Драгомиров Александр Михайлович* (ум. 1926 г.) — генерал, участник первой мировой войны. Командовал армией. После октября 1917 года участвовал в формировании Добровольческой армии. Сначала заместитель председателя, а затем и председатель «Особого совещания» при главкоме А. И. Деникине.

[4] *Шавельский Георгий Иванович* (1871—1951) — протопресвитер, глава военного и морского духовенства в Русской Императорской Армии, затем — в Добровольческой.

[5] *Кривошеин Александр Васильевич* (1858—1923) — гофмейстер, член Государственного Совета. В 1908—1915 годах — главноуправляющий земледелием и землеустройством. Глава правительства у Врангеля. Эмигрант.

[6] *Богаевский Африкан Петрович* (1872—1934) — генерал-лейтенант, донской атаман.

[7] *Рогожское и Преображенское кладбища в Москве* — известные старообрядческие центры. Рогожское — старообрядцев-поповцев (признающих священство), так называемого «австрийского» согласия, Преображенское — беспоповцев-федосеевцев. В 1905 году храмы Рогожского кладбища (о котором идет речь) не открылись вновь — они и не закрывались, действуя как часовни. В них совершались (мирянами) все богослужения суточного круга, кроме литургии. Она совершалась тайно, так как власти еще в прошлом веке опечатали двери, ведущие в алтари,— русское правительство не признавало рукоположенных в Австро-Венгрии старообрядческих священников и препятствовало тому, чтобы они совершали общественные богослужения.

[8] *Сведенборг Эммануил* (1688—1772) — натуралист, теософ, основатель религиозного движения, «духовидец», автор многочисленных сочинений мистического характера. Исследователи сопоставляют учение Сведенборга с гностическими системами и еврейской каббалой. Сведенборг выступал с критикой протестантских догматов, основал секту «сведенборгиан».

Эккартенхаузен Карл (1752—1803) — немецкий писатель-беллетрист, автор алхимических и мистических сочинений. «Разрабатывал» средства вызывания духов.

[9] *Татаринова Екатерина Филипповна, урожденная Буксгевден* (1783—1856) — основательница «Духовного союза». Определенное воздействие на ее мировоззрение оказали хлысты и скопцы. В 1817 году перешла из лютеранства в Православие. Почувствовав «дар пророчества», основала секту. В ее кружке — «корабле» — участвовали академик живописи Боровиковский и министр духовных дел (!) князь Голицын. В секте культивировалась внешняя приверженность к обрядовой стороне Православия, но при этом ее члены должны были скрывать (в том числе и на исповеди) тайны «посвященных». Впрочем, еретики действовали вполне открыто вплоть до 1822 года, когда был издан указ о закрытии тайных обществ. Но особенно опасаться им было нечего. Император Александр I и его супруга императрица Елизавета Алексеевна благоволили к Татариновой. При Николае I в 1825—1837 годах существовала даже сектантская колония. После того, как она была закрыта и разогнана, Татаринова была отправлена на жительство в монастырь. Потом ей разрешили жить вне монастырских стен в Москве и бывать в Петербурге. Собрания «корабля» Татариновой состояли из чтения Писания, пения хлыстовских песен, а также «кружений», «радений» и «пророчеств».

[10] *Лорд Редсток Гренвиль-Вальдагрев* — под его влиянием в России возникла секта «пашковцев». Сам лорд Редсток был очень популярен в середине прошлого столетия в Англии. Бывал в России, проповедовал в аристократических салонах и имел определенное число последователей, среди которых наиболее фанатичным был некий А. В. Пашков, распространявший идеи своего учителя.

[11] *Фесслер Игнац-Аврелий* (1756—1839) — немецкий писатель, уроженец Венгрии, русский общественный деятель. Был капуцином, но вышел из Ордена и поселился во Львове. В 1796 году в Берлине вступил в масоны. С 1809 года — профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии. Был обвинен в атеизме (скорее всего, в потворстве безбожию) и сослан в г. Вольск. По возвращении из ссылки возглавил евангелическо-лютеранскую общину Петербурга.

[12] *Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич* (1873—1955) — советский государственный и партийный деятель. До революции занимался изучением сект, надеясь отыскать у сектантов оппозиционные настроения, которые можно было бы использовать в деле разрушения государственного механизма. Известно, что после октября 1917 года сектанты, как «религиозно преследовавшиеся при царизме», не подвергались некоторое время гонениям и даже пользовались поддержкой государства.

[13] *Туркул Антон Васильевич* — белый генерал, участвовал в первой мировой войне (в чине штабс-капитана). В «белом движении» участвовал с самого его начала. В Крыму командовал Дроздовской дивизией (в возрасте 25 лет). Эмигрант.

[14] *Протоиерей Георгий Спасский* (1877—1934) — выпускник Московской Духовной Академии. С 1904 года преподавал Закон Божий в средних учебных заведениях. В январе 1917 года приглашен адмиралом Колчаком на должность главного священника Черноморского флота. Член Поместного Собора. В армии Врангеля — помощник епископа армии и флота. В Бизерте, где находился ушедший из Крыма флот, стал духовным руководителем русских беженцев. По его инициативе были организованы школы (воскресная и общеобразовательная), оказывались материальная помощь и моральная поддержка русским изгнанникам. Отец Георгий основал православный приход в Тунисе. С 1923 года жил во Франции, а с 1925 — священник Александро-Невской церкви в Париже.

[15] Родионов И. А. Наше преступление: (Не бред, а быль). Из современной народной жизни. 2-е изд. СПб., 1910.

[16] *Жлоба Дмитрий Петрович* (1887—1928) — активный участник революции 1905—1907 годов, работал в шахтах Донбасса. В 1917 году — член Московского Совета. В годы гражданской войны — командир полка, бригады, а затем «Стальной дивизии».

[17] *Марков Николай Евгеньевич* (1866—?) — один из лидеров «Союза русского народа» и «Союза Михаила Архангела», депутат III и IV Государственных Дум. Эмигрант. Впоследствии жил в Берлине, где был видной фигурой среди русских монархистов.

[18] Притчи Соломоновы 25,17.

[19] *Струве Петр Бернгардович* (1870—1944) — экономист, историк, сторонник «легального марксизма». Автор манифеста I съезда РСДРП, участник Лондонского конгресса II Интернационала. С 1900 года — либерал, редактировал за рубежом либеральный орган «Освобождение». Член ЦК партии кадетов; один из авторов сборника «Вехи». Входил в состав правительств при А. И. Деникине и П. Н. Врангеле. Эмигрант. Редактор журнала «Русская мысль» (София).

[20] *Мильеран Александр* (1859—1943) — французский социалист, исключен из французской социалистической партии в 1904 году. В 1920—1924 годах президент Франции.

[21] *Кавур Камилло Бензо* (1810—1861) — граф, видный государственный деятель Италии времен ее воссоединения.

[22] 12 октября 1920 года в Риге были определены предварительные условия мирного договора Советской России с Польшей. Окончательно подписан через пять месяцев, в 1921 году.

[23] 1 Кор. 13, 1.

[24] Курская Коренная икона Божией Матери. Ныне находится в США, в Зарубежной Русской Церкви.

[25] «Дни покаяния» — одна из примет церковной жизни того времени. Они проводились в Петрограде, Москве, других городах России. Так, в екатерингофской церкви богослужение во время особых дней покаяния в 1918 году продолжалось всю ночь и завершалось под утро общей исповедью всех присутствовавших в храме. Подобные богослужения (см.: Церковные ведомости, 1918, № 9—10) были проведены в ряде петроградских храмов. По распоряжению митрополита Петроградского Вениамина (Казанского) накануне дня Воздвижения Креста Господня в храмах Петрограда совершался за всенощным бдением особый чин всенародного покаяния. Трехдневный пост, служение литургии с особыми покаянными прошениями на ектениях были установлены после всенародных молений в Троице-Сергиевой Лавре в августе—сентябре 1918 года.

[26] Панихида была совершена Патриархом Тихоном и сослужившим ему духовенством в Казанском соборе на Красной площади.

[27] В свое время будущий митрополит Вениамин был домашним учителем в этой семье. С. Н. Обухов — председатель уездной земской управы, предводитель дворянства — жил с семьей на Волыни, в Житомире, и был в дружеских отношениях с архиепископом Антонием (Храповицким) и архимандритом Феофаном (Быстровым), по рекомендации которого будущий Владыка и был принят в семью Обуховых. Затем они надолго теряют друг друга из вида и встречаются уже в 1919 году. С. Н. Обухов скончался от тифа. Сын Обуховых Николай (Колечка, как ласково называл воспитанника Владыка) был расстрелян красными. О. В. Обухова покинула Россию вместе с епископом Вениамином. Несколько раз они встречались в Сербии и в Париже у архиепископа Феофана (Быстрова), который благословил Обухову принять иноческий постриг. С его же благословения монахиня Анна (Обухова) отправилась по вызову Владыки Вениамина в Америку. С этого времени они уже не разлучались. До конца жизни связывала их проверенная временем и совместно пережитыми испытаниями духовная дружба. Матушке Анне адресовал митрополит Вениамин свою книгу «Объяснение двунадесятых праздников». В «Записках архиерея» Владыка так характеризует матушку Анну: «Ей уже девяностый год... Она живет в моем архиерейском доме в Ростове. Монахиня. Была женой вице-губернатора. Глубоко верующий и богословски образованный человек. Знает, кроме русского языка, еще четыре». Монахиня Анна вместе с Владыкой Вениамином вернулась на Родину. Рассказывают, что когда кто-нибудь сомневался в целесообразности того, что матушка Анна «состояла» при Владыке, он обыкновенно отвечал: «Если министр вам будет печь пирожки, то дела в министерстве запустеют».

Профессор протоиерей Павел Светлов

Афоризмы

Христианство является не только религией личного спасения, но и источником преобразования всей жизни человека. Христианство имеет культурно-социальное значение в качестве Царства Божия на земле при правильном понятии о Царстве Божием. Однако нельзя сказать об одинаковом значении в христианстве обеих его сторон: социальной и индивидуальной, тем более о преимущественном значении социальной стороны. Напротив, согласно Евангелию: ставящему на первое место Царство Божие, духовное, которое внутри нас, а обновление общества или внешней жизни — на второе место как следствие первого, в индивидуальной стороне христианства заключается самое существенное в нем, источник и причина обновления жизни, а социальная сторона является следствием обновления душ. В проповеди личной морали как пути общественного спасения есть доброе зерно евангельской истины, заключенной в словах Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа: *Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам* (Мф. 6, 33). Личное совершенствование есть основа и источник всякого, а также общественного блага. Создайте добро прежде в самих себе, если хотите, чтобы оно было и вне вас. С духовным добром придет к вам и все другое, нужное вам (Идея Царства Божия. 2-е изд., с. 270).

Обновленцы (сторонники движения «Обновления Церкви» или «Живой Церкви».— *Ред.*), наоборот, выдвигают в христианстве его социальную сторону ради приспособления его к новому социально-политическому положению России (советскую власть.— *Ред.*) и оставляют в тени главную индивидуальную сторону. Несмотря на это, они причислили меня, преимущественно как автора книги «Идея Царства Божия», к своим предшественникам, которые подготовили обновленческое движение. Это очевидное злоупотребление моим именем, оно основано или на недомыслии, или на дипломатических соображениях. Мое резко отрицательное мнение об обновленцах с совершенной ясностью выражено во многих моих афоризмах и мыслях.

* * *

Живи так, как если бы тебе завтра умирать, и в этом не будет ошибки: разве мы можем ручаться даже на час вперед за жизнь свою, находящуюся всегда во власти случайностей. В сравнении с бесконечностью разве имеет смысл наше различение между днями и годами? День ли, год ли, час ли — не все ли равно? Не все ли миг пред лицом вечности?

* * *

Часто слышишь от пожилых и старых: «Хотелось бы пожить мне еще десяток лет» или: «Ах, если бы Бог дал мне прожить еще хоть пять лет!» Бог даст тебе такую отсрочку, если она нужна тебе на добро, а не для простого продолжения жизни и счета лет. А без этого зачем отсрочка? Какой смысл в ней, если это только одна пустая жажда жизни и диктуется одним только инстинктом сохранения жизни и страхом смерти?

* * *

Настойчивость в молитве к Богу с каким-либо прошением может проистекать из совершенно противоположных источников: как из сильной веры, так и от недостатка веры или маловерия.

* * *

Какое омрачение ума и души нужно человеку, чтобы не думать о конце

Продолжение. Начало см.: ЖМП, 1992, № 10.

своей жизни и не интересоваться вопросом о смерти и посмертной судьбы своей, когда вся жизнь его есть безостановочное движение к могиле, ускоренное для одних и замедленное для других, но одинаково неизбежное!

* * *

Христианство наших дней подобно тайнорастущему семени притчи евангельской, также жемчугу, скрытому в навозе, и кладу, зарытому в поле (см.: Мф. 13, 45—46). Христианства давно не видно в обычном строе жизни не только в безрелигиозных странах, но и в именующих себя христианскими. Означает ли это поражение христианства? Нет, это значит, что мы вступили в полосу действия предсказанных в Священном Писании признаков конца мира. Это значит, что уже исчерпана способность к усвоению Евангелия в роде развращенном и грешном и что дальнейшее лечение его Евангелием становится невозможным, как лечение безнадежно больного. Это значит, что приходит смерть, близок конец, как бы ни казалась продолжительною нашему близорукому зрению (сознанию) эта эпоха агонии, хотя бы в тысячу лет. Мы — в периоде предсмертной агонии; как продолжительна будет эта агония, и будут ли в ней здоровые промежутки или перерывы — это одному Богу известно. Одно даже и для нас ясно: мир наш земной идет к концу и конец его недалек. Что значит в жизни человечества какая-нибудь тысяча лет? Не больше, чем «день один» для отдельного человека (2 Пет. 3, 8).

* * *

В результате автоматизма в душевной жизни тело часто делается из орудия духа западнёй его, особенно в старости, при ослаблении физиологических функций организма и воли человеческой. Автоматизм заключается в бесконтрольности со стороны духа за своими ощущениями и реакциями.

Автоматизм имеет важное значение в психической жизни, в том числе и как средство сохранения психической энергии и облегчения ее действия. Но в расстроенном грехом состоянии человека автоматизм делается проклятием и несчастьем его. Поэтому в старости особенно прилично молиться о благодатном подкреплении свыше в немощах ее: «грехов юности моея не помяни» и «не остави мя, Господи, в старости моей».

* * *

В молодости жизнь влечет к себе неведомою тайной и тем поддерживается в ней энергия и бодрость духа. В доброй старости такое значение имеет вера в будущую жизнь. Горе старости, которой нечего желать, любить и не во что верить! Горе старости без веры, надежды и любви! Горе ей, если она не укрепляется и не украшается так свойственной ей мудростью. В конце концов, у верующей старости есть даже преимущество над мечтательной молодостью: мечты юности обманчивы, а наша христианская надежда нас *не постыжает* (Рим. 5, 5).

* * *

Врачи, моралисты и социологи занимаются изучением причин самоубийств, а причина самоубийства в нормальном состоянии всегда одна: отчаяние. Отчаяние — это мертвящее и приводящее в оцепенение чувство, естественное и понятное для душ неверующих, но христианством рассматриваемое как великий грех. Отчаяние есть отрицание христианства в самой его сущности как религии Креста, терпения и смирения; светлой радости искупления во Христе; религии веры, надежды и любви. Отчаяние побеждается надеждою, надежда же питается верою.

* * *

Культ, или апофеос (обоготворение), великих людей неизбежен среди неверующих: когда исчезает с Богом из души истинное величие, тогда в сознании этих людей значение великого и божественного переносится на малое и люди вырастают до размеров богов в головах, потерявших истинную меру величия.

* * *

С точки зрения христианства, признающего Бога беспредельным Духом (ср.: Ин. 4, 24), личным и живым Существом, пантеизм и безбожие — одно и то же, потому что ничего выше мира и природы тут не признается, и «Богом» здесь называется видимый мир, так что «Бог» подразумевается только

как другое имя природы. Откровенное выражение этой безрелигиозной сущности пантеизма мы находим в стихах Байрона:

Безбожник я — вот грозный приговор
Ханжей, что на меня взирают строго!
Но им со мною выдержать ли спор?
Прямее к небесам моя дорога.
Мне алтарями служат выси гор,
Светила, море, твердь—созданья Бога,
Что человека наделил душой
И душу ту опять сольет с Собой.

Пантеизм, по сути, есть замаскированный атеизм. Не забудем, что к числу пантеистов принадлежал и. Лев Толстой, занимавшийся в старости пантеистической фальсификацией христианства и выдававший пантеистическую подделку под христианство и карикатуру на него за действительное христианство.

* * *

Трудно, невозможно уйти в загробный мир чистым из моря грязи житейской, но необходимо и возможно, по крайней мере, сокрушенное сознание своей греховности и сердечное желание чистоты. Томящимся в плену и в заточении естественно жаждать свободы и помнить о Родине своей.

* * *

Не всей целостью и не лицом к лицу, а частями и в явлениях (отражениях) высший мир с такою же достоверностью или очевидностью открыт мне в моем уме и опыте, как вот это солнце, ярко сияющее на небе. Без преувеличения могу сказать: и ныне я вижу отчасти тот мир, и знаю о нем, хотя для многого остается место только вере. Для этого и сам я кое-что делал и делаю, работая над собой и непрерывно трудясь в познании Бога и мира Его, благодаря чему Сам Бог открывается ищущим Его.

* * *

Изучением вопроса об отношении науки и ученых к религии я приведен к непоколебимому выводу и убеждению, что только лженаука может говорить о противоречии между верой и разумом. Наука не только не мешает, но помогает вере в выводах своих, и тем больше, чем больше подвигается вперед. Ходячее мнение о вражде науки и религии есть клевета на науку, оскорбительная для науки, когда злонамеренно распространяется неверующими, и невежественная, когда принимается по слуху и доверию к шарлатанам и заблужающимся.

* * *

Не всякое «учение — свет», иное учение хуже тьмы. Безрелигиозное или, что то же самое, ложное образование погружает ум и душу в более глубокий и губительный мрак, чем мрак простого неведения. И нет разума там, где совет грешников (Сир. 19, 19). Неведение истинного и доброго — это еще не знание худого, и потому знание одного только худого хуже неведения.

* * *

Не будем смущаться зрелищем засилья зла и несовершенства в окружающей нас действительности, даже в святом святых мира — в Церкви Христовой. Разве Христос не предсказывал кажущегося перевеса зла и неверия над верою и добром? Не Он ли говорил, что много званых, но мало избранных?

Зло превосходит добро численностью, количественно, а не качественно, и его сила кажущаяся. Правда сильна своей внутренней силой и в конце концов везде и всегда последнее слово на ее стороне. Особенно непростительно маловерие и малодушие там, где вопрос идет о судьбах Церкви, этого спасительного корабля на море житейском, управляемого Самим Христом, как Кормчим его: *Что вы так боязливы, маловерные?* (Мф. 8, 26). *Как у вас нет веры?* (Мк. 4, 40). *Где вера ваша?* (Лк. 8, 24) — вот что говорит здесь Господь сомневающимся и боящимся за Церковь в бурях и ненастьях, постигающих ее на земле! Не будем же оскорблять Великого Кормчего корабля церковного своею боязнью, маловерием и забвением о Нем!

* * *

Грубые люди по самообольщению смешивают грубость свою с прямотою и правдивостью — и в этом находят оправдание себе. И дурак кажется себе умным, а подлец — честным и благородным. Самообольщение — это ложная самооценка, совершаемая под

влиянием самолюбия, гордости и неведения добра.

* * *

Тщеславному человеку мнение других о нем дороже своего мнения о себе, а гордый свое мнение о себе считает выше мнения других, хотя услаждается почетом и раздражается непочтительностью.

* * *

Гордый презирает людей и в то же время ищет славы у них. Гордость есть величайшая глупость и продукт омрачения ума.

* * *

Твердость убеждения у иных ничем не отличается от упрямства ослов.

* * *

Самое искусное и совершенное в техническом отношении пение без душевного в нем участия певцов есть *медь звенящая* (1 Кор. 13, 1), не трогающая души. В церковном певце необходимо религиозное осуществление, то есть соответственное тексту песнопения настроение души. Безразличный, а тем более неверующий певец есть нелепость и оскорбление религиозно-эстетического чувства. Соединение хорошего голоса с благочестием в певце есть идеал хорошего церковного пения. Подражай ангелам, ангельскому пению. Ангелы, скажешь, не могут петь, потому что они бесплотные духи? Но откуда следует, и как ты мог узнать, что ангелы совершенно лишены всякой телесности, если у них нет нашего грубого тела?

* * *

Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше (Мф. 6, 21). Если все сокровища сердца находятся на земле, то сердце перестает биться для Бога, грубеет, становится нечувствительным для неба, потерянным для жизни духовной.

* * *

Люди много мудрили и мудрят над вопросом о способах обновления и улучшения человеческой жизни, тогда как вся земля превратилась бы в рай с исполнением только одного и самого действенного способа, указанного Господом в словах Его: *Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними* (Мф. 7, 12). А люди делают вид, что этого они не знают и тщетно истощаются в изысканиях и попытках лучшей организации жизни на основе других начал, изобретаемых их скудным умом и воображением, отчего и растут на земле учения не только бесполезные, но прямо вредные и гибельные для жизни людей.

* * *

Прогресс в истории совершается сменою устаревшего новым, отжившего — нужным и лучшим. Без смерти в истории не было бы движения и жизни, и все осуждено было бы на неподвижность. Что стало бы с историей, если бы царили в ней без конца и «вечный Рим» с его героями, и Вавилон с Ниневией, представленными разными Навуходоносорами и Сарданапалами, и если бы смертью не был положен конец, например, Наполеону или тому множеству героев и знаменитых людей, которые стояли за кулисами древнего дохристианского мира, как действующие силы его? Благословите же и приветствуйте смерть как условие жизни и развития!

* * *

Не заменяй добрых дел словами.

* * *

Всякое зло, не исключая смерти, вошло в мир с грехом, вопреки Божией воле, но в деснице всемогущего и всеблагого Провидения зло направляется к добру и сама смерть служит жизни. Благословляйте же от всего сердца Господа и непрестанно славьте могущество и благость Его!

* * *

В поисках утешения человек в старости часто замыкается в себе, уходя в воспоминания. Но не следует чрезмерно предаваться этому эгоистическому обособлению от окружающей жизни. Не лучше ли, наоборот, найти повторение своего прошлого в другой молодой жизни? Разве в других не повторяется в сущности то, что было твоим и чем был ты? Зачем обособляться? Не лучше ли для тебя самого любовью сливаться с другими?

* * *

Человек рождается на страдание, как искры, чтобы устремляться вверх (Иов 5, 7). Однако рождение человека сопровождается в мире радостью и приветствуется, как радостное событие: *Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ее; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир* (Ин. 16, 21).

Это сказал Господь. Чему радуются люди здесь? Тому, что с рождением является новый член в семье детей Божиих, в Царстве Божием,— существо, имеющее высокое предназначение. Но с христианской точки зрения рождение плотское или физическое не есть полное рождение и само по себе одно оно не дает основания к радости: требуется второе, новое рождение от родившегося в мир — это именно рождение духовное, по слову Господа: *Если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие. Рождение от плоти есть плоть, а рождение от Духа есть дух* (Ин. 3, 5—6). В день своего рождения всякому благочестивому христианину, с благодарной молитвенной памятью о родителях, по воле Божией послуживших первому его физическому рождению, прилично размыслить и решить — свершилось ли окончательно его рождение, свершилось ли с крещением его духовное рождение, невозможное без его участия, в отличие от первого, независимого от него, или еще предстоит родиться в нем полному человеку, действительному человеку, существу духовному? Вправе ли он принимать поздравления с днем рождения, если полного рождения еще не было? Рождение духовное требует времени, ведь и физическое подготавливается в течение девяти месяцев.

Из сказанного видно, что при нашем недостоинстве и греховности день рождения для нас теперь более день напоминания нам о неисполненном нами долге — не мешать грехами второму рождению нашему *от Духа* силою Божественной благодати, более день призыва к покаянию и добродетели. Но этим, конечно, не исключается выражение в духе смирения благодарности Богу в день своего рождения за продление Его милостивым изволением жизни нашей.

* * *

Если случится тебе впасть в руки неукротимо злобного и подлого врага, омраченного безумной злобой, все спасение твое в одном Боге, Даниила во рве львином от ярости звериной спасающем и из челюстей адской злобы всех верных исторгающим. Господь — защита беззащитных, сила и опора беспомощных и бессильных.

Великое утешение в тесноте и страхе от врагов дается псалмами Давида, который сам всю жизнь страдал от злобы человеческой в самых разнообразных проявлениях ее и в Боге только находил спасение и покой себе. Читайте Псалтирь: все на земле гонимые, обиженные, обездоленные, злобой людской униженные (ср.: Пс. 118, 86) — и мир снизойдет на дух ваш!

* * *

Кто исполнен живым чувством или сознанием беспредельного величия Божия, тот не может благоговеть и трепетать перед людьми. Побольше бойся Бога — и меньше будешь бояться людей. Смирением и кротостью ограждается мир и покой души.

* * *

Неопытной юности жизнь представляется триумфальным шествием к свету, правде и счастью. И не одной зеленой юности, но и всем возрастам присуща вера в возможность земного счастья как цели земной жизни. Блаженные иллюзии, без которых нельзя было бы существовать! Блажен человек, что не дано ему всеведения и дара видеть даже ближайшее будущее! Знание убивало бы волю его и желание жить.

* * *

Праздники на столе без праздника в душе — суета и обман.

* * *

Все увеличивающийся с плаванием по морю житейскому груз из старых и новых грехов моих грозит потоплением ладьи моей, и в страхе, подобно Апостолу Петру, я к Тебе, Господи, взываю: «Спаси меня, Господи! Облегчи гибельный груз прощением грехов моих и очищением души моей от них, дабы на пути к Тебе не потонуть мне под тяжестью их в пучине моря житейского».

* * *

Отрицающие вечное будущее материалисты и вообще неверующие люди думают жить «настоящим», говоря: «За гробом ничего нет, поэтому будем наслаждаться настоящим, которое в нашей власти. Как ни коротко время нашей жизни, но хоть час — да наш!» (ср.: Прем. 2, 6). Того, что было и что будет, рассуждают здесь, для нас не существует, зато нам принадлежит настоящее — то, что есть. Но правда ли, что нам обеспечено по крайней мере настоящее и что оно действительно существует? Из чего слагается настоящее и что мы называем этим именем? Минуты, часы, дни ближайшие? Есть ли для меня мое настоящее, то есть тот момент, когда я, например, открываю свои часы, чтобы узнать время? Да, в этом смысле, в смысле момента, мгновения, у нас, пожалуй, есть настоящее, но за пределами его для нас опять открывается будущее, за которое мы не можем ручаться, не зная, что с нами будет. Значит, настоящее фиктивно и есть только краткий миг бытия приговоренных к неожиданным превратностям. Настоящего нет, под настоящим мы подразумеваем будущее, которое нашим мы не можем назвать. Настоящее — это одна из многих наших иллюзий, ошибок некритического сознания.

В науке имеются попытки определения настоящего. В психологии оно понимается как общее начало для измерения времени. Психологически (субъективно) время измеряется совокупностью наших впечатлений или представлений... Психометрическим методом экспериментальной психологии установлено, что на такое количество представлений, которое наше сознание может вместить в себе одномоментно, требуется 2—3 секунды. И это есть все, чем воображают наслаждаться не допускающие иной жизни за пределами этой, земной.

* * *

Материализм упорно стоит на отрицании высшего мира, несмотря на многочисленные и веские доказательства его существования.

Другой мир, вход в который открывается уходом из этого вратами смерти, обыкновенно называется духовным, невидимым или сверхчувственным, высшим, или лучшим сравнительно с земным. Невидимым и сверхчувственным тот мир называется по недоступности его восприятия нашими внешними чувствами, приспособленными к ощущению только земного мира, но не потому, что он лишен материальности или пространственности. Высшим, или лучшим, загробный мир называется вследствие превосходства над земным миром по своему совершенству, превосходит его богатством и совершенством форм и свободен от всех недостатков этого «мира печали и слез». Название духовного совершенно неправильно присвоено тому миру ложным спиритуализмом с его признанием бессмертия только души и с отрицанием воскресения, а также схоластической рутиной школьного богословия под влиянием языческой философии Платона и поддерживается небрежностью разговорного и обиходного языка, неразборчивым употреблением слов.

Доказательств бытия высшего мира достаточно в распоряжении христианской религии. В науке также возможны и существуют в математике, физике и психологии подобные доказательства.

В отличие от философии христианская религия располагает, кроме рациональных, разнообразными эмпирическими доказательствами существования загробного мира, которые дают нашей религии высокое превосходство над философией с ее только рассудочными доказательствами. Рациональными доказательствами устанавливается лишь вероятность и необходимость (желательность) бессмертия и бытия высшего мира, но не действительность его. Только христианину дано знать, что тот мир не только возможен и желателен, но что он точно существует.

В то время как христианская религия дает нам вполне достаточно удостоверение реальности того мира с некоторым знанием о нем, наука ограничивается лишь признанием возможности бытия другого какого-то мира наряду с нашим без знания о нем даже в гадательной форме видения невидимого или потустороннего как бы сквозь тусклое стекло. Само собою, спрашивать с науки больше того, что она может дать, мы не будем, достаточно, что даже и с этой стороны идет некоторое подтверждение нашим религиозно-христианским верованиям, предчувствиям и чаяниям.

(Продолжение следует)

Окунев Н. П. Дневник москвича.
1917—1924. Париж, 1990. 600 с.

Дневник Никиты Окунева издан в основанной А. Солженицыным серии «Всероссийская мемуарная библиотека», но, к сожалению, до сих пор не замечен отечественными издателями.

Наше знакомство с прошлым чаще всего начинается через художественное произведение, реже — через архивные материалы и воспоминания. Но роман — это плод более или менее добросовестного сочинительства, документ не в силах раскрыть состояние человеческой души, мемуарная проза пишется чаще всего после многолетнего осмысления происходивших событий и может не отражать духа эпохи. И только дневники, в которых автор пытается запечатлеть и объяснить переживаемое, дают возможность воспроизвести правдивую историческую картину, хотя и не лишенную односторонности в силу индивидуальности восприятия событий.

«Дневник москвича» — уникальная в этом смысле книга. Ее автор — московский обыватель, служащий пятидесяти лет, верующий христианин, знаток церковной музыки, близкий друг патриаршего архидиакона Розова... Автор изо дня в день записывает увиденное и поразившее его лично:

«10 ноября 1917 года. К вечеру ходил на Красную площадь. У самой кремлевской стены, напротив верхних рядов, погребены сегодня бойцы за власть большевиков. Похороны были гражданские. Музыка и песни революции. Могилы вырыты на площади торжественно, а не где-нибудь в тиши кладбищ. Все это как-то не идет простому русскому человеку. В народе, окружающем могилы, было какое-то мстительное настроение: из-за буржуев погибли, вот мы им покажем! Я не без опаски крестился и шептал: «Царствие им небесное!» Может, такое мое настроение контрреволюционно?

5/18 декабря 1918 г. Накануне Николина дня, который по указу нечестивейшего нашего правительства, конечно, праздноваться не будет, был за всенощной и там до слез расчувствовался от убожества церковного. На входных дверях объявление: «Придите, православные, на помощь храму Божиему. Средств нет, топить храм нечем. Приносите с собой хотя бы по поленцу»...

12/25 сентября 1919 г. Сегодня вечером принимал «опиум», то есть был за всенощной в храме Пятницы Параскевы (в Охотном ряду). По случаю завтрашнего праздника Обновления храма Воскресения Христова в Иерусалиме всенощная шла «по пасхальному чину»... Служба была на редкость благолепной. Храм переполнен, служит епископ Трифон, очень популярный в Москве, но поистине отрекшийся от мира. Ведет, говорят, совершенно замкнутую жизнь, и даже не в монастыре, а в частной квартире, занимая одну жалкую комнатку. Внешность его как бы подтверждает такую обстановку: не так давно он был совершенно черен волосом (он из восточных «князей»-туркестанов), а теперь седой, с изможденным лицом, но зато, когда облачился в красные торжественные ризы и в митру,— явил из себя картинного епископа. Так шло к пышной церковной обстановке его иконописное лицо, и к тому же все его возгласы и чтение св. Евангелия были проникновенны и западали в душу молящихся... А хор по нынешним временам — прямо замечательный. Так и должно казаться, потому что им управляет прославленный знаток церковного пения — Н. М. Данилин, бывший регент бывшего несравненного Синодального хора.

Всенощная началась троекратным пением «Христос Воскресе» и сразу получилось настроение. А когда в конце Великого входа хор грянул: «Да воскреснет Бог» (Пасху Смоленского), у меня волос зашевелился. Несказанно хорошо и величаво!..

После Евангелия духовенство запело «Воскресение Христово видевше» и вся церковь наполнилась всенародным пением. Первые слова молящиеся подпевали несмело, но епископ обратился к нам со словом «подпевайте», задирижировал бывшей у него в руке зажженной свечкой, и волна задушевного, мощного пения охватила весь храм. Точно уж не только воспоминание об Обновлении храма, а обновление всех предстоящих людей, час тому назад погруженных кто в служебные, кто в домашние, кто... в спекулятивные дела. Затем чудным древним распевом хор исполнил весь Пасхальный Канон.

7/20 января 1921 г. Сегодня я проходил по Газетному переулку (кажется, теперь «улица Огарева») и издалека еще слышал, как наяривает военный оркестр какую-то красную частушку, а в виде церкви вспомнил, что в старые времена, когда воины не воевали с храмами Божиими, игра военных оркестров при проходе мимо церквей прекращалась, а тут, как назло, она особенно свирепствует. Однако на этот раз свершилось «как встарь»: только что оркестр стал проходить мимо церкви, как вдруг его

звуки моментально оборвались. Почему? А потому, что встречная лошадь испугалась музыки, а музыканты испугались шарахнувшейся в их сторону лошади. Вы скажете, что это простой случай, а по-моему, тут не без Божиего произволения, как, бывало, говорила моя покойная матушка.

19 июля/1 августа 1921 г. С сегодняшнего дня начинается восьмой год российских непрерывных и величайших бедствий*... Сейчас хозяином Кремля Ленин. Иван Великий давным-давно онемел и, как это не дико, может позвонить только тогда, когда этим вздумается «позабавиться» Ленину... Скорее услышим кремлевский звон, чем его признание в своем заблуждении, исторически величайшем, чудовищном и непоправимом в десятки лет...

Семь лет человеческого кровопролития, вранья, воровства, разврата, самоистязания, разорения, изуверства или вообще забвения и сокрушения Божеских и человеческих законов! И конца-краю не видной этой тьме египетской, душу гнетущей и тело изнуряющей.

Буди милостив, Боже, нам, грешным!»

Москва вечная — православная, верная заветам предков, и Москва XX столетия — атеистическая, ослепленная революционной заразой, изображены ее жителем Никитой Окуневым без лжи и прикрас. Пока его книгу, изданную на русском языке в Париже, можно найти лишь в крупных библиотеках. Но будем надеяться, что «Дневник москвича» издадут и в нашем Отечестве.

Михаил ВОСТРЫШЕВ

Сдано в набор 11.05.93. Подписано в печать 24.06.93. Заказ 637. Индекс 71157
Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат
Министерства печати и информации Российской Федерации
142300, г. Чехов Московской области

АКАФИСТ

ПРЕПОДОБНОМУ И БОГОНОСНОМУ ОТЦУ НАШЕМУ СЕРАФИМУ, САРОВСКОМУ ЧУДОТВОРЦУ

Кондак 1

Избранный чудотворче и предивный угодниче Христов, скорый помощниче и молитвенниче наш, преподобне отче Серафиме! Величающе прославльшаго тя Господа, воспеваем ти похвальная. Ты же, имеяй велие дерзновение ко Господу, от всяких нас бед свободи, зовущих: Радуйся, преподобне Серафиме, Саровский чудотворче.

Икос 1

Ангелов Творец избра тя изначала, да прославиши житием твоим пречудное имя Святыя Троицы: явился бо еси воистину ангел на земли и во плоти серафим, яко луч пресветлый Вечнаго Солнца Правды, просветися житие твое. Мы же, зряще прехвальныя труды твоя, с благоговением и радостию глаголем ти сицевая:

Радуйся, правило веры и благочестия; радуйся образе кротости и смирения.

Радуйся, преславное верных величание; радуйся, претихое скорбным утешение.

Радуйся, прелюбимое иноков похваление; радуйся, живущим в мире предивное поможение.

Радуйся, Российския державы славо и ограждение; радуйся, тамбовския страны священное украшение.

Радуйся, преподобне Серафиме, Саровский чудотворче.

Кондак 2

Видящи мати твоя, преподобне отче Серафиме, теплую любовь твою ко иноческому житию, позна святую

госердием твоим и помози нам заповеди Господни непорочно сохраняти, веру православную крепко содержати, покаяние во гресех наших усердно Богу приносити, во благочестии христианстем благодатно преуспевати и достойны быти твоего о нас молитвеннаго к Богу предстательства. Ей, святче Божий, услыши нас, моляшихся тебе с верою и любовию, и не презри нас, требующих твоего заступления: ныне и в час кончины нашея помози нам и заступи нас молитвами твоими от злобных наветов диавольских, да не обладает нами тех сила, но да сподобимся помощию твоею наследовати блаженство обители райския. На тя бо упование наше ныне возлагаем, отче благосердый: буди нам воистину ко спасению путеводь и приведи нас к невечернему свету Жизни Вечныя богоприятным предстательством твоим у Престола Пресвятыя Троицы, да славим и поем со всеми святыми достопокланяемое имя Отца и Сына и Святаго Духа во веки веков. Аминь.

чудеса твоя, умножившаяся, яко звезды небесныя: се бо по всем концем земли нашея людем Божиим являешися и даруеши им исцеления. Темже и мы вопием ти: о претихий и кроткий угодниче Божий, дерзновенный к Нему молитвенниче, николиже призывающия тя отреваяй, вознеси о нас благомощную твою молитву ко Господу Сил, да укрепит державу нашу, да дарует нам вся благопотребная в жизни сей и вся к душевному спасению полезная, да оградит нас от падений греховных и истинному покаянию научит нас, во еже безпретковенно внити нам в вечное Небесное Царство, идеже ты ныне в незаходимей сияеши славе, и тамо воспевати со всеми святыми Живоначальную Троицу до скончания века. Аминь.

Молитва вторая

О великий угодниче Божий, преподобне и богоносне отче наш Серафиме! Призри от Горния славы на нас смиренных и немощных, обремененных грехми многими, твоея помощи и утешения просящих. Приникни к нам благо-

волю Господню о тебе, и Богу, яко дар совершен приносящи, благослови тя на тесный путь иноческий святым крестом своим, егоже до конца жития твоего на персех носил еси, знаменуя велию любовь твою к распеншемуся за ны Христу Богу нашему, Ему же вси со умилением зовем: Аллилуиа.

Икос 2

Разум небесный тебе даровася, святче Божий: от юности твоея не престая помышляти о Небеснем, оставил еси дом отчий, Царствия Божия ради и правды Его. Сего ради приими от нас похвалы сия:

Радуйся, града Курска чадо богоизбранное; радуйся, родителей благочестивых отрасль пречестная.

Радуйся, добродетели матере своея унаследивый; радуйся, благочестию и молитве ею наученный.

Радуйся, на подвиги от матере крестом благословенный; радуйся, благословение сие яко святыню до смерти соблюдый.

Радуйся, любве ради Господа дом отеческий оставивый; радуйся, вся красная мира сего ни во чтоже вменивый.

Радуйся, преподобне Серафиме, Саровский чудотворче.

Кондак 3

Сила Вышняго от юности твоея воистину храняше тя, преподобне: с высоты бо храма спадша сохрани тя Господь невредженна, и страждущу ти люте Сама Владычица мира явися, с Небес исцеление принесши,

зане измлада верно служил еси Богу, выну взывая Ему: Аллилуиа.

Икос 3

Имея тщание о подвизе иноческаго равноангельнаго жития, во град святый Киев поклонения ради преподобным Печерским притекл еси, и от уст преподобнаго Досифея повеление приим в пустыню Саровскую путь свой управити, верою издалеча облобызал еси место святое сие, и тамо вселився, житие твое богоугодное скончал еси. Мы же, дивящеся таковому о тебе Божию промышлению, со умилением вопием ти:

Радуйся, мирския суеты отрешивыйся; радуйся, Небеснаго Отечества пламенне возжелевый.

Радуйся, Христа всем сердцем возлюбивый; радуйся, благое иго Христово на себе восприемый.

Радуйся, совершеннаго послушания исполненный; радуйся, святых заповедей Господних блюстителю верный.

Радуйся, ум твой и сердце в Бозе молитвенно утвердивый; радуйся, столпе благочестия непоколебимый.

Радуйся, преподобне Серафиме, Саровский чудотворче.

Кондак 4

Бурю злых напастей утишая, прошел еси весь путь тесный и скорбный подвига иноческаго, несый ярем пустыннаго жития, затвора и молчания, многонощнаго бдения, и тако, благодатию Божиею восходя от

Радуйся, преподобне Серафиме, Саровский чудотворче.

Кондак 13

О предивный угодниче и великий чудотворче, преподобне отче Серафиме, приими малое сие моление наше, в похвалу тебе возносимое, и предстоя ныне Престолу Царя царствующих, Господа нашего Иисуса Христа, молися о всех нас, да обрящем милосердие Его в день судный, в радости поюще Ему: Аллилуиа.

Этот кондак читается трижды, затем 1-й икос и 1-й кондак.

МОЛИТВА ПРЕПОДОБНОМУ СЕРАФИМУ, САРОВСКОМУ ЧУДОТВОРЦУ

О пречудный отче Серафиме, великий Саровский чудотворче, всем прибегающим к тебе скоропослушный помощниче! Во дни земнаго жития твоего никтоже от тебе тощ и неутешен отъиде, но всем в сладость бысть видение лика твоего и благоуветливый глас словес твоих. К сим же и дар исцелений, дар прозрения, дар немощных душ врачевания, обилен в тебе явися. Егда же призва тя Бог от земных трудов к небесному упокоению, николиже любовь твоя преста от нас, и невозможно есть исчислити

Радуйся, любве Христовы верный последователю; радуйся, утешение всем требующим твоея помощи.

Радуйся, источниче чудес неоскудеваемый; радуйся, болящих и недужных исцелителю.

Радуйся, воды многоцелебныя кладязю неисчерпаемый; радуйся, яко вся концы земли нашея любовию твоею объял еси.

Радуйся, преподобне Серафиме, Саровский чудотворче.

Кондак 12

Благодать и велие твое дерзновение пред Богом ведуще, тебе, преподобне отче, молимся: молися тепле ко Господу, да хранит Церковь Свою Святую от неверия и раскола, от бед и напастей, да поем тобою благодеющему нам Богу: Аллилуиа.

Икос 12

Поюще твое прославление, ублажаем тя, преподобне, яко многомощна молитвенника о нас пред Господем, утешителя и заступника, и с любовию возглашаем ти сице:

Радуйся, Церкве Православныя похвало; радуйся, Отечеству нашему щит и ограждение.

Радуйся, путеводителю, всех к Небеси направляяй; радуйся, защитниче наш и покровителю.

Радуйся, силою Божиею многая чудеса содеявый; радуйся, ризою твоею многия недужныя исцеливый.

Радуйся, вся козни диавольския победивый; радуйся, звери дикия кротостию твоею покоривый.

силы в силу, от деяния к боговедению, преселился еси во Обители Горния, идеже со ангелы поеши Богу: Аллилуиа.

Икос 4

Слышаще и видяще святое житие твое, преподобне отче Серафиме, вся братия твоя удивляхуся тебе и, приходяще к тебе, поучахуся о словесех твоих и подвизех, славяще Господа, дивнаго во святых Своих. И мы вси с верою и любовию восхваляем тя, преподобне отче, и вопием ти сице:

Радуйся, всего себе в жертву Господеви принесый; радуйся, на высоту безстрастия возшедый.

Радуйся, воине Христов добропобедный; радуйся, Небеснаго Домовладыки рабе благий и верный.

Радуйся, предстателю о нас пред Господем непостыдный; радуйся, к Богородице молитвенниче наш неусыпный.

Радуйся, пречуднаго благоухания крине пустынный; радуйся, благодати Божия сосуде непорочный.

Радуйся, преподобне Серафиме, Саровский чудотворче.

Кондак 5

Божественный свет осия жилище твое, преподобне, егда, болящу ти и на одре смертнем лежащу, Сама Пречистая Дева, пришедши к тебе со святыми апостолы Петром и Иоанном, рече: «Сей есть от рода нашего», и главе твоей коснуся. Абие же исцелев, воспел еси благодарне Господеви: Аллилуиа.

Икос 5

Видя враг рода человеча чистое и святое житие твое, преподобне Серафиме, восхоте погубити тя: наведе бо на тя люди злы, иже беззаконно истязаху тя и еле жива суща оставиша: ты же, отче святый, яко агнец кроток, вся претерпел еси, за обидящих тя Господеви моляся. Темже мы вси, таковому твоему незлобию дивящеся, вопием ти:

Радуйся, в кротости и смирении твоем Христу Богу подражавый; радуйся, незлобием твоим духа злобы победивый.

Радуйся, чистоты душевныя и телесныя хранителю усердный; радуйся, пустынниче, дарами благодатными преисполненный.

Радуйся, подвижниче богопрославленный и прозорливый; радуйся, наставниче монахов предивный и богомудрый.

Радуйся, Святыя Церкве похвало и радование; радуйся, обители Саровския славо и удобрение.

Радуйся, преподобне Серафиме, Саровский чудотворче.

Кондак 6

Проповедует пустыня Саровская подвиги и труды твоя, богоносне угодниче Христов: дебри бо и леса ея молитвою облагоухал еси, пророку Божию Илии и Крестителю Господню Иоанну подражая, и явился еси пустыни прозябение многоплодное дарами Духа Святаго. Егоже действием многая и преславная совер-

Радуйся, весть от Нея ко преселению Небесному приемый; радуйся, праведною кончиною святость жития твоего показавый.

Радуйся, в молитве пред иконою Богоматере умиленный дух твой Богу предавый; радуйся, неболезненным исходом пророчения твоя исполнивый.

Радуйся, венцем безсмертия от руки Вседержителя увенчанный; радуйся, блаженство райское со всеми святыми унаследовавый.

Радуйся, преподобне Серафиме, Саровский чудотворче.

Кондак 11

Пение непрестанное Пресвятей Троице вознося, преподобне, всем житием твоим подвижник великий благочестия явился еси, заблуждшим на вразумление, болящим душею и телом на исцеление. Мы же, благодарни суще Господеви за таковую милость Его к нам, выну зовем Ему: Аллилуиа.

Икос 11

Светоподательный светильник быв в житии, богоблаженне отче, и по смерти твоей возсиял еси яко светозарное светило Российския земли: источаеши бо от честных мощей твоих токи чудес всем с верою и любовию к тебе притекающим. Темже мы, яко молитвеннику о нас теплому и чудотворцу, вопием ти:

Радуйся, множеством чудес от Господа прославленный; радуйся, любовию твоею всему миру возсиявый.

Радуйся, от мира в пустыню вселивыйся, да добродетели приобрящеши; радуйся, из пустыни во обитель возвративыйся, во еже добродетели семена сеяти.

Радуйся, Духа Святаго благодатию осиянный; радуйся, кротости и смирения исполненный.

Радуйся, притекавшим к тебе отец чадолюбивый; радуйся, в словесех любве ободрение и утешение им подававый.

Радуйся, приходящия к тебе радостию и сокровищем именовавый; радуйся, за любовь твою святую радостей Небеснаго Царствия сподобивыйся.

Радуйся, преподобне Серафиме, Саровский чудотворче.

Кондак 10

Спасительнаго твоего подвига, преподобне, достиг скончания, на молитве коленопреклоненно, святую душу твою в руце Божии предал еси, юже ангели святии вознесоша Горе ко Престолу Вседержителя, да со всеми святыми предстоиши во славе невечерней, воспевая песнь хвалебную святых Святейшему Слову: Аллилуиа.

Икос 10

Стена всем святым и иноком отрада, Пресвятая Дева пред кончиною твоею явися ти, провозвестивши близкое твое к Богу отшествие. Мы же, дивящеся таковому посещению Богоматере, вопием ти:

Радуйся, Небесе и земли Царицу лицезревый; радуйся, явлением Божия Матере обрадованный.

шил еси, подвизая верных воспевати благих Подателю Богу: Аллилуиа.

Икос 6

Возсия в тебе новый боговидец, Моисею подобный, Серафиме блаженне: непорочно бо служение олтарю Господню совершая, сподобился еси зрети Христа, во храме со Безплотными Силами грядуща. Сему Божию о тебе благоволению дивящеся, воспеваем ти сице:

Радуйся, боговидче преславный; радуйся, Светом Трисиянным озаренный.

Радуйся, Пресвятыя Троицы служителю верный; радуйся, Духа Святаго жилище украшенное.

Радуйся, Христа со ангелы телесныма очима лицезревый; радуйся, в бреннем телеси райскую сладость предвкусивый.

Радуйся, Хлебом Жизни насыщенный; радуйся, питием безсмертия напоенный.

Радуйся, преподобне Серафиме, Саровский чудотворче.

Кондак 7

Хотя Человеколюбец Господь явити в тебе, преподобне, Свое неизреченное к людям милосердие, показа тя яко воистину светило богосветлое: делы бо и словесы твоими всех приводил еси ко благочестию и любви Божией. Темже, сиянием подвигов твоих просвещени и хлебом учения твоего насыщени, тебе усердно величаем и прославльшему тя Христу вопием: Аллилуиа.

Икос 7

Новаго видяще тя избранника Божия, издалеча притекаху к тебе вернии в скорбех и болезнех: и сих, бедами отягченных, не отринул еси, источая целения, даруя утешение, предстательствуя в молитвах. Темже исхождаше во всю землю Российскую вещание чудес твоих, и сице тя славляху духовная чада твоя:

Радуйся, пастырю наш добрый; радуйся, отче милостивый и кроткий.

Радуйся, врачу наш скорый и благодатный; радуйся, немощей наших целителю милосердый.

Радуйся, в бедах и обстояниих помощниче скорый; радуйся, душ смятенных умирителю пресладостный.

Радуйся, грядущая яко настоящая провидевый; радуйся, прегрешений сокровенных обличителю прозорливый.

Радуйся, преподобне Серафиме, Саровский чудотворче.

Кондак 8

Странное чудо видим на тебе, преподобне: яко старец сый немощный и притрудный, тысячу дний и тысячу нощий на камени в молитве пребывал еси. Кто доволен изрещи болезни и борения твоя, блаженне отче, яже претерпел еси, воздея преподобнии руце твои к Богу, Амалика мысленнаго побеждая и Господеви поя: Аллилуиа.

Икос 8

«Весь еси желание, весь сладость, Сладчайший Иисусе!»- тако в молитвах взывал еси, отче, в пустынем безмолвии твоем. Мы же, суетою помраченнии и во гресех все житие иждившии, восхваляюще любовь твою ко Господу, сице вопием ти:

Радуйся, любящим и чтущим тя ходатаю спасения; радуйся, приводяй грешников ко исправлению.

Радуйся, молчальниче и затворниче предивный; радуйся, молитвенниче о нас усердный.

Радуйся, пламенную любовь ко Господу показавый; радуйся, огнем молитвы стрелы вражия попаливый.

Радуйся, свеще неугасимая, молитвою в пустыни пламенеющая; радуйся, светильниче горяй и светяй даровании духовными.

Радуйся, преподобне Серафиме, Саровский чудотворче.

Кондак 9

Все естество ангельское удивися странному зрению: старцу бо сущу в затворе, Небесе и земли Царица явися, повелевающи, да открыет затвор свой и да не возбранит людем православным внити к себе, но да всех пети научит Христу Богу: Аллилуиа.

Икос 9

Ветии многовещании не возмогут изрещи крепость любве твоея, блаженне: предал бо еси себе на служение всем приходящим к тебе, повеление Богоматере исполняя, и был еси недоумевающим советник благий, унывающим утешитель, заблуждающихся кроткое вразумление, болящих врач и целитель. Сего ради вопием ти:

ХРАМ ВО ИМЯ ТИХВИНСКОЙ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ В АЛЕКСЕЕВСКОМ,
г. Москва

ИЗДАНИЕ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ